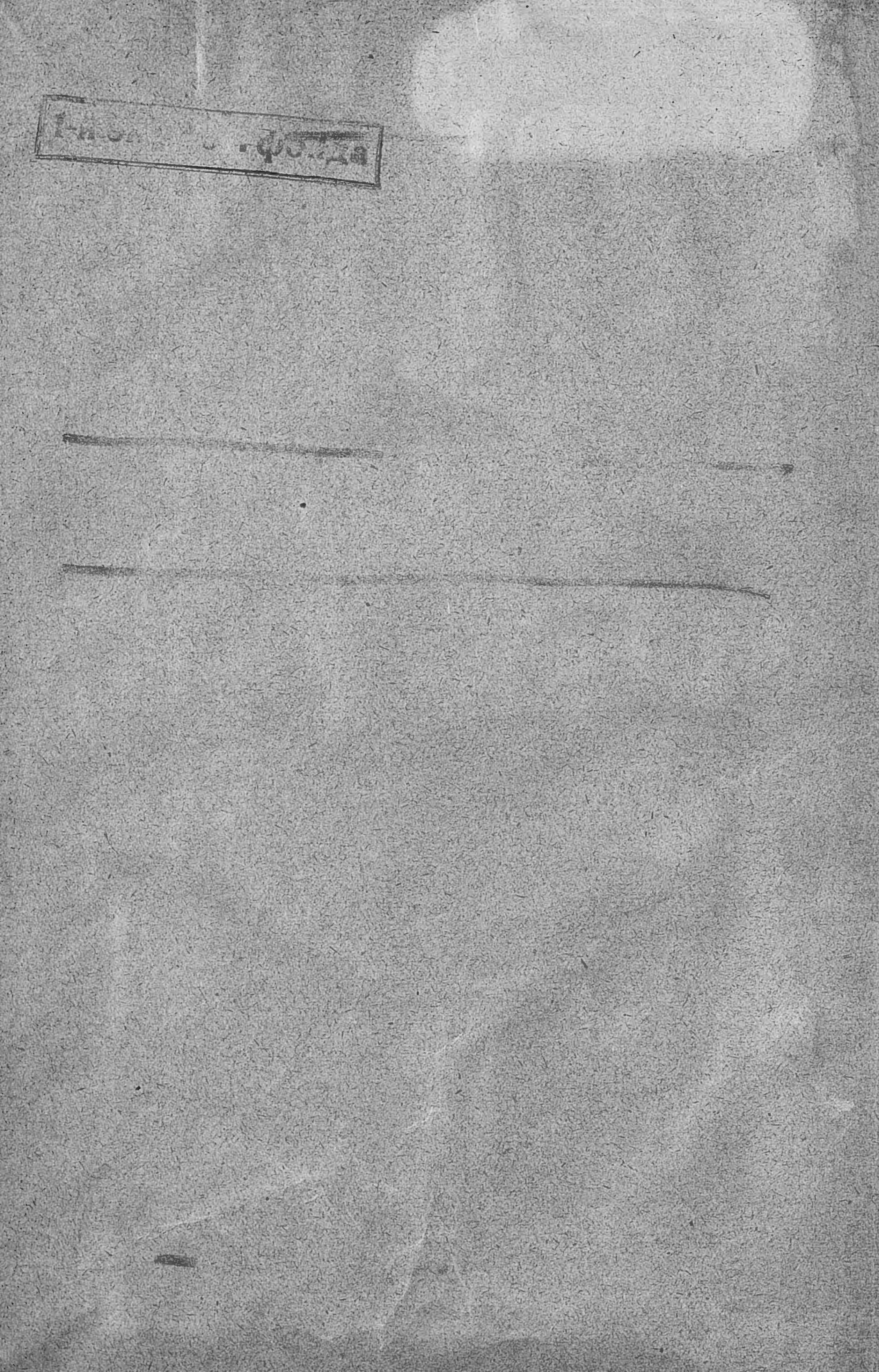
Г. ЗИНОВЬЕВ

МИРОВАЯ ПАРТИЯ ЛЕНИНИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
Г. П. П. ▫ МОСКВА ▫ 1924

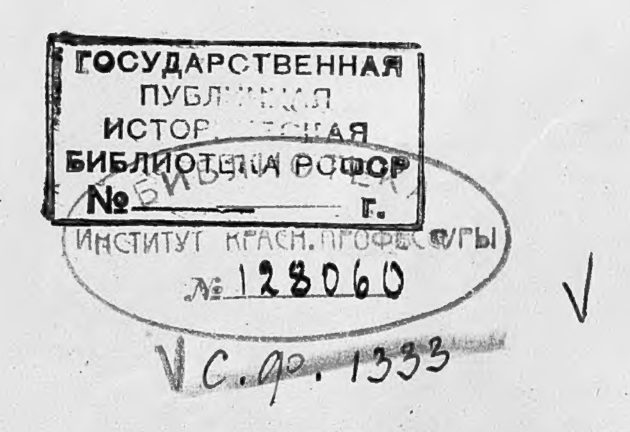

Г. ЗИНОВЬЕВ

МИРОВАЯ ПАРТИЯ ЛЕНИНИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
Г. П. П. □ Москва □ 1924

Главлит № 24511. Тираж 25000 экз.

Мосполиграф. 27 тип. „Красная Печать“. Москва, Остоженка, 10. Тел. 2-56-19.

От Ленина к ленинизму.

(Речь при открытии V конгресса).

Роль т. Ленина.

Товарищи! На пятом конгрессе Коминтерна стоит вопрос о программе Коммунистического Интернационала. Коминтерну придется еще немало вложить коллективной работы на то, чтобы выработать текст программы, который удовлетворял бы всем потребностям движения и соответствовал бы нашей теории. Но, товарищи, у нас есть два имени, воплотившие в себе программу Коммунистического Интернационала с наибольшей полнотой. Это—Маркс и Ленин (аплодисменты). Коммунистический Интернационал с первых шагов своей работы считал своей обязанностью пойти по той дороге, которую Карл Маркс указал первому Интернационалу. Под знаменем Маркса сложился Коминтерн.

Уже прямо рука об руку в одних и тех же рядах пришлось Коммунистическому Интернационалу бороться и создавать свою организацию совместно с Владимиром Ильичем Лениным. Для него не было дела более высокого, более великого, чем интересы Коммунистического Интернационала.

Российских рабочих Владимир Ильич учил тому, что нет дела более высокого, чем служение рабочему классу не только своей собственной страны, но и международного рабочего движения, еще в те годы, когда наша партия была нелегальной, когда надо было бороться направо и налево, защищая право на существование, когда ей нужно было отражать ревизионизм всяческих видов. В годы победы Владимир Ильич постоянно напоминал российскому пролетариату, что интересы Интернационала выше всего, что каждый рядовой рабочий должен готовиться к роли работника революционного движения не только собственной своей страны, но и всего мира.

Один из видных социал-демократов, Макс Адлер, в некрологе, посвященном Владимиру Ильичу, отметил, что реформистский социализм (к лагерю которого он сам при-

надлежит) „бездушен“. Я не знаю более сурового приговора для II Интернационала, чем это коротенькое словечко „бездушен“, брошенное в лицо II Интернационалу членом его Максом Адлером. Он писал:

„Именно в этом противоречии между бездушным социализмом и социализмом, в котором горит горячая душа „практики переворота“ Маркса Энгельса, душа социальной революции,—именно в нем лежит подлинная причина сегодняшнего раскола и слабости социализма. И вот Ленин, в противовес указанной слабости, являлся гигантским воплощением этой пламенной души социализма“.

Несколько ниже он пишет:

„У кого нет глаз и понимания того, что я выше назвал „бездушием“ социализма, тот никогда не поймет, что „путчизм“ для многих его лучших и идейных приверженцев—и это особенно об'ясняет притягательную силу коммунизма у молодежи—представляет страстную реакцию против этой бездушности. Именно, как такую реакцию против революционной атрофии пролетарского социализма следует, прежде всего, понимать интернациональную деятельность Ленина“.

Товарищи! В дни, когда мы оплакивали смерть Владимира Ильича, у некоторых наиболее добросовестных противников коммунизма вырывались признания, подобные тому, которые я сейчас привел. Да, Владимир Ильич был пламенной душой международного социализма, всего, что есть героического в рабочем движении. И я думаю, товарищи, для нашего конгресса, который завтра или послезавтра начнет свою работу, не будет большей чести, как сознавать, что часть души Владимира Ильича вибрирует в любой из наших партий, и что каждая из них сочтет для себя величайшей честью пойти по дороге, указанной мировому пролетариату и международной революции покойным Владимиром Ильичем Лениным (аплодисменты).

Когда умер Маркс, Энгельс в известном письме, не раз нами цитированном, писал:

„Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от нас всегда ясные и верные советы. Такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий своим предметом“.

Владимир Ильич своей великой работой позаботился о том, чтобы, когда он уйдет от жизни, такой центр, к которому революционеры всего мира могли бы обратиться за советом и получить указания в духе Владимира Ильича, чтобы такой центр остался. Этот центр здесь, это—Коммунистический Интернационал, созданный больше всего гением

Владимира Ильича. И V конгресс докажет всему миру, что среди нас недаром работал гениальнейший из гениальных наших соратников, гениальнейший из вождей международного социализма, лучший представитель революционного марксизма на земле (аплодисменты).

Героические бои и их жертвы.

Здесь было уже указано, что за истекшее время мы понесли немало жертв и немало потерь. Естественна потребность в каждом из нас в первые минуты нашего международного конгресса вспомнить о товарищах, силой вещей выдвинутых на передовую линию огня и поэтому получивших и первые наиболее сильные удары со стороны врагов. Мы посылаем свое приветствие краковским повстанцам, которых судит белая гвардия как раз в те дни, когда заседает наш конгресс. Мы посылаем столь же пламенный привет польским рабочим, сидящим в тюрьмах, польским крестьянам, захваченным в плен буржуазной шайкой, мы вспоминаем ныне десятки и сотни болгарских повстанцев, заточенных в тюрьмах и находящихся в изгнании, мы вспоминаем и тысячи немецких рабочих, заключенных в плен при помощи фашистской социал-демократии, мы вспоминаем индусских революционеров, на-днях получивших приговор—4 года каторги, где правительство действовало в полном единении с „рабочим“ правительством его величества короля английского и в то же время вождя рабочей партии г-на Макдональда. Мы вспоминаем героическую борьбу наших японских, китайских и корейских товарищей. Мы вспоминаем в этот день трагическую гибель Осуги, Кавами, Иошиумы, Такоора и целого ряда других товарищей, погибших от руки фашистов озверелого японского империализма.

Мы не забудем упорной борьбы китайских железнодорожных стачечников.

Мы вспоминаем центральный комитет египетской коммунистической партии, заточенный почти целиком в тюрьмах за проведение большой стачки, приведшей к захвату отдельных фабрик в Египте.

Мы вспоминаем героическую борьбу международного комсомола. Вы знаете, что недавно был расстрелян в Польше товарищ Энгель, вы знаете, что польским комсомольцам вынесены за последние недели каторжные приговоры коллективно на 477 лет. Пламенный братский привет польскому и всемирному комсомолу (аплодисменты). Мы вспоминаем героическую работу, выполненную французскими и немецкими комсомольцами в Руре. Что бы ни говорили, но мы были сравнительно слабы и не могли реагировать

в должной мере на рурские события, но факт остается фактом: только немецкая и французская коммунистические партии под руководством Коммунистического Интернационала выполняли свой долг с самого начала захвата Рура. И действительно, комсомольцы французские и немецкие выполнили его с честью, за что на-днях получили около 150 лет тюрьмы. Разумеется, наш конгресс не может пройти мимо, чтобы не послать братский, дружеский, горячий, товарищеский привет французским и немецким комсомольцам (аплодисменты).

Комсомол нельзя устрашить.

Буржуазные правительства надеются, что они каторгой могут покончить с социальным движением, представляющим собой все мировое движение коммунистической молодежи.

Слепцы, устрашить комсомол—это все равно, что устрашить раннее утреннее солнце, чтобы оно не всходило! Неужели они не поймут, что кому-кому, но во всяком случае нынешнему прекрасному поколению коммунистической молодежи наверняка предстоит осуществить полную победу над буржуазным строем. Увы, кто-кто, а комсомол-то наверняка будет могильщиком буржуазного общества. Нет, не удастся каторжными приговорами затоптать зелени комсомола и расстрелами, как это делает польская буржуазия, задавить всемирное великое историческое движение, которое Коммунистический Интернационал будет поддерживать всем, чем только может (аплодисменты).

Темп движения.

Товарищи! К первому пятилетию Коминтерна мы отмечаем, что движение развивалось не так быстро, как мы этого ожидали. Припомним время, когда Владимир Ильич, один из самых выдающихся умов, считал, что вопрос о победе пролетарской революции во всех странах—это вопрос месяцев.

Мы ошиблись в оценке темпа, и там, где надо было считать годами, мы иногда считали месяцами. Те, кто не вникает в сущность Коминтерна, иногда впадал в уныние и говорили: вот пять лет уже существует наша организация, а между тем она еще не победила во всем мире.

Да, за первые пять лет существования Коминтерна мы имеем пока только примерно полдюжины разрушенных монархических тронов и завоевали одну шестую часть земной суши в лице Союза ССР. За эти пять лет мы наблюдали возникновение и рост коммунистических партий в

целом ряде стран Европы и других материков. За это время к власти вторично прокралась социал-демократия. Во второй раз она подходит к власти, и рабочая аристократия и мелкая буржуазия, олицетворенная социал-демократами, разделяет ныне с буржуазией власть в ряде стран. В то время, когда рабочие под знаменем Коминтерна накапливают силы для новой революционной борьбы, II Интернационал в лице его верховных вождей прокрадывается к власти и является соучастником дела буржуазии. Вот примерные итоги, далеко не исчерпывающие первых пяти лет.

Нет основания для уныния.

Да, правильно, победы еще нет, и нам надо еще завоевать пять шестых земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик. Да, наших комсомольцев расстреливают, десятки и сотни наших товарищей находятся в тюрьмах и на каторге. Мы видим за это время попытки восстания в Германии (я говорю о героическом восстании в Гамбурге), в Польше и широкое восстание в Болгарии. Но многое далеко еще не выполнено. Однако, было бы величайшим оппортунизмом, наивностью и непониманием того, чему нас учил Владимир Ильич, если бы, как я это иногда видел, со стороны некоторых коммунистов впадать в уныние, хотя бы из-за того, что коммунист Ньюболд не прошел на выборах. Я видел коммунистов, считавших это поражением Коминтерна и невесть какой бедой, хотя Ньюболд получил гораздо большее число голосов, чем раньше. Надо, наконец, понять, что успех Коминтерна не лежит на избирательной арене. Мы и там имели крупные успехи и они тем важнее для нас, что они не являются нашей стихией. Но смешно было бы думать, что действительно наш успех будет определяться на основании того, прошел или не прошел Ньюболд или кто-либо другой в парламент.

Время работало на нас.

Темп развития был медленным, но время работало на нас. Мы почти в каждой стране в настоящее время сильнее, чем были год тому назад. Целый ряд наших партий переживал испытания. Такие испытания пережили: германская коммунистическая партия, итальянская и почти все партии балканских стран, чехо-словацкая и частью американская партия, прошедшие через испытания подполья. Это, конечно, для нас очень важное испытание, потому что нас пытались задушить при помощи нелегального положения. Но всюду наши партии выдерживали испытание и вышли из них

гораздо более закаленными, гораздо более сильными, чем вошли в подполье. Сейчас всюду мы имеем гораздо более большевистские коммунистические партии, чем до сих пор. Вот почему мы приступаем к работе V конгресса с сознанием того, что победы окончательной еще нет, и что много испытаний было на нашем пути. Наше дело идет более медленно, чем это можно было ожидать, но оно идет вперед. Наш Коминтерн, созданный Владимиром Ильичем и поддержанный всем, что было честного и революционного в международном рабочем классе, и все его организации выдержали перекрестный огонь и сделались гораздо сильнее.

Десятилетие войны.

Мы открываем наш конгресс накануне десятилетия войны. Президиум Коминтерна принял по этому поводу важное решение, которое мы будем просить вас подтвердить. Мы хотим произвести международную демонстрацию в течение недели в конце июля и начале августа. Мы хотим произвести эту демонстрацию не только против буржуазии, но и против белой социал-демократии, повинной в войне не менее, нежели буржуазия. Я надеюсь, что V конгресс подтвердит в основном тактику единого фронта, но бывают моменты, когда мы больше всего должны подчеркнуть, что вожди социал-демократии—наши смертельные враги, и момент десятилетия войны есть именно такой момент. Мы хотим произвести эту международную демонстрацию не вместе с социал-демократами, а против них (аплодисменты).

Разоблачайте подлый обман с.-д.

Сейчас II Интернационал носится с заключением комиссии экспертов, как известный герой с писаной торбой, и пытается уверить рабочих всего мира, что это заключение комиссии есть наилучший выход из современного положения, что это миролюбивый путь, приемлемый для всего международного рабочего класса.

Один из самых маститых тупиц и в то же время руководитель II Интернационала—Криспин—на происходящем сейчас с‘езде германской социал-демократии обессмертил себя такой фразой. Он сказал, что в заключении комиссии экспертов он констатирует „капитуляцию буржуазии перед марксизмом“. Ну, разве это не кретин из кретинов? Этот самодовольный мещанин, кажется, всерьез смешивает Карла Маркса с нынешним правителем Германии Марксом, потому

что только при таком предположении он мог, и то с достаточной долей глупости, употребить подобную фразу.

Готовится новый всемирный обман. Комиссия экспертов—это петля на шее рабочего класса Германии. Правда, она иногда походит на шелковую петлю, и господа из II Интернационала радуются, что она шелковая, и что она будет затягивать с передышкой и будет давать время от времени передышку германскому рабочему. Документ, составленный комиссией экспертов, пытаются представить как последнее слово демократической пацифистской истины.

Одна из важнейших задач Коминтерна заключается в том, чтобы разоблачить этот подлый обман и показать заключение комиссии экспертов в том свете, как оно этого заслуживает.

Недавно в Вене собрался Амстердамский Интернационал, и там эти господа поставили этот вопрос о войне. Господин Жуо, представлявший французскую Конфедерацию Труда, внес известную вам резолюцию. В целом ряде стран они собираются разыграть гнусную комедию и выступить в роли борцов против войны.

Мы напомним германским с.-д. их позорные выступления.

Разве они не предполагают, что мы напомним им в течение ближайшего же времени о тех преступлениях, которые они имеют перед международным рабочим классом в империалистическую мировую войну? Одна из важнейших наших задач это развернуть этот свиток преступлений и, в связи с предстоящим 10-летием империалистической войны, развернуть перед рабочим классом всего мира этот махровый букет вождей II Интернационала, напомнив всему миру, что они виновны в мировой бойне нисколько не меньше, чем империалистические правительства.

Неужели они думают, что мы не напомним им, что они говорили накануне войны? Пусть господин Жуо не забудет, что в день похорон Жореса он закончил свою речь над его могилой такой фразой: „Прямо от этой могилы мы отправляемся на войну, отправляюсь и я“.

Этот самый Жуо, оскорбивший память Жореса в день его похорон подобным заявлением, собирается праздновать 10-летие со дня об'явления мировой империалистической войны. Этот самый Жуо, являющийся одним из вождей Амстердамского Интернационала, теперь выступает с известными вам предложениями.

Неужели эти господа думают, что мы не напомним германским социал-демократам позорную статью: „День германской нации“ в „Форвертсе“?

„Как бы ни разрешился жребий, в глубине нашего сердца, мы еще надеемся, что он будет победоносным для священного дела германского народа; картина, которую сегодня представлял германский рейхстаг, это представительство нации, неизгладимо запечатлеется в памяти всей немецкой части человечества, запечатлеется в истории, как день мощного и гордого под'ема германского духа... Все, как один человек, германские социал-демократы голосовали за заем. Как и вся международная социал-демократия, так и имперская германская партия, эта драгоценная жемчужина в организации классового сознательного пролетариата, самый яростный противник войны, самый горячий сторонник единения и солидарности народной... Но так как германское отечество в опасности, так как национальная независимость народа поставлена под угрозой, то социал-демократия становится на защиту родины и „товарищи, не знающие отечества“, „красная банда“, как презрительно обозвал их император, отдают государству достояние и кровь рабочих масс“.

Неужели вожди германской социал-демократии думают, что мы не напомним им того, что они говорили в начале войны?

Шейдеман—вождь германской социал-демократии, самая крупная фигура в германской социал-демократии, неужели он думает, что мы не напомним ему следующую маленькую страничку из его собственного дневника?

„Около половины первого прибыл канцлер. Мне показалось, что он пожал мне руку особенно продолжительно и с подчеркиванием (смех). И когда он сказал мне: „Доброго утра, г-н Шейдеман“, это прозвучало для меня, как будто он хотел мне сказать: „Ну, слушай, теперь наши старые споры, я надеюсь, по-боку...“

...Я указал на особое положение нашей партии, с которой представители других партий должны посчитаться. В конце-концов, достигнуто было следующее соглашение. Текст нашего заявления в парламенте должен был быть сообщен не позднее 9 часов вечера всем партиям, дабы они имели возможность учесть его в своих заявлениях. Гаазе дал торжественное заверение, что наше заявление ни в коем случае не будет давать повода для контр-заявлений других партий. Ни при каких обстоятельствах наше заявление не будет нападением на другие партии; но еще один подводный камень нужно было обойти: провозглашение здравицы кайзеру. Что вы будете делать при этом?—спрашивали нас члены других парламентских фракций. „Я просил бы не делать нам новых трудностей.“ „Шопотом“ я сказал депутату Шпану настолько громко, что Дельбрюк должен был обязательно это услышить: „В крайнем случае я считаю подхо-

дящим, чтобы была провозглашена здравица кайзеру, народу и отечеству“ *). (Смех).

Как видите, он скоро нашел компромисс (смех).

Неужели эти господа думают, что к предстоящему 10-летию мы не напомним им всего этого и позволим разыгрывать роль невинных ангелов, вестников мира для международного рабочего класса? Неужели они думают, что мы не напомним им того, что во время последнего конгресса Амстердамского Интернационала, в момент самой горячей схватки между частью „левых“ англичан и германскими социал-демократами первые кричали: „Где Роза Люксембург?“ Это маленькое „товарищеское“ напоминание одного крыла Амстердамского Интернационала другому об их участии в убийстве международных вождей революционного пролетариата Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Главнейшие виновники войны—с.-д.

Надо, чтобы не отдельные люди, а целые партии, весь международный пролетариат в годовщину мировой империалистической войны спросил вождей—господ Шейдеманов и Жуо, Вандервельде и К⁰ не только—где Р. Люксембург и К. Либкнехт, но и где миллионы немецких, французских, российских рабочих и рабочих других наций, угнанных этими господами на войну.

Мы напомним им, что 10 миллионов людей погибли в этой мировой империалистической войне, что 10 миллионов осталось калек, 20 миллионов раненых и около 800 миллиардов золотых марок стоила эта война по самым скромным исчислениям. Мы напомним рабочим мира, и прежде всего рабочим, идущим за социал-демократией, что главнейшие виновники этой бойни—вожди социал-демократии.

Вопрос о войне не может сойти с повестки дня международных с'ездов, особенно до тех пор, пока имеют влияние на рабочий класс эти гнусные лжецы, стоящие во главе II Интернационала. Я уже не говорю о таком персонаже, как Жуо, но даже англичанин Бен-Тиллет сказал: „Надо бороться против войны, но, конечно, если она придет, я буду на стороне своего отечества“. Это говорят лица, являющиеся относительно лучшими людьми в среде неисправимых реформистов, но на деле играющих роль злейших предателей международного рабочего класса.

Вот почему **организация демонстрации к 10-летию со дня империалистической войны является одним из важнейших дел Коммуни-**

---

*) (Шейдеман. Дневник. Запись от 3 августа 1914 г., глава: „Имперский канцлер Бетман-Гольвег перед комитетом парламентской фракции“).

стического Интернационала. И мы поставим всю агитацию и всю нашу работу так, чтобы рабочие беспартийные, идущие за социал-демократией, помнили весь тот ужас, который представляет собой война для рабочего класса, чтобы они видели, что если они не пойдут на подмогу Коммунистическому Интернационалу, что если рабочие всего мира не подопрут нашу организацию, которая одна только борется против войны, то никаких гарантий против войн в будущем у нас не имеется.

Задачи конгресса.

Нашему конгрессу предстоит обсудить целый ряд крупнейшей важности задач.

События, особенно в последние месяцы, кинематографически менялись. Целый ряд проблем ждет ответа.

События в Германии и их оценка имеют громаднейшее значение для оценки судеб Коминтерна и нашей тактики в целом. „Рабочее“ правительство в Англии и наше отношение к нему; левый блок во Франции и задачи французской компартии, в силу вещей выдвинутой на аванпост мировой политики; оценка болгарских уроков, оценка итальянской политики, где в течение нескольких лет свирепствует фашизм; наша российская дискуссия, взволновавшая целый ряд партий и сейчас законченная, ждущая подведения итога; тактика единого фронта и рабоче-крестьянского правительства,—вот ряд сложных проблем, которые предстоит нам разрешить.

Отдельные ошибки не аргумент против единого фронта.

Вы знаете, что под влиянием целого ряда неудач и ошибок мы видели попытки провести отказ от тактики единого фронта целиком. Мы будем бороться против этого. Отдельные ошибки, даже большие, не являются аргументом против тактики единого фронта. Не то ли было и с тактикой революционного парламентаризма, когда каждую ошибку при применении парламентаризма пытались использовать против всей тактики революционного парламентаризма?

А если мы возьмем марксизм как учение? Что сделали с ним ревизионисты? Разве мы не знаем, что злейшие подделки марксизма нам подносили, клянясь именем марксизма, иные мнимо „революционные“ синдикалисты? Разве мы не знаем, что действительно отдельные крупные ошибки в оценке марксизма совершали отдельные марксисты?

Разумеется, тактика единого фронта не претендует быть целым учением. Это только часть прикладного мар-

ксизма на известную эпоху. И мы считаем ее крупным орудием Коминтерна; тем не менее, были ошибки в применении ее, и под видом единого фронта нам иногда преподносили идею коалиции с социал-демократами, политическое соглашение с последними. Это не заставит нас отказаться от оценки тактики единого фронта, так как мы ее в основном оценивали на предыдущих конгрессах под руководством Владимира Ильича.

Нам предстоит еще разрешить вопрос о программе Коммунистического Интернационала. Перед нами целый ряд важнейших вопросов международного профдвижения, перед нами целый ряд крупнейших вопросов чрезвычайной важности, связанных с оценкой наших задач в Германии, Англии, Франции, Польше, Скандинавии, Балканах и т. д.

Теперь перед нами задача оценки итогов новой экономической политики Союза ССР, имеющей за собой 3 года существования. Вы помните, Владимир Ильич учил, что в этой политике много чисто российского, но она имеет и много общезначительного, международного, такого, которое придется в том или другом варианте применять коммунистическим партиям других стран. Перед нами теперь не только теория о новой экономической политике, но перед нами 3 года опыта, 3 года тягчайшей работы, перед нами ряд результатов, которые конгресс должен изучить и дать оценку. Таковы громадные задачи, стоящие в порядке дня. Я думаю, что все мы будем одушевлены одним желанием обсудить эти вопросы и разрешить их на основании программы, олицетворяемой для нас двумя именами—Маркс и Ленин.

В духе Ильича.

Российская коммунистическая партия осиротела. Осиротел и Коммунистический Интернационал. Но все мы независимо от истории страны и каждого из нас, независимо от традиции партии, независимо от темперамента, все мы сходились и сходимся сейчас,—и это наше искреннее желание,—все наши решения принимать в духе того, чему учил нас Владимир Ильич. Если наша российская коммунистическая партия немедленно после того, как закрыл глаза В. И. навеки, сказала, что теперь у нас одна дорога—постараться хотя бы в некоторой степени восполнить отсутствие этого гениальнейшего из вождей, то другие секции, я думаю, скажут то же самое. Они приступят к разрешению громадных вопросов, стоящих перед нами. Они действительно пойдут по дороге, проложенной Владимиром Ильичем, по пути разрешения этих вопросов, и эти вопро-

сы мы сумеем сообща разрешить, имея в руках метод, завещанный К. Марксом и практически осуществленный Владимиром Ильичем в Октябрьской революции.

Я уверен, что наш конгресс пойдет по пути Коммунистического Интернационала до победной революции. Что бы ни говорили те, которые недовольны первым 5-летием Коминтерна, и говорят, что нам не удалось осуществить всемирной революции, мы все имеем полное сознание, что дело наше идет вперед. Да, нам приходится итти через препятствия и надо твердо держать руль, чтобы не попасть на мель. Мы все, настроенные на более быстрый ход событий, иногда теряем равновесие, но, товарищи, для того мы и собрались здесь, представители 52 компартий, представители рабочих партий, не худшие из борцов коммунистического рабочего движения, для того, чтобы дружно, как полагается солдатам революции, ученикам Владимира Ильича Ленина, снова об'ективно обсудить вопросы, стоящие перед нами, и потом, засучив рукава, приняться за работу в духе того, как учил великий учитель. (Продолжительные аплодисменты).

Тактика и стратегия пролетарской революции.

(I. Отчет Исполкома V конгрессу Коминтерна. II. Заключительное слово по отчету конгрессу Коминтерна).

I.

Линия Коминтерна до V конгресса.

Наши силы.

Товарищи, на настоящем конгрессе нам предстоит наметить путь к будущему. Но раньше хотелось бы проверить пути прошлого, во-первых, потому, что в первый раз на конгрессе Коминтерна мы ведем работу без руководства и влияния тов. Ленина, во-вторых, потому, что мы имеем дело с совершенно новой во многих отношениях международной обстановкой и, в-третьих, потому, что мы до известной степени представляем собой юбилейный конгресс.

Недавно мы праздновали 5-ю годовщину Коминтерна. В нашем прошлом четыре мировых конгресса, образующие четыре этапа в истории революционного движения. Поэтому разрешите мне раньше всего сделать небольшой исторический обзор развития Коммунистического Интернационала. Я хотел бы проанализировать историю Коминтерна с двух точек зрения.

Первая: как велики были наши силы в начале существования Коминтерна, и насколько они выросли в течение последних лет.

Вторая: борьба направлений и обзор различных течений внутри Коминтерна на четырех мировых конгрессах.

От общества пропаганды к партии.

Сначала выясним вопрос о нашей количественной силе прежде и теперь. Мне кажется, теперь стало совершенно ясным, что Коминтерн в первые годы своего существования был в ряде стран, собственно говоря, только обществом пропаганды коммунизма, хотя мы сами и не особенно ясно отдавали себе в этом отчет. Мы думали вначале, что мы очень сильны, хотя в то время в целом ряде стран мы еще не были коммунистическими партиями, а только большими обществами пропаганды коммунизма. Откуда этот оптический

обман? Он об'ясняется тем, что стихийное недовольство масс в то время, т.-е. непосредственно после империалистской войны, было очень велико и нами воспринималось оно, как организованная коммунистическая мощь. Но мы ошибались. Приведу один только пример из истории братской германской партии.

После первого конгресса, во время январского восстания спартаковцев, мы предполагали, что наша германская партия очень сильна. Недовольство масс было очень велико. Враждебность к буржуазии, отчасти и к социал-демократии, была стихийной, и нам, коммунистам, казалось, что мы являемся руководящим авангардом этого многомиллионного движения. Но если мы теперь оглянемся назад на ход событий, то будет ясно, что восстание спартаковцев (нам отнюдь не приходится его стыдиться) представляло собой один из наиболее славных эпизодов борьбы рабочего класса.

Но что, собственно, представляла тогда наша партия на деле? Она была еще очень невелика, она была только большим обществом пропаганды коммунизма и делала лишь первые шаги по пути овладения массами. То же мы наблюдали и в других странах. Поэтому, чтобы получить верный масштаб для оценки настоящего момента, не нужно упускать из виду этого обстоятельства. Несмотря на все недостатки, несмотря на все слабые стороны нашей секции, мы ныне в целом ряде стран представляем собой не общество пропаганды, но выросли уже в коммунистическую партию и отчасти даже в ряд массовых коммунистических партий.

Борьба направлений.

Теперь—к вопросу о борьбе направлений внутри Коммунистического Интернационала. Необходимо уяснить некоторые вещи для того, чтобы правильно понять ту борьбу различных течений, которой нам будет очень трудно избежать и на V конгрессе. Что касается программной стороны вопроса, то я совершенно согласен с тем, что сказано в наказе германской компартии своей делегации на V конгрессе. Я предполагаю, что этот документ известен всем. Во многом он приемлем для всех нас и облегчит решения, которые нам здесь придется принять.

Железный фонд Коминтерна.

Коммунистическая партия Германии находит в нашей пятилетней деятельности шесть важных программных документов, являющихся, так сказать, железным фондом Коминтерна.

Это—тезисы о диктатуре и демократии, предложенные тов. Лениным на первом кон-

грессе; далее идут его же тезисы по аграрному и национальному вопросам, принятые II конгрессом; 21 пункт; резолюция о роли партии в революции и резолюция II конгресса об условиях образования советов рабочих депутатов. („При каких условиях могут быть организованы советы и какова их историческая роль“).

Все эти тезисы были приняты Коминтерном не без борьбы. Но гораздо больше прений было вокруг решений чисто тактического характера.

Что большевизм родился в борьбе против оппортунизма, против правых, против социал-демократов, против центристов, это известно всем и не нуждается в доказательствах. Ведь коммунисты в очень большой мере вышли из недр II Интернационала. Сейчас можно уже прямо рукой нащупать наличность в Коминтерне двух составных частей.

Наследие старого.

Одна часть Коминтерна, родившаяся из II Интернационала,—бывшие социал-демократы; вторая—новое поколение рабочих, выросших во время и после войны. Обе части имеют свои сильные и слабые стороны. Всем известно, что тактика Коминтерна, тактика большевизма и ленинизма, развилась, главным образом, в борьбе против социал-демократов как правых, так и центристов, и поэтому должно стать ясным, что ленинизм внутри Интернационала должен был бороться и борется сейчас в первую голову против пережитков, доставшихся в наследие от социал-демократии, пережитков, естественно имевшихся налицо в Коминтерне.

Но менее известно, что большевизм должен был вести серьезную борьбу против другого рода уклонов, часто называемых „ультра-левыми“. Разумеется, на деле они далеко не левые, ибо нет ничего левее ленинизма, революционного марксизма, но так уже принято называть эти уклоны. Против этих „левых уклонов“ большевизм вел решительную борьбу уже в дореволюционные годы. В Коминтерне его основателю и учителю приходилось вести борьбу с этими так называемыми „ультра-левыми“ уклонами в международном масштабе точно так же, как и нам в данный момент она предстоит.

Четыре конгресса Коминтерна.

I конгресс.

I конгресс происходил в такой момент, когда еще не отшумел победный гул российской революции, когда размер

и значение поражения спартаковского восстания в Германии были еще недостаточно ясны. Первый учредительный конгресс прошел без резко выраженной борьбы. Насколько я помню, у нас было только одно голосование, вызвавшее разногласия, — и как раз очень интересное голосование, а именно: по вопросу о том, должен ли Коминтерн вообще быть основан на этом конгрессе. Представитель германской компартии был против немедленного основания Коминтерна.

II конгресс.

На втором конгрессе уже резко наметилась ясная линия группировок, и мы начали борьбу прежде всего против правого уклона. Вы хорошо помните 21 пункт, которые должны были стать оплотом против центризма. Однако, уже тогда тов. Ленин и другие товарищи, поддерживавшие его точку зрения, должны были вести борьбу и против левых уклонов, например, по вопросу о парламентаризме. Часть товарищей высказались против использования парламентаризма, между прочим, и т. Бордига.

Затем на II конгрессе происходила борьба по вопросу о профсоюзах. Некоторые американские (покойный Джон Рид), а также и германские товарищи настаивали на выходе из с.-д. профсоюзов. Но тов. Ленин повел решительную борьбу с этим течением.

На II конгрессе происходила также борьба против К. А. Р. (коммунистической рабочей партии) и против „ультра-левых" (синдикалистов) в вопросе о роли партии. Некоторые „ультра-левые" выступили и заявили: партии нам вообще не надо, по крайней мере, до победы революции.

Итак, уже на II конгрессе происходила борьба против центристов, руководимая тов. Лениным, и в то же время не менее энергичная борьба против так называемых „ультра-левых". Были еще разногласия о том, должны ли английские коммунисты вступить в „Рабочую партию" („Лэбур-Парти").

Вы помните, что многие товарищи были против этого, и не только английские товарищи. Так, например, находящийся сейчас среди нас голландский тов. Вайнкоп в то время, как лев, боролся против того, чтобы английские коммунисты вступили в „Рабочую партию". Он считал это оппортунизмом. Но времена меняются, а с ними—люди. Теперь тов. Вайнкопа обвиняют уже не в левых, а совсем других уклонах. Мы потом увидим, насколько справедливы эти обвинения. Все это показывает, товарищи, что борьба течений внутри Коминтерна с самого начала носила довольно резкий характер.

III конгресс.

Третий этап, это—III мировой конгресс. Вы помните борьбу против так называемой теории наступления, появившейся после мартовского восстания в Германии. Ее тоже истолковали, как борьбу против революционного направления. Но на деле это вовсе не была борьба против левой, а лишь против левого уклона. Эта борьба также шла под руководством Ленина и составляет один из важнейших моментов в летописи Интернационала. В то же время на III конгрессе не менее ожесточенная борьба велась также против Леви—Леви был исключен на III конгрессе—и против оппортунистических тенденций в тогдашнем итальянском движении, но одновременно и против Террачини, Бордига и некоторых товарищей, стоящих и сейчас еще на позиции так называемых „ультра-левых". Тов. Ленин на III конгрессе, можно сказать, авансом разбил нынешнюю политическую позицию тов. Бордига.

IV конгресс.

Наконец, IV конгресс. Память о нем еще свежа у всех нас, и мне не придется подробно говорить о его работах. Был принят лозунг „рабочего правительства", была одобрена тактика единого фронта и в то же время римские левые тезисы итальянцев, на которых нам еще придется остановиться, были подвергнуты резкой критике и отклонены. Таким образом, мы видим, товарищи, что Коминтерн уже с самого начала боролся и не мог не бороться, оставаясь на ленинской почве, с центризмом и оппортунизмом и в то же время с „ультра-левыми" уклонами.

Есть товарищи—и не плохие революционеры, часто упрекающие нас в следующем: Исполнительный Комитет борется то с правыми, то с левыми, это—беспринципность; надо определить свою линию раз навсегда для всех времен, а не бороться сегодня против „правой", а завтра против „левой". Конечно, необходимо отметить, что с так называемыми „ультра-левыми уклонами" успешнее всего можно бороться путем борьбы с действительными правыми оппортунистическими ошибками и промахами. (Аплодисменты).

Ленинизм целиком.

Но, товарищи, довольно часто верно и обратное. Поэтому пусть не говорят нам, что мы беспринципны потому, что мы боремся и с „ультра-левыми" уклонами. Надо понять, что именно это и есть марксизм.

Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь заявил: я марксист, я принимаю марксизм, но лишь с вычетом того, что Маркс писал против прудонизма, который ведь тоже хотел казаться очень „левым", хотел стать течением, стоявшим левее марксизма. Но марксизм минус борьба против прудонизма не есть уже марксизм.

И вот, товарищи, то же верно и по отношению к ленинизму. Я знаю некоторых отличных товарищей, говорящих: Да, все, что написал Ленин, блестяще, но книга „Детская болезнь „левизны" в коммунизме" не совсем верна, здесь у Ленина был, быть может, некоторый уклон вправо; и „детских болезней", мол, вообще не существует в Коминтерне. Если мы и дети, то уж наверное „вундеркинды", которые ничем не болеют.

Товарищи, мы должны ясно представить себе, что скрывается за такого рода мыслями. Ленинизм минус идеи, развитые Лениным в „Детской болезни „левизны", уже не ленинизм. Это нужно вполне ясно сознать. Товарищи, которые стали бы поддерживать ленинизм за вычетом идей, развиваемых в „Детской болезни", напоминают мне того французского крестьянина времен французской революции, который, как говорят, воскликнул: „Да здравствует король, но без налога на соль" (смех). Нет, товарищи, нам нужен ленинизм полный, целостный — с „налогом" (т.-е. резкой критикой „левых уклонов").

Товарищи, мы идем старым путем, по которому Ленин учил нас итти и который никаким образом не является „беспринципным". Нельзя смотреть на вещи с мещанской точки зрения: если ты сегодня против правых, а завтра против так называемых „ультра-левых", то, стало быть, ты беспринципен.

Представьте себе, что вы управляете военным судном и вы должны провести его к определенной цели. Перед вами зона минных заграждений. У вас нет плана этих заграждений, мины лежат то справа, то слева. Среди них вы должны провести ваше судно. И вот капитана, ставящего себе эту задачу, вы называете „беспринципным," так как он поворачивает руль то направо, то налево. Я напоминаю об этом потому, что очень хорошие „левые" товарищи, в роде, например, тов. Бордига, совершенно искренно выступают с подобными обвинениями, заявляя, что Коминтерн стал беспринципным, ибо он борется то с „правой", то с „левой". Нужно сказать, что наши противники из II Интернационала утверждают то же самое.

Я в кратких чертах изложил здесь всю историю Коминтерна, чтобы всем нам стало ясно, что ленинизм не только тогда, когда он был еще явлением чисто русским, но и тогда, когда он в Коминтерне стал международным явлением, все время направлял свои главные удары, разумеется,

против „правых“, против центристов, против остатков социал-демократизма в наших собственных рядах. Но для того, чтобы эта борьба против правых достигла своей цели, он всегда боролся также, как Маркс с прудонизмом, с так называемым „ультра-левым“ течением, которое, по нашему мнению, является на деле течением мелкобуржуазным. Поэтому мы пойдем и дальше той же дорогой, что бы ни говорили, что бы ни кричали о нашей мнимой „беспринципности“. Это есть применение тактики марксизма, а, следовательно, и ленинизма в тех условиях, в которых мы сейчас находимся.

Чему учил тов. Ленин.

Я приведу здесь цитату из известной блестящей статьи тов. Ленина „О значении золота теперь и после полной победы социализма“, на мой взгляд, одной из самых важных и революционных статей Ленина.

Вот что мы читаем в ней: „Для настоящего революционера самой большой опасностью, может быть даже единственной опасностью, является преувеличение революционности, забвение грани и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать „революцию“ с большой буквы, возводить „революцию“ в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь действовать по-революционному, и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, но погибнут наверняка, если потеряют трезвость и вздумают, будто „великая, победоносная, мировая“ революция обязательно все и всякие задачи, при всяких обстоятельствах, во всех областях действия может и должна решать по-революционному“ *).

На эти слова я хотел бы указать тов. Бордига, которого, к сожалению, здесь еще нет. Во всяком случае, тов. Росси, который является его единомышленником, я хотел бы попросить читать эти слова по два раза в день, по крайней мере, во время его пребывания в Москве. Это принесет ему большую пользу. (Аплодисменты).

Вы видите, тов. Ленин пишет даже о допустимости „реформистского“ действия. Должно быть, он намеренно

*) В. Ленин. Собрание сочинений, т. XVIII, часть I, стр. 410—411.

употребил это слово для того, чтобы особенно резко оттенить свою мысль. В действительности речь идет, разумеется, не о „реформистской“ системе действия, не о какой-либо теории реформизма, противопоставленной марксизму. Слово „реформистский“ здесь употреблено именно для того, чтобы подчеркнуть основную мысль против „ультра-левых“.

От IV к V конгрессу.

Борьба против Фроссара.

Сейчас же после IV мирового конгресса началась борьба против Фроссара во Франции. Это, как вам известно, теперь уже законченная глава. Ныне мы от имени французской партии и Интернационала можем выразить Фроссару благодарность. Он действовал как пластырь, оттянувший от партии все плохое, болезненное, что было во французской коммунистической партии, оздоровив, таким образом, ее организм.

Затем, нам пришлось вести борьбу против так называемой норвежской рабочей партии. Это — ярко выраженная наполовину реформистская, наполовину правосиндикалистская партия. Совершенно ясно, что Лиан, руководитель партии и профсоюзного движения — самый вульгарный социал-предатель. С этим, думаю, согласится теперь даже тов. Хеглунд.

Борьба против правых ошибок.

В Италии шла борьба против руководителей право-социалистической партии.

В Швеции исполнительный комитет должен был исправлять правые ошибки большинства шведского ЦК. Сейчас нельзя еще сказать, в какой мере ему это удалось.

Затем — болгарские события, выявившие также правые уклоны.

Я должен подчеркнуть, что эти правые уклоны в мировом масштабе представляют собой явление самого разнообразного характера: они находятся в связи с традициями и культурой движения в каждой данной стране. В Болгарии это было нечто другое, чем в Швеции, в Англии — иное, нежели в Норвегии, в С.С.С.Р. (партийная оппозиция) — совсем другое, чем во Франции, и т. д. Но все же все эти уклоны при всей разнородности можно охарактеризовать, как правые. Вам известны решения, принятые исполкомом Коминтерна в болгарском вопросе. Лучшие руководители болгарской партии сами потом согласились, что исполком Коминтерна был прав. Болгарская партия многое уже исправила.

Германская компартия.

Затем — германская партия. И здесь происходила борьба с правыми. Некоторые утверждают, как, например, в чешской прессе, что это исполнительный комитет отсек всю старую верхушку германской партии. Я должен заявить совершенно открыто: эту заслугу исполнительный комитет не может приписать исключительно себе. Скорее наоборот: мы слишком долго поддерживали эту старую верхушку по соображениям, о которых мы еще будем говорить ниже. Итак, борьба в Германии была направлена против ошибок справа.

Партдискуссия.

Затем—российская партийная дискуссия, на которой конгресс еще подробно остановится и которая имеет большое интернациональное значение. Российская партия охарактеризовала обнаружившиеся во время дискуссии уклоны, как мелкобуржуазные. Но они во многом носили иной характер, чем в других странах. Они имели международное значение. Передо мною номер шейдемановского „Форвертса“, пишущий следующее в статье о нашем партийном с‘езде: „Где теперь та оппозиция, которая полгода тому назад заставляла так много говорить о себе и на которую повсюду возлагали такие большие надежды?“.

Кто возлагал большие надежды на нее? Оказывается, — немецкая контр-революционная социал-демократия! Эти надежды, как вам известно, не осуществились и мы надеемся, никогда не осуществятся (аплодисменты). Дело дошло до того, что тот же самый „Форвертс“ в том же номере посвящает тов. Радеку целую статью, в которой говорится, что Радек тем отличается от других руководителей К. И., что имеет трезвый и ясный взгляд на вещи. (Слушайте, слушайте!). Я не буду утверждать, что тов. Радек в этом вопросе вполне заслужил одобрение социал-демократического „Форвертса“. Но отчасти он все же его заслужил.

И если тов. Радеку до сих пор еще неясна вся ситуация, то теперь, кажется мне, Радек, как опытный политик, задумается над этой статьей. Он спросит себя, как это могло случиться, что „Форвертс“ называет его трезвым и последовательным политиком.

Правый уклон в ФКП.

Исполком Коминтерна, к сожалению, вынужден был также вести борьбу и с новым правым течением во французском движении. Я уже сказал, что Фроссар действовал как пластырь, который всосал в себя,

оттянул все нездоровое из организма партии. Выражаясь более осторожно, надо сказать: „почти“ все.

Некоторые из этих правых уклонов очень опасны. Мы недавно слышали в рейхстаге речь Лебе, который сказал: „Рабочее правительство в Англии и левый блок во Франции открывают новую страницу в мировой истории, они дадут человечеству мир“ и т. д.

Другими словами, мы имеем здесь дело с выражением демократических и пацифистских иллюзий, всплывающих сейчас и в немецкой социал-демократической массе. И если так говорит Лебе, то это неудивительно. Но если тов. Россмер во Франции пишет от имени своей партии почти аналогичное об образовании английского рабочего правительства, то это, к сожалению, тоже выражение пацифистских и демократических иллюзий, рупором которых он сделался.

Итак, во французской партии образовалась правая друппа. К счастью, она числом невелика. Я думаю, что и солголетней она не будет. Мне кажется, что она проживет только же, сколько министерство Марсаля, бывшее, как вам известно, не очень продолжительным и не очень прочным. Исполнительный комитет внесет и свою долю труда на то, чтобы не дать разрастись правой, представленной Сувориным, который, чем больше здесь говорит, тем больше сам себя опровергает, и тов. Россмером, от которого мы ждали большего. Французская партия в целом резко и совершенно правильно боролась с этим течением.

Уклоны в американском движении.

Далее, мы должны были выступить против некоторых правых уклонов в американском движении, всплывших в связи с так называемой третьей партией, партией Лафоллета, как, например, против тенденции наших товарищей выступать на выборах в блоке с этой мелкобуржуазной организацией. Это была трудная проблема. У нас были коекакие колебания потому, что слишком мало знаем Америку; движение там еще мало развито, и даже элементарная идея самостоятельной рабочей партии слишком нова. Рабочий-середняк в Америке все еще голосует за буржуазные партии, он все еще питает надежду сделаться самостоятельным хозяйчиком. Нелегко было принять решение. Однако, Исполнительный Комитет все же решился выступить против этой тактики, и, как показали события, мы были вполне правы.

Правые уклоны имелись и в английской партии. Существует письмо, составленное мною два или три месяца до V конгресса, в котором мы обращаем внимание партии на то, что при проведении тактики единого фронта она допу-

скает крупные ошибки. В этом отношении мы солидаризуемся с тем, что говорят германские товарищи в наказе своей делегации.

Борьба против „ультра-левых“ и теоретического ревизионизма.

Вы видите, что Исполнительный Комитет боролся с правыми течениями в их различных формах. И в то же время нам приходилось вступать в борьбу с „ультра-левыми“.

Что касается братской германской партии, то были моменты, когда мы были настроены очень пессимистически. Вам известны два письма Исполнительного Комитета и моя статья. Мы боялись, что в вопросе о профсоюзах германские товарищи поддадутся „новой тактике“. Это могло принести много вреда. Мы были правы, когда боролись и довольно успешно с этими „ультра-левыми“ уклонами. Был момент, когда не только левые, но и группа центра и даже некоторые правые заявляли, что выход из профсоюзов неизбежен. Что касается правой, то я не могу этого утверждать с уверенностью, но относительно группы центра я это утверждаю категорически. Два влиятельные товарища этой группы приехали в Москву и заклинали нас не говорить ни слова против „ультра-левых“, так как, мол, все немецкие рабочие настаивают на выходе из профсоюзов. По их словам, это было чуть ли не стихийное явление.

Если бы германская партия и Исполнительный Комитет в данном вопросе оказались недостаточно настойчивыми, это могло бы повлечь за собой опасные последствия. Теперь германские профсоюзы снова укрепляются. Это уже для всех ясно. Находясь в нелегальном и полулегальном положении, партия погибла бы и превратилась в секту вместо того, чтобы стать массовой партией, если бы она допустила уход коммунистов из союзов. Итак, мы должны вести борьбу и с „ультра-левыми“. Допустим, что это течение, количественно незначительное, но маленькие ручейки могут превратиться в поток. Если мы хотим оставаться на твердой принципиальной почве, если ленинизм для нас не только пустая фраза, мы должны помнить цитированные мною мысли Ленина. Мы не дадим развиться „ультра-левому“ течению, а также теоретическому ревизионизму, представляющему собой международное явление. Если в Италии тов. Грациадеи выступает с книгой, в которой перепечатывает свои старые статьи, написанные им еще в бытность его ревизионистом — социал-демократом и обращенные против марксизма, то подобный теоретический ревизионизм в нашей среде не может оставаться безнаказанным. Если венгерский тов. Лукач делает то же самое в области философии и социологии, то мы и этого не потерпим.

У меня имеется письмо тов. Рудаша, одного из руководителей той фракции, к которой принадлежит Лукач. Он заявил о своем намерении выступить против ревизионизма Лукача, а когда фракция запретила ему это, он вышел из нее, ибо не хочет допускать разжижения марксизма. Я уверен, товарищи, что каждый из вас скажет поэтому поводу: „Браво, Рудаш".

Такое же течение существует и в германской партии (профессор Корш). Тов. Грациадеи тоже профессор. (Возглас: „Лукач—тоже профессор!"). Если явится еще несколько подобных профессоров и начнут распространять свои антимарксистские теории, дело будет плохо. Такого рода теоретический ревизионизм мы не можем терпеть в нашем Коммунистическом Интернационале.

Критика „Интернационала".

В последнем номере „Интернационала" (орган герм. компартии) есть статья некоего Бориса, причисляющего себя к „ультра-левым". (Северинг: „Не профессор."). В виде исключения, действительно, не профессор, но и не коммунист, по меньшей мере не марксист. Предоставляю его в распоряжение тов. Бухарину, который будет критиковать его в своей программной речи. Товарищи, немецкие рабочие не могут допустить, чтобы в их теоретическом журнале печатались немарксистские программные статьи. Пример: Этот самый Борис утверждает, что колониальная сверхприбыль в действительности не существует. Но, ведь, это „проза" II Интернационала. Весь империализм социал-демократии об'ясняется фактом существования сверхприбыли, извлекаемой империалистскими странами из колоний. Редактор того же журнала, тов. Корш, „защищает" товарища Ленина от некоторых отклонений в ленинизме. Мне кажется, тов. Коршу нужно дать дружеский совет: сначала взяться за изучение марксизма и ленинизма.

Я слышал, что Центральный Комитет германской партии принял резолюцию, в которой дезавуирует статью Бориса. Хорошо, что он это сделал, но этого недостаточно. Мне кажется, что я не очень много потребую от германской партии, если выражу желание, чтобы журнал „Интернационал" находился в руках марксистов, а не в руках тех, кому необходимо еще изучать марксизм.

Если тов. Грациадеи оказывается убежденным ревизионистом, то мне остается только пожалеть об этом, так как он во многих отношениях прекрасный товарищ, но нельзя быть одновременно и ревизионистом и коммунистом. Коминтерн не может допустить, чтобы в подобных вопросах наши товарищи действовали по собственному усмотрению. Все мы

иногда слишком поглощены политикой для того, чтобы читать все брошюры, книги и статьи. Некоторые товарищи прямо говорят: „Нам некогда все это читать“. Но это не по-ленински и не по-марксистски. Есть ведь целое поколение молодежи и рабочих, которые хотят получить коммунистическое воспитание и читают эти статьи. Мы должны внести полную ясность в этот вопрос. Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось дальше.

Нельзя недооценивать „правую опасность“.

Товарищи, повторяю, в течение этого года наша борьба на 90 проц. должна была вестись против „правых“ уклонов. Я думаю, что то же будет и на этом конгрессе. С самого начала я должен признаться: чем больше изучаешь документы наших братских партий, тем более убеждаешься в том, что нельзя недооценивать „правую опасность“, что она больше, чем мы когда бы то ни было себе представляли; и это не потому, что наши товарищи плохие люди, а потому, что таков настоящий период мировой истории.

Мы переживаем теперь период упадка между двумя волнами революции. И вполне естественно, что в этом периоде неизбежно должны возникать опасности справа. Социал-демократические пережитки в нашем собственном лагере все еще сильнее, чем мы это предполагали. Мы должны искоренять эти правые уклоны, и мы сделаем это, но наша борьба увенчается успехом лишь в том случае, если мы не будем делать никаких уступок словесному радикализму и „теоретическому“ ревизионизму, если мы будем немедленно подавлять сознательные „ультра-левые“ уклоны в те моменты, когда они будут получать какое-либо значение.

Положение к V конгрессу.

Медленно ли мы идем?

Каково же положение, которое мы находим в момент открытия V всемирного конгресса?

Многие находят, что события развертываются недостаточно быстро. Все мы недовольны тем, что еще не добились победы: все мы считаем, что дело идет слишком медленно. Мы ждали германской революции, а она не пришла. Трудности велики.

Иногда кажется, что мы подвигаемся слишком медленно, до мизерности. Суб‘ективно это правильно. Конечно, с точки зрения нашего суб‘ективного чувства, это медленно, так как мы еще должны выждать, пока кончится период макдональдовщины в Англии, левого блока во Франции, нынешних событий в Германии.

Конечно, для нас было бы большим счастьем, если бы мы могли продвигаться быстрее. Но с об'ективной точки зрения, мне кажется, что ход событий совершается не так уж медленно.

Говорят, что мухе, сидящей на большом и быстро вертящемся мельничном жернове, кажется, будто он неподвижен. То же происходит и с нами, хотя колесо мировой истории на деле вертится довольно быстро.

Итоги пяти лет.

Итог последних пяти лет следующий:

1) Разрушено с полдюжины монархий, между ними и российская, а это что-нибудь да значит. (Возглас: „Совершенно верно!"). Крушение русского царизма имеет немалое значение для мировой революции.

2) Нами завоевана $^1/_6$ земной поверхности, хотя еще остается $^5/_6$, но одна-то шестая завоевана и закреплена.

3) Революционное движения в Азии и других отдаленных странах получило громадный толчок благодаря войне.

4) В передовых странах капитализм ослаблен и частично дезорганизован.

5) Рабочая аристократия, мелкая буржуазия в лице социал-демократии стали необходимой составной частью буржуазных правительств. Это—прогресс. Конечно, они контр-революционеры и предатели, но, говоря об'ективно, это—шаг вперед, так как это является симптомом разложения буржуазии.

6) Коммунистические партии выросли. Мы уже не представляем собой одно лишь общество пропаганды,—мы становимся мировой коммунистической партией. Этот итог, конечно, несколько скуден, мы ожидали большего, но все же и он не так уже плох, как мы обыкновенно представляем.

За последний год мы имели вспышки движения в Болгарии, Германии и Польше. Не подлежит никакому сомнению, что они не были случайными; это симптомы того, что мы находимся между двумя волнами революции.

Вообще, последний год был богат событиями как в области мировой политики, так и в области международного рабочего движения: рабочее правительство в Англии, выборы в Германии, во Франции, в Италии, рабочее правительство в Дании, сильное развитие мелкобуржуазных течений в Америке, полугодовая стачечная борьба в Норвегии, распад II$^1/_2$-го Интернационала, международная конференция транспортных рабочих, стачечная волна в Англии, железнодорожная забастовка в Китае, забастовка 150.000 текстильщиков в Индии и т. д. Итак, события были значитель-

ные. Мы еще не достигли полной победы, но дело подвигается вперед.

Мировое экономическое положение.

Упадок капитализма продолжается.

Я перехожу к положению мирового хозяйства. Об этом у нас будет специальный доклад тов. Варги. Насколько я вижу, оценка тов. Варги, мне кажется, правильна. Никто не доказал, что в его тезисах есть ошибки. Какова же она? На III и IV конгрессах мы уже высказывались по этому поводу. Много изменять нам не приходится. Капитализм продолжает находиться в периоде упадка. Мы видим начало нового экономического кризиса в Америке и всемирный аграрный кризис. В некоторых европейских странах мы имеем небольшой частичный под'ем, большей частью в одной стране за счет других. Социал-демократы полагают, что положение становится нормальным. Гильфердинг торжествует. Он говорит, что мы снова приближаемся к устойчивому положению. В журнале „Гезельшафт" („Общество") он утверждает, что произойдет это, как только будет восстановлена устойчивость в центральной Европе. Нехватает только той „мелочи", что эту устойчивость совершенно невозможно создать. Она существует только в Советском Союзе Республик, т.-е. как раз в той стране, положение которой, как он пишет, еще ненормально.

Если „нормально" то, что валюта в Германии, Австрии и Польше стремительно падала, переживая прямую катастрофу, затем поднялась, но неизбежно должна упасть вновь,—если это нормально, тогда—на здоровье! Мы от души желаем вам и впредь таких же „нормальных" времен. Если нормально то, что происходит с французским франком, то мы и впредь желаем ему такой же „нормальности". Если нормально, что во всем мире царит аграрный кризис, что 40% американских фермеров обречено на обнищание, если нормально положение, при котором имеется около 7 миллионов безработных, *) — если все это нормально, то такая „нормальность" свидетельствует лишь о размерах переживаемого буржуазным миром кризиса.

Мы отлично знаем, что классовая борьба обостряется, что уровень заработной платы пролетариата падает все ниже и ниже, в Германии на 20—40% ниже, чем в 1923 г., что рабочая неделя далеко превышает 48 часов, что даже в Англии реальная заработная плата часто составляет лишь

*) Статистические диаграммы к тексту даны приложением в конце книги.

75% довоенной, что во Франции, где нет безработицы, где наблюдается большая иммиграция, рост дороговизны все же превышает рост заработной платы, что в Германии, Австрии, Венгрии и т. д.—в целом ряде государств реальная зарплата составляет 50—75% довоенной. Таким образом, положение рабочего класса все более ухудшается и не только относительно, но и абсолютно. Все это позволяет нам констатировать следующее: события не развернулись так быстро, как мы предполагали, но период кризиса, упадка, заката капитализма продолжается.

В политической области это еще очевиднее, чем в экономической, так как политика—часто более быстро показывающий, более чувствительный барометр. Не может быть и речи об устойчивом положении мирового хозяйства. Буржуазия в этом отношении смотрит на вещи пессимистичнее, нежели ее лакеи—социал-демократы, так как буржуазия стоит гораздо ближе к капиталистической, экономической действительности. Мы не имеем абсолютно никаких оснований к тому, чтобы изменить взгляды Коминтерна по этому вопросу, выраженные в резолюциях III и IV мировых конгрессов.

Международное политическое положение.

Новая пацифистская фаза.

К моменту конгресса сложилось во многих отношениях новое международное положение, создалась новая фаза. Эту фазу мы предсказывали в резолюции IV всемирного конгресса,—это так наз. демократическая пацифистская фаза. В резолюции IV конгресса говорится:

> „Международное политическое положение в настоящий момент характеризуется фашизмом, осадным положением и растущей волной белого террора против пролетариата. Но это не исключает возможности того, что в ближайшем будущем в странах, имеющих наибольшее значение, открытая буржуазная реакция сменится „демократическо-пацифистской эрой“.

Это было сказано в 1922 году. Таким образом, полтора года тому назад демократическо-пацифистская „эра“ была определенно предсказана Коминтерном.

Период новых иллюзий.

Итак, мы еще в период всеобщего осадного положения предсказывали демократическую пацифистскую фазу. Мне кажется, что сейчас мы должны сделать обратное: в момент

наступления демократическо-пацифистской „эры“ мы должны предвидеть новую грядущую эру осадного положения и бешенства буржуазной контрреволюции. Демократическо-пацифистская „эра“ навряд ли продлится еще долго. Мы и это предвидели. В той же резолюции мы говорили:

> „В Англии (усиление рабочей партии на последних выборах) и во Франции (неизбежность победы так наз. „левого блока“) весьма вероятно наступление такого демократическо - пацифистского переходного периода; в свою очередь, он может вызвать оживление пацифистских иллюзий в буржуазных и социал-демократических кругах Германии. Между настоящим периодом господства открытой буржуазной реакции и полной победой революционного пролетариата лежат различные этапы и возможны самые разнообразные преходящие эпизоды“.

Коминтерн, таким образом, предвидел эти важнейшие факты. Теперь они наступили. Мы, действительно, имеем перед собой совершенно новое положение: неизбежен некий демократическо-пацифистский период в важнейших странах Европы. В Англии—„рабочее правительство“, во Франции—левый блок, в котором социал-демократы де-факто, но не де-юре, являются составной частью правительства, в Дании—рабочее правительство, в Австрии—крупная победа социал-демократов, в Бельгии — Вандервельде, вероятно, после выборов станет у власти, в Японии—новое левое правительство, в Чехо-Словакии и Польше, в связи с победой левого блока во Франции, вероятно, возникнут подобные же отраженные явления, или хотя бы частичные новые оттенки, так как буржуазия Чехо-Словакии и Польши является лишь вассалом буржуазной Франции. В Америке мы имеем поддержку так называемого „пацифистского“ заключения экспертов и начало движения так называемой третьей партии.

Мы имеем далее признание де-юре Союза Советских Республик различными странами. Все это вместе взятое и составляет демократически-пацифистскую „эру“. Она неизбежно вызовет новые иллюзии не только у социал-демократических и беспартийных рабочих, но также у нас, товарищи, в наименее закаленных прослойках коммунистов и укрепит настроение всех полусознательных правых. Мы должны ясно видет все это.

Вместо „хирургии“—„терапия“.

Буржуазия начала заменять „хирургию“ „терапией“. Вы знакомы с заключением экспертов. Я уже сказал: по

моему мнению, это петля на шее германского пролетариата. Но это—по видимости шелковая петля. Она гораздо мягче на вид, и затягивать ее будут постепенно, с передышками. И это социал-демократы называют пацифизмом, торжеством демократии! Мы, конечно, будем бороться против этого решения экспертов. Не следует особенно поддаваться иллюзиям; конечно, действительное проведение в жизнь решения экспертов является большой утопией. Чем больше будут пытаться затушевать разногласия между империалистской буржуазией различных стран, тем скорее развалится вся эта работа штопальщиков. Все равно, как рваный носок: чем больше его штопают гнилыми нитками, тем скорее он вновь рвется. Чем больше будут стараться сшивать лоскутки, чем больше будут говорить: теперь мы все об'единились, у нас единая программа,—тем скорее выяснится, что решение экспертов—только клочок бумаги.

Конечно, мы будем всеми силами бороться против этого решения и разоблачать предательскую роль социалдемократов.

Что же дальше произойдет в течение этой демократически-пацифистской „эры"? Мне кажется, что, например, правительство французского „левого блока" немало будет способствовать тому, чтобы довольно быстро внести ясность в положение. Правительство Эррио своей всем известной декларацией уже достаточно выявило свою сущность. Французские социалисты голосуют за рурскую оккупацию, они должны будут голосовать за бюджет Эррио. Я думаю: недалеко то время, когда правительство Эррио, вероятно, начнет стрелять во французских рабочих столь же быстро, как это сделали его предшественники Пуанкаре и К°. Итак, я не думаю, что иллюзии долго будут держаться во Франции.

Участие „рабочей партии" в правительстве не мимолетное явление.

Теперь же ясно, что „рабочее" правительство Англии—не мимолетное явление. Скорее наоборот. Я думаю, что так называемая „рабочая партия", вероятно, в течение нескольких лет в той или иной комбинации будет входить в правительственные коалиции. Она стала слишком сильной, а буржуазная мощь слишком поколебалась для того, чтобы не быть правительственным фактором. Можно определенно сказать, что международная социал-демократия стала в настоящее время „третьей" партией буржуазии. В Америке говорят о „третьей партии" американской „демократии". Но европейская социал-демократия в таком виде, как мы ее знаем, является теперь, в сущности говоря, об'ективно,

не чем иным, как третьей партией мировой буржуазии.

Поэтому я думаю, что английская рабочая партия, вероятно, выступит еще и в других правительственных комбинациях. Ее участие в правительстве не будет мимолетным явлением, но, чем дольше она будет у власти, тем меньше она будет вызывать иллюзий в английском рабочем классе.

Новое международное положение не было для нас неожиданным. У многих социал-демократических и беспартийных рабочих будут возникать иллюзии. Лебе, повидимому, выразил мнение многих социал-демократических рабочих. Более того: возможно, что английское рабочее правительство вместе с Эррио на некоторое определенное время окажет германской социал-демократии спасительную помощь. Конечно, при таких условиях демократические иллюзии неизбежны. И Конгрсс должен поставить себе задачей выяснить, как бороться против них, как ближе подойти к социалдемократическим и партийным рабочим и вдолбить им в голову, что происходит в Европе в действительности, показать им, что пацифизм есть снотворный порошок, чтобы обессилить рабочих, особенно в двух главнейших странах—в Англии и Франции.

Заключение экспертов содержит целый ряд замаскированных жестоких требований. Германский рабочий класс еще не сказал своего слова, и международный пролетариат еще скажет свое слово. Если даже у него не будет силы в ближайшее время провалить эти требования, все же нашим долгом является раз'яснить рабочим, чем все это должно кончиться, и доказать им, что мы, коммунисты, еще резче подчеркиваем свою точку зрения, чем это было до сих пор. Характер нашей агитации должен, в связи с этим, во многом измениться, так как мы теперь находимся в новом положении. Взять хотя бы, например, вопрос о разоружении.

Угроза войны.

Разве теперь не настал момент, когда мы, коммунисты, должны вновь задать социал-демократам вопрос, поставленный когда-то известной брошюрой Фридриха Энгельса: „Может ли Европа разоружиться?“.

Пришло время сказать им: в Англии у руля стоит ваше „рабочее“ правительство, правительство II Интернационала, в С.С.С.Р. у власти советское правительство, наше правительство, близкое принципам III Интернационала; царских казаков больше нет, русский царизм уже не существует, советское правительство в любой момент согласно пойти на разоружение. Вы имеете в Англии рабочее пра-

вительство, во Франции—левый блок, при котором социалисты фактически соучаствуют в правительстве. Вы переживаете в Америке „демократическую эру“; в Австрии, в Бельгии вы сильны. Вы говорите, что вы не желаете войны. Так за чем же стало дело? Не угодно ли вам поддержать план разоружения? Мы очень хорошо знаем, что они не только избегают этого вопроса, но даже поддерживают вооружение в Англии и во Франции и повсюду. Я привел это, как пример. Примеры можно и умножить. Таково в общих чертах международное положение.

В порядке дня проблема власти.

Все же я думаю, что, несмотря на пацифистскую, нормальную „эру“, в важнейших странах буржуазной Европы в порядке дня стоит проблема власти. Ниже я об‘ясню, что я хочу этим сказать.

Товарищи, мы слышали заявления, что положение в Европе нормально, что капитал стабилизируется, что все идет гладко, как по маслу. И все же один правительственный кризис следует за другим. За последние несколько недель слетело с полдюжины правительств. Эти правительства, правда, сметены еще не свежим ветром революции. Но все же это симптомы шаткости. Все политическое положение говорит за это. В важнейших европейских странах в порядке дня стоит проблема власти. Буржуазия уже не может господствовать по-прежнему. Теперь стала невозможной обнаженная, открытая, чистая—или вернее грязная—откровенно-классовая буржуазная власть. В целом ряде стран буржуазия вынуждена прибегать к уловкам—отсюда и „рабочее“ правительство в Англии и „левый блок“ с социалистами во Франции. Буржуазия не может господствовать так, как до сих пор. Раньше в Англии была двухпартийная система. Что же мы видим теперь в этой главнейшей стране капитализма?

С.-д. стала „третьей“ буржуазной партией.

Социал-демократия стала „третьей“ партией буржуазии. Даже могущественная английская буржуазия не может править посредством прежних методов, она цепляется за „рабочее“ правительство, буржуазия в Европе вынуждена цепляться то за фашизм, то за социал демократию. Фашисты, это—правая рука, социал-демократы—левая рука буржуазии. Вот в этом-то и заключается новизна положения. На очередь дня для буржуазии стала во всей остроте проблема власти, и это является лучшим признаком того, до какой степени неустойчиво равновесие.

Мы видим, что II Интернационал приходит к власти уже во второй раз. В первый раз это было во время войны; побудительные мотивы буржуазии были понятны. Но теперь ведь наступили „нормальные“ времена. Зачем же они нужны буржуазии теперь? В том-то и дело, что нынешние „нормальные“ времена не так уж нормальны. И это надо понять. Вполне может наступить момент, когда во всех главных странах Европы будут процветать социал-демократические министры. Наступит время, когда буржуазия не сможет управлять иным способом. Она должна будет пользоваться социал-демократией, как „третьей“ буржуазной партией. Социал-демократия соглашается играть такую роль.

Таков важнейший отличительный признак настоящего периода. II Интернационал поставляет министров для Англии, а также фактически и для Франции. К социал-демократам буржуазия прибегнет в Бельгии и в целом ряде других стран, например, в Дании и т. п. Как это понять? Социал-демократия утверждает, будто она настроена враждебно против буржуазии. Что бы сказали, если, например, наше советское правительство пригласило генерала Деникина в качестве министра? Несомненно, сказали бы: это доказательство того, что советское правительство не может более управлять по-старому, что оно пошатнулось, что проблема власти для него стала жгучей проблемой. В том-то и дело, что для буржуазии социал-демократия имеет совсем не то же значение, какое Деникин для нас, хотя с.-д. и утверждают, что они враждебны буржуазии, но все же привлечение буржуазией с.-д. министров доказывает, что положение буржуазии не очень-то устойчиво, что она вынуждена на-время осуществлять власть через так называемые „рабочие“ правительства. И притом не в такой маленькой стране, как Эстония или Дания, но и в Англии. Это является лучшим доказательством того, как пошатнулось положение буржуазии, доказательством того, что положение в сущности об‘ективно революционное. Здесь-то и запрятан тактический ключ к занимаемой нами позиции.

Теория Радека—Брандлера ошибочна.

Вспомним, например, спор в германской партии относительно пресловутой „победы фашизма над ноябрьской республикой“. Этот вопрос в настоящее время совершенно разрешен как с германской, так и с международной точки зрения. В настоящее время очевидно, что социал-демократия стала „третьей“ партией буржуазии, стала правительственной партией, партией, соучаствующей во власти. Это явление наблюдается почти во всех главных странах. Ясно, что оказалось ошибочной та „теория“, будто социал-демо-

кратия побеждена фашизмом. Следовательно, ошибочна теория Радека и Брандлера.

В этом тактический ключ в руках коммунистов. Теория, будто фашизм победил социал-демократию, являлась ключем неверным, который неизбежно должен был привести к оппортунистическим выводам.

С.-д.—крыло фашизма.

Если бы было верно, что с.-д. боролись против фашизма и были им побеждены, то отсюда вытекало бы сближение коммунистов с с.-д., а не усиление борьбы против них. Но так как она, социал-демократия, в действительности не боролась против фашизма и не была побеждена им, то коммунисты должны придерживаться совсем иной тактики, чем хочет Радек. Самым существенным здесь является то, что социал-демократия стала крылом фашизма. Это большой политический факт. Чем же иным является французская социалистическая партия, как не левым крылом буржуазии. На выборах это было, так сказать, документально чуть не у нотариуса засвидетельствовано: был выставлен общий список буржуазных партий совместно с социалистами. Вся разница между теми и другими состояла в том, что имена кандидатов буржуазных партий стояли справа, а имена социалистов слева, в одном и том же бюллетене. Лучших доказательств, кажется, не требуется. Французская социалистическая партия является левым крылом французской буржуазии. Она еще играет в прятки, она еще не вошла открыто в правительство, но она является одним из его факторов; чем больше развертываются события, тем это становится яснее. II Интернационал стал левым крылом буржуазии, стал одной из правительственных партий буржуазии. В этом факте выявляется не только социал-предательский дух социал-демократии, но и непрочность положения буржуазии, вынужденной прибегать к таким средствам.

Вопросы тактики.

Оппортунистические выводы тов. Гула.

Теперь я перехожу к вопросам тактики. Прежде всего необходимо сделать несколько общих замечаний по этому поводу. До сих пор я полагал, что уже на III конгрессе была вполне разрешена проблема завоевания большинства рабочих масс, как условия победы над буржуазией и социал-демократией. Теперь оказалось, что этот вопрос еще требует разъяснения. Это показали выступления некоторых вождей

чешской братской партии. Я, может быть, недостаточно внимательно следил за чешскими событиями, кое-что для меня осталось неясным, но и тот материал, которым я располагаю, достаточен для некоторых выводов. Мне пришлось читать статью тов. Гула, цитировавшего одну фразу из моей статьи, где я писал, что предпосылкой победоносной революции является завоевание большинства в наиболее важных решающих слоях рабочего класса. Тов. Гула забил тревогу и попытался устроить мне очную ставку с тем, что писал в свое время тов. Ленин. Мои слова являются якобы полной противоположностью того, чему учил Ленин. Вот дословные слова тов. Гула.

„Не нужно, однако, никаких доказательств того, что „завоевание большинства важнейших слоев рабочего класса“— неточное, неопределенное выражение, и того, что толкование его смысла в известном случае является в конечном счете тоже противоречием, ибо завоевание большинства „среди важнейших слоев“ рабочего класса можно истолковать так же, как завоевание меньшинства пролетариата, в особенности если неизвестно, что̀ является решающим при этом определении, какие слои рабочего класса являются более важными, какие просто важными, о завоевании которых, как это явствовало бы из зиновьевской цитаты, нам не надо заботиться“.

Гула является одним из самых искренних приверженцев III Интернационала в Чехо-Словакии; я его знаю лично, он—хороший коммунист, но тем худшим симптомом является этот факт, тем большим доказательством того, что „не все благополучно в королевстве датском“ чешской партии, что кто-то из кожи лезет вон, стараясь во что бы то ни стало сделать оппортунистические выводы.

Вопрос о завоевании большинства.

Я не буду утомлять вас контр-цитатами, хотя и подобрал их. Я только хочу сказать, что III конгресс под руководством Ленина принял резолюцию, которая говорит, что мы стараемся добиться завоевания рабочего класса посредством организации „социально-решающих слоев“. Я не хочу сказать, что в своей беглой формулировке я безупречно формулировал положение о завоевании большинства важнейших слоев. Но мысль в общем правильна, и она та же, что у III конгресса: я целиком принимаю формулу III конгресса. Нужно только, чтобы все помнили: завоевание большинства—*для чего*? *Для революционной борьбы*, для низвержения капитализма.

Как должны мы понимать статью тов. Гула? В ней проглядывает общеизвестная оппортунистическая „теория“,

будто о революции можно помышлять только после того, как будет завоевано и организовано в партию статистическое большинство, чуть ли не в 99 проц.

Это чисто оппортунистическая мысль, которая привела бы нас на ложный путь, если бы мы действительно вздумали принять эту теорию. Мне кажется, что одной из основных задач конгресса явится проверка вопроса о завоевании большинства. Нового мы здесь ничего не скажем, мы должны будем только выступить против ревизионизма в отношении формулы III конгресса. Есть товарищи, вообще мало беспокоющиеся о завоевании большинства, относящиеся к этому кардинальному вопросу беззаботно. Против этих „ультралевых“ мы боремся. Но они составляют ничтожное меньшинство. Это—революционеры чувства. Они не так опасны. Настоящая опасность заключается в том, что некоторые серьезные товарищи требуют статистического большинства чуть ли не в 99 проц. прежде, чем они соглашаются говорить о каком бы то ни было революционном выступлении. Тем хуже, если тов. Гула пишет такую статью. В ней больше скрытых настроений, чем это открыто говорит тов. Гула.

Что касается завоевания большинства, то я думаю, что мы должны подтвердить формулировку III конгресса. Мы должны отдать себе отчет в том, что скоро наступит момент, когда вопрос о завоевании большинства более практически встанет перед нами, ибо в ряде стран мы начинаем приближаться к завоеванию большинства. По этому вопросу мы разработали соответствующие таблицы, которые развешены в этом зале. (Диаграммы этих таблиц воспроизводятся в приложении).

Я не хочу утомлять вас цифрами: они говорят о том, что приближается уже момент, когда мы будем так же сильны, как был II Интернационал на вершине своего влияния. Количественно мы скоро достигнем и частью достигли уже той же мощи. В некоторых странах это уже осуществляется. Поэтому перед нами встанут те же опасности, как перед II Интернационалом. Именно потому, что мы становимся массовой партией. Конечно, это не совсем те же самые опасности, так как рядом с нами работает социал-демократия, и худшие элементы отходят к ней. Чем хуже будут предательские действия социал-демократии, тем сильнее будем мы. Мы можем и на этом конгрессе совершенно ясно поставить вопрос о большинстве. Мы должны продолжать борьбу за завоевание большинства в решающих слоях рабочего класса. Это—один из важнейших лозунгов Ленина. Конечно, это ни в коем случае не значит, что мы позволим оттеснить себя в положение социал-демократии. Это было бы методом Каутского: сначала на 100 процентов органи-

зовать рабочий класс, объединить его в партии и профсоюзы, затем провести голосование и после всего этого „сделать“ революцию по всем правилам искусства. Таким путем мы, конечно, никогда не придем к революционным боям, никогда не станем действительно революционной партией.

Всем нам знакома блестящая работа тов. Ленина о результатах выборов в российское учредительное собрание. Мы провели эти выборы, уже будучи у власти. Все же наша партия получила $9^1/_2$ млн. голосов из 39 млн. против 25 миллионов эсеров и меньшевиков. Тов. Ленин говорит об этом открыто: у нас еще не было численного большинства, но у нас было большинство в решающих местах и в решающий момент, а это самое главное. Если тов. Гула считает себя учеником тов. Ленина, — он должен был бы учить этому чешских рабочих: решающее большинство в решающем месте, в решающий момент. Правда ли, что наибольшая опасность, которая представляется сейчас в чешской партии, заключается ныне в том, что нам угрожает преждевременное выступление? Вы отлично знаете, что этой опасности в Чехо-Словакии нет. К чему же тогда эта статья? И каково ее объективное значение после недавней борьбы в германской партии и в Коминтерне вообще? В настоящем положении эта статья по существу является поддержкой правых. Это нужно открыто высказать. Я надеюсь, что тов. Гула не будет настаивать на своей ошибке. Каждому из нас случалось ошибаться, но, сделав ошибку, мы должны ее исправить. Если же тов. Гула думает иначе, если он хочет создать целую теорию вместе с теми чешскими товарищами, которые его поддерживали, то в этом случае серьезная борьба Коминтерна с этим крылом чешской партии станет неизбежна: из подобных теорий может выйти практика, подобная тактике правых в германской партии, при чем во многих отношениях положение чешской партии явится еще более затруднительным.

Задачи ГКП.

В настоящее время многие сомневаются в силах германской партии. „Форвертс“ с особым удовлетворением цитирует Радека, утверждающего, что будто выборная победа германских коммунистов не так уж велика. Но если мы в Германии в области парламентаризма имеем пропорцию 62 коммуниста на 100 социал-демократов, то это для всякого должно служить доказательством того, как мы близки к завоеванию большинства германского рабочего класса; ведь, германская социал-демократия может дать нам много очков вперед в области парламентаризма, и за нее голосовали не только рабочие. Все это доказывает, что мы близки

к завоеванию половины и большинства германского рабочего класса. Я просматривал итоги выборов в германские фабзавкомы. Они гораздо более благоприятны для нас, чем выборы в парламент. Но это не значит, что мы можем почить на лаврах. Мы можем и потерять завоеванные массы, если будем делать ошибки. Мы должны итти дальше, мы должны об'единить большинство рабочих в борьбе, и мы это сделаем.

Итак, в Германии дело двинулось уже сильнее. Быть может, кое-где и в других партиях. Но для 90 проц. Коммунистического Интернационала дело обстоит так, что партии должны меньше думать о „высокой политике", а заботиться о проведении следующих простых мероприятий. Во-первых, прежде всего они должны суметь создать коммунистическую партию и построить ее на основе фабрично-заводских ячеек. Если мы не будем иметь в предприятиях коммунистических ячеек, мы не будем коммунистической партией.

Во-вторых, мы должны придерживаться правильной тактики в профсоюзах, уметь организовывать в них комфракции и завоевывать их изнутри.

В-третьих, мы должны вести правильную политику по национальному вопросу.

В-четвертых, вести правильную политику по крестьянскому вопросу.

Необходимо завоевать крестьянство.

Не ленинист тот, кто не умеет работать среди крестьян. Я уже указывал на всемирный аграрный кризис. Это одно уже является достаточным основанием для того, чтобы повести усиленную крестьянскую работу. Широкие слои крестьянства приходят в отчаяние. До сих пор даже коммунистические партии стран с выраженным аграрным характером не умели завоевать симпатии крестьянства. Даже наши балканские и польская партии до самого последнего времени не проявили достаточно серьезного стремления вести работу среди крестьян. И то же относится к германским и другим компартиям. Вам известны результаты выборов в Подкарпатской Руси. Многие чешские товарищи—Тапиг, Гати и друг., особенно местные товарищи в Подкарпатской Руси, героически работали, подвергаясь большой опасности в этой выборной кампании. Но у меня создалось впечатление, что чешская партия в целом не оценила по достоинству крестьянского вопроса в Чехо-Словакии. И это является доказательством того, насколько важно уметь работать среди крестьян.

Не должно быть такого положения, чтобы наши партийные товарищи (например, румынские) не знали,

сколько крестьян имеется у них в стране, каковы там земельные взаимоотношения и т. п.

В чем заключается главная ошибка болгарской партии в июне 1923 года? Именно в том, что она не имела революционного контакта с крестьянством, не имела ясного взгляда на роль крестьянства. Теперь она исправила свою ошибку, и дело уже быстрее подвигается вперед.

Вместо того, чтобы заниматься „высокой политикой“, большая часть наших коммунистических партий должна стремиться вести коммунистическую работу в массах, основывать коммунистические ячейки на предприятиях и найти правильную политическую линию в национальном и крестьянском вопросах. Если мы поймем это, мы разрешим 99 проц. наших задач.

Частичные требования.

Я хотел бы сказать еще несколько слов по вопросу о частичных требованиях. Мы, большевики, разошлись с меньшевиками не потому, что мы были против частичных требований, а потому, что мы сумели связать эти частичные требования с основными вопросами революции. Для меньшевиков частичные требования были шагом к замене революции реформистской эволюцией, а для нас они были звеном в цепи подготовки революции.

Если германские товарищи ведут кампанию за 8-часовой рабочий день, за политическую амнистию, то это частичные требования, которые мы должны выдвигать, если мы хотим быть массовой партией. Является ли требование 8-часового рабочего дня или политической амнистии конечной целью? Нет, это только частичные требования, принципиальное требование конфискации 51 проц. некоторых видов крупной буржуазной собственности (Sachwertlerfassung), выдвигавшееся в свое время немецкой партией, не отличается от других частичных требований. Но нужно уметь уловить каждый момент то „частичное“ требование, которое затрогивает за живое массы, и нужно суметь связать его с подготовкой революции. Мне думается, что настоящая левая Коминтерна, действительно ленинская, ни в коем случае не может возражать против тактики частичных требований в принципе, но она должна на основе этой тактики вести настоящую революционную, а не эволюционную политику.

Сдвиг влево в английском рабочем движении.

Чтобы закончить этот отдел, скажу еще несколько слов по вопросу о профсоюзах. Я думаю, что этот вопрос будет одним из важнейших на нашем с‘езде. Мы видим новые,

чрезвычайно важные явления, в первую очередь в английском профессиональном движении. Английское рабочее движение весьма своеобразно. Недавно я читал отчет Макса Беера. Он не коммунист. Раньше был социал-демократом, теперь он покинул и их ряды; это прекрасный знаток английского рабочего движения и добросовестный человек. Его заключение имеет большое значение. Что он говорит о рабочем движении в Англии?

„Я знаю три революционных факта в английской истории. Первый—это чартистское движение, второй—основание рабочей партии и начало борьбы со старым трэдюнионизмом. Третьим, делающим эпоху, фактом является начало освобождения английского рабочего движения от реформизма. Этот процесс, говорит он, начался в 1917 г. в связи с российкой революцией, постепенно развивался и приходит теперь к тому концу, когда количество перейдет в качество“.

Повидимому, товарищи, он прав. Он говорит далее, что намечается начало расхождения между лучшей частью английских профсоюзов и рабочей партией. А ведь рабочая партия построена до сих пор на основе профсоюзов.

Я думаю, товарищи, что в общем это правильно. Присмотритесь к тому, что там делается. Вдруг товарищ, близкий к революционным взглядам, как, напр., Кук, завоевывает крупный профсоюз горняков. Конечно, это только признаки, симптомы, не следует их преувеличивать, но, товарищи, и недооценивать этого нельзя.

Поведение англичан в Вене на конгрессе Амстердамского Интернационала профсоюзов является симптоматическим событием. Конечно, эти люди непоследовательны. Но они находятся под давлением масс. Когда они встали и спросили Засенбаха, где Роза Люксембург, где Карл Либкнехт? — как нужно понимать это? До сих пор английские профсоюзы были главной опорой Амстердама. Для Амстердама они являются тем же, чем являются российская и германская партии для Коминтерна. Что было бы, если бы российская и германская коммунистические партии повели бы, скажем, на этом конгрессе социал-демократические речи против коммунистов? Каждый сказал бы: это—кризис Коммунистического Интернационала, настоящий кризис, а не в роде тех, которые Радек ежедневно носит в своем жилетном кармане и несмотря на которые мы с каждым месяцем крепнем. И вот подобный настоящий кризис мы видим у амстердамцев. Что это значит, если англичане спрашивают: „Где Люксембург и Либкнехт?“ Этим они говорят то же самое, что и мы, а именно, что социал-демократы являются соучастниками или виновниками убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Конечно, они непо-

следовательны. У них нет программы. Они отчасти действовали из декларативных соображений, желая подчеркнуть, что в момент переговоров в Лондоне двух правительств они ищут сближения с русскими профсоюзами, но это все же серьезный симптом.

Главная задача Коминтерна во всех областях переносится теперь в Англию. Если нам в Англии удастся создать массовую коммунистическую партию, то этим будет достигнута половина победы в европейском масштабе. Условия для этого уже созрели. Поэтому мы не должны оценивать слишком низко то, что сейчас происходит в Англии. Мы знаем Англию слишком мало, почти так же мало, как Америку.

Я думаю, товарищи, что теперь мы должны будем основательно обдумать вопрос о том, что предпринять, дабы добиться настоящего единства профессионального движения в международном масштабе. Наиболее тертые из господ социал-демократов,—немцы, бельгийцы, французы,—не хотят этого единства. Уже на IV конгрессе мы заявляли, что социал-демократы напрягают все силы для того, чтобы добиться раскола в профсоюзах, и что мы должны стремиться к тому, чтобы добиться единства в профсоюзах в международном масштабе.

Тактика единого фронта.

Корни единого фронта.

Я перехожу к вопросу о тактике единого фронта. Это наиболее дискутируемый в наших рядах вопрос. Я совершенно согласен с наказом, данным германской коммунистической партией своей делегации, что в настоящее время не следует вести дискуссии по вопросу о едином фронте, как „вещи в себе". Я с этим совершенно согласен. Тактика единого фронта остается правильной. Этот вопрос должен ставиться совершенно конкретно для отдельных стран в зависимости от совокупности условий. Однако, я не могу не высказать несколько общих замечаний на эту тему.

Чем была для нас тактика единого фронта, если взглянуть, как развивалось дело хронологически? Мне кажется, нам будет это ясно, если мы оглянемся на пройденный путь. Тактика единого фронта, в сущности, вначале (т. е. в 1921—22 г. г.) явилась выражением нашего сознания того, что, во-первых, мы еще не имеем большинства в рабочем классе, во-вторых, что социал-демократия еще очень сильна, в-третьих, что мы занимаем оборонительные позиции, а враг наступает (между прочим, и стачки истекшего года, например, в Англии, были по большей части оборонительными стачками, то же самое наблюдалось и в других

странах), в-четвертых, что решающие бои еще не стоят непосредственно в порядке дня. Отсюда мы пришли к лозунгу: к массам. И далее—к тактике единого фронта. Я уже указывал, товарищи, что Коммунистический Интернационал переживал время, когда он, в сущности, был только обществом пропагандистов, сам того не замечая. После первых боев выяснилось действительное соотношение сил и сознание, что мы находимся в меньшинстве, что социал-демократия еще сильна, и что мы занимаем пока только оборонительные позиции. Все эти соображении и легли в основу тактики единого фронта.

Извращение лозунга единого фронта.

Товарищи, с этим лозунгом история сыграла плохую шутку, что, впрочем, с лозунгами встречается нередко. Мы понимали тактику единого фронта, как революционную тактику в эпоху замедленного темпа нарастания революции. Но в наших рядах нашлись товарищи, сделавшие из этого лозунга тактику эволюции, тактику оппортунизма против революционной тактики. Это выявилось постепенно. Сначала казалось, что дело идет о незначительных нюансах и чуть ли не о стилистике. Мы понимали тактику единого фронта, как тактику подготовки к революции. А некоторые товарищи в нашей среде истолковывали ее, как замену революционной тактики мирными эволюционными методами. Мы понимали эту тактику как стратегический маневр, а иные товарищи стали истолковывать ее как политику союза с социал-демократией, как коалицию „всех рабочих партий“.

Одна коммунистическая партия недавно приняла резолюцию, „не подлежащую опубликованию“, в которой она заявляла: все это прекрасно, пусть это будет стратегический маневр, но не следует говорить об этом так часто и так публично, так как иначе противники используют наши заявления. В резолюции читаем дословно:

„При этом (т.-е. при едином фронте) надо следить за тем, чтобы без надобности не открывать нашим классовым противникам смысла нашей революционной стратегии“.

Товарищи, я считаю это наивным ребячеством или же реформизмом. Скорее—последним. Ибо те, которые таким образом поставили вопрос, далеко не дети.

Самое большое несчастье нашей партии состоит в том, что, когда им предлагается какая-либо революционная стратегия против врага, против хитрейшего их врага—против социал-демократии, они сейчас же пытаются „углубить“ эту стратегию, „марксистски“ объяснить и вывести из этой стратегии целую некоммунистическую теорию.

Что такое революционная стратегия?

Большевистская партия в течение революции проделала много стратегических маневров. Гений Ленина заключается в большой степени в этом искусстве революционной стратегии. Для нашей партии большим счастьем было то, что при каждом маневре мы знали, чего хотели. Поэтому мы и могли маневрировать. „Мы знаем, что́ знаем“—таково было настроение; мы знали, что мы хотели бороться до конца. Мы знали, что мы стремились к победе, к тому, чтобы политически уничтожить меньшевиков и эсеров. Такова была политическая цель наших маневров. Несчастие многих наших молодых и не только молодых секций Коминтерна состоит в том, что они, во-первых, иногда считают вообще стратегический маневр недопустимым и, во-вторых, в том, что, если они его применяют, они немедленно же придают ему такую „серьезность“, что превращают его в целый метод, в целую „глубокую“ систему. Этим объясняется 90 проц. наших неудач. Мы окружены врагами; хитрейшим врагом является социал-демократия.

Обнаружилось, что некоторые партии, некоторые товарищи не умели и не хотели понять, что тактика единого фронта является для Коминтерна только методом агитации и мобилизации масс.

Я должен признаться, что часть вины падает и на меня. Я был в этом вопросе слишком уступчив.

Разрешите подробнее остановиться на этом. 11 июня 1922 года в расширенном пленуме Исполкома я делал доклад о тактике единого фронта, в котором говорил: „Единый фронт отнюдь не означает политические уступки; речь идет не о том, чтобы умалить самостоятельность наших партий; дело лишь в том, чтобы самостоятельные коммунистические партии целесообразно формулировали наши лозунги. Рабочее правительство является псевдонимом Советской республики“. На меня немедленно же напали представители немецкой правой, и я должен сказать, что я не сразу понял, за что на меня нападают. Так, например, т. Эрнст Мейер выступал против меня и на IV конгрессе по этому поводу. Товарищ Радек попытался сыграть посредническую роль и сам при этом на IV конгрессе полегонечку отгораживался от моей формулировки. Моя ошибка состояла в том, что я в то время не понял, что речь идет тут не о стилистике, а об оппортунистическом истолковании верного лозунга. Вначале мне лишь казалось, что своей резкой формулировкой я, быть может, в самом деле затруднил агитацию за этот лозунг перед с.-д. рабочими. Одним словом, я не сразу понял, почему собственно моя фраза так оспаривается.

Рабоче-крестьянское правительство.

Тут же позвольте несколько слов о рабоче-крестьянском правительстве. Лозунг „рабоче-крестьянского правительства“ также пытались истолковать, как правительство всех рабочих партий плюс некоторые крестьянскне партии. Как возник этот лозунг исторически? Теперь иногда делают вид, будь это—специфический лозунг на целый период, что он означает союз „всех“ рабочих и крестьянских партий в рамках буржуазной демократии и т. п. вздор.

А ведь на деле этот лозунг, чорт побери, связан с историей российской революции! Какой смысл имел он в ней? Он был ,,псевдонимом'' диктатуры пролетариата, не больше. Когда после июльских дней 17 года мы увидели, что дело подвигается вперед, что рабочие и солдаты за нас, что часть крестьян мы сможем завоевать,—перед нами встал вопрос, как нам лучше, проще, яснее, притягательнее формулировать цель борьбы. Лозунг „диктатура пролетариата“ был бы не так понятен для широких масс. Каким образом неграмотныйму жик и российский солдат могли бы понять эти латинские слова „диктатура пролетариата“? Тогда мы, так сказать, перевели эти слова на русский язык и сказали: „Ты, крестьянин, рабочий, солдат, видишь шайку, которая правит нами; у нас сила, у нас оружие, хочешь создать правительство рабочих и крестьян?“ Латинские слова мы перевели для них на понятный, простой язык революционной борьбы. Крестьянин, рабочий, солдат не обязаны были знать, что значит „диктатура пролетариата“, но они поняли, что значит „рабоче-крестьянское правительство“.

Некоторые наши товарищи пришли теперь к тому, что поняли этот лозунг„ рабоче-крестьянское правительство“, как правительство „всех“ рабочих партий, совместно с некоторыми крестьянскими партиями, превратив его, таким образом, в полную свою противоположность.

Вот против чего необходимо выступить самым решительным образом.

Формулировка единого фронта.

Как известно, много споров возбуждал вопрос: единый фронт „снизу“ или „сверху“ и т. д. Я считаю возможной следующую формулировку:

Единый фронт снизу—этого рода тактика, собственно говоря, необходима всегда, за исключением, быть может, очень редких моментов развернувшейся открытой гражданской войны, когда приходится бороться уже с оружием в руках иногда и против тех рабочих, которые настроены

контр-революционно (хотя из истории российской революции мы знаем, что даже и в эти крайние моменты нам удавалось проводить единый фронт снизу. В момент наступления Керенского на Петербург мы мобилизовали часть рабочих с.-р. против их собственного правительства и боролись с ними плечом к плечу). Единый фронт снизу уместен всегда или почти всегда, так как он дает возможность мобилизовать всех подлинно революционных рабочих, за исключением редких случаев.

Единый фронт снизу и одновременно сверху. Это уже вторая форма. Эта форма также должна применяться не всегда, но довольно часто в странах, где мы в меньшинстве. Полагаю, никто, даже из „самых левых“, не станет оспаривать, что, например, в Англии, Австрии и Бельгии, где мы пока в значительном меньшинстве, тактику единого фронта надо проводить как снизу, так одновременно и сверху. Разумеется, делать это нужно со всеми гарантиями того, чтобы она не была оппортунистически искажена, применяя ее в качестве метода агитации и мобилизации масс, а не метода политической коалиции с социал-демократией.

Третьей формой является единый фронт только сверху. Здесь, полагаю, надо сказать: никогда.

К сожалению, на практике у нас чаще всего применялся именно этот последний метод: написать открытое письмо социал-демократам, повести длинные и нудные переговоры с верхами о выработке „общей программы“—это, конечно, линия наименьшего сопротивления.

В этом вопросе мы, можем установить следующее: единый фронт снизу применим почти всегда, единый фронт снизу и одновременно сверху—довольно часто при наличии всех необходимых гарантий, чтобы эта тактика способствовала революционной мобилизации масс, единый фронт только сверху недопустим никогда. (Радек с места: „Правильно“).

Даже Радек восклицает: правильно. Что же мы видели на деле? Состоялся IV конгресс, на котором была принята резолюция о рабочем правительстве. Здесь я опять-таки должен сознаться,—революционеры всегда должны открыто сознаваться в своих ошибках,—что при выработке этой резолюции мною были допущены кое-какие ошибки, было сделано слишком много уступок, которые казались редакционными уступками, а на деле превращены были в политические уступки правым. Я имею в виду, например, следующее положение: из резолюции IV конгресса о рабочем правительстве, написанной мною:

„Открытой или замаскированной буржуазно-социал-демократической коалиции коммунисты противопоставляют

единый фронт всех трудящихся и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области для борьбы с буржуазной властью и для ее конечного свержения. В результате об'единенной борьбы всех рабочих против буржуазии весь государственный аппарат должен перейти в руки рабочего правительства, и тем самым должны быть укреплены господство и позиции рабочего класса".

„О компромиссах".

Я прекрасно помню работу комиссии. Я отнюдь не хочу сказать, что все правильные положения исходили от меня, а неправильные—от других. Моя ошибка состояла в том, что я шел на такие редакционные уступки, которые были потом истолкованы, как политические. С точки зрения политической агитации, стратегического маневра, это положение нельзя признать неправильным. Оно вполне допустимо.

В 1917 году в статье „О компромиссах" Ленин писал о возможном соглашении с меньшевиками и эсерами по вопросу об образовании ими правительства, ответственного перед советами:

„Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, „главенствующим" мелкобуржуазно-демократическим партиям—эсерам и меньшевикам.

Лишь, как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, поддерживается лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является с нашей стороны наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть советам, ответственное перед советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь и только теперь, может быть, всего в течение нескольких дней или 1—2 недель, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить с гигантской вероятностью мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма".

Стратегический маневр, а не система.

„Только во имя этого мирного развития революции— возможности крайне редкой в истории и крайне цен-

ной, возможности исключительно редкой,—только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по-моему мнению, итти на такой компромисс".

И в другом месте:

„Задача истинно-революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы через все компромиссы, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции". (Ст. „О компромиссах" 3 сентября 1917 года).

Это было, товарищ Шмераль, стратегическим маневром. Говорилось о „честной ликвидации". В агитации подобного рода словесные обороты речи допустимы. Мне тоже доводилось в то время выступать с подобными статьями. Собирался ли Ленин мириться с меньшевиками, итти в правительство „всех" рабочих партий, или в правительство всех рабочих и крестьянских партий? Нисколько! Это был стратегический маневр. Когда же это положение начинают „углублять", превращать его в систему, в „теорию", начинают думать всерьез, что можно вступать в мирную демократическую коалицию со „всеми рабочими партиями", которые только именуют себя таковыми, в действительности же являются „третьей" буржуазной партией, то такое отношение приводит лишь к оппортунизму. Разумеется, сила этих других, якобы, „рабочих" партий еще очень велика. Если бы эти „рабочие" по названию партии были подлинными рабочими партиями,—не только по своему составу, а по своему политическому характеру,—если бы они и впрямь присоединились хотя бы на момент к нам, мы уже сейчас стали бы непобедимой силой в Европе.

Но ведь это—рабочие партии лишь на словах, а потому коалиция „всех" рабочих партий как тех, что действительно являются рабочими партиями, так и тех, которые себя только так именуют, об'ективно являясь буржуазными партиями,—бессмыслица, преступление, контр-революционная утопия, оппортунизм.

А между тем оказалось, что для ряда наших товарищей тактика единого фронта была не только методом агитации и мобилизации масс, методом партии, знающей чего она хочет. Сначала я этого, как следует, не понял и не предвидел, что из стратегического маневра сделают библию оппортунизма, хотя я должен сказать, что в первых же тезисах об едином фронте я подробно говорил об опасностях оппортунистического толкования. А это-то как-раз и сделали.

Саксонский урок.

Апогея своего эти оппортунистические ошибки достигли в Саксонии. Для нас скоро стало совершенно ясно, что в Саксонии разыгралась воистину банальная парламентская комедия коалиции с „левыми“ социал-демократами. С таким чувством смотрели на это все российские большевики и, полагаю, так же и все германские революционные рабочие и настоящие большевики. Именно в этот момент необходимо было размежеваться.

В оправдание тому, что происходило в Саксонии, нельзя ссылаться на переоценку нами революционных возможностей. Это весьма дешевый аргумент. Рассчитывать, что революция удастся наверняка, никогда нельзя. Я говорю: если повторится революционное положение, создавшееся в октябре 1923 года, мы опять будем настаивать, чтобы во всеуслышание было заявлено, что революция стучится в ворота. Нам не в чем раскаиваться. В октябре здесь собрались представители наикрупнейших компартий. Никто ни единым словом не обмолвился против такой постановки вопроса, которую дал Исполком. Все согласны были, что надо ставить ставку на революцию. Но главная ответственность лежит на Исполкоме и на германской и российской братских партиях. Повторяю, если такое положение повторится,—мы будем, разумеется, лучше проверять цифры, точнее подсчитывать наши силы, но мы опять все поставим на карту революции.

Переоценка положения—это еще не самое худшее. Хуже то, что, как это показал пример Саксонии, в рядах нашей партии оказалось много пережитков социал-демократизма. Радек спрашивал: а читали ли вы все германские газеты, как читал их он, известны ли были нам все подробности о саксонском „опыте“. А мы все рабочие, московские и ленинградские большевики, ему отвечали: Да мы не знаем немецкого языка, мы не можем читать немецких газет, но мы проделали три революции: одну в 1905 году и две другие в 1917 г. под руководством Ленина. У нас хватит здравого смысла, чтобы понять, что в Саксонии разыгралась банальная парламентская комедия. Саксонский опыт вскрыл истинное положение вещей, показал нам, как обстоит дело с единым фронтом и рабочим правительством у правого крыла Коминтерна. Резолюция, принятая на IV конгрессе по вопросу о рабочем правительстве, в общем и целом была правильна. Ряд мест в ней прекрасен. Ряд предсказаний оправдался. К высказанным положениям надо было подходить, как широко задуманному стратегическому плану завоевания масс, но строить на этом целую демократическую теорию, заявляя, что нам предстоит целая эпоха пребывания

у власти рабочих правительств в составе коммунистических и „всех“ рабочих партий и даже крестьянских, в рамках демократии,—это уже начало оппортунизма.

Как развивались события дальше. Правое крыло Коминтерна после IV конгресса перешло в наступление. Состоялся лейпцигский партс‘езд; на нем была принята резолюция, где говорилось, что в Германии при применении тактики единого фронта необходимо исходить из иллюзий и предрассудков широкой массы рабочих социал-демократов. Может быть, это просто неудачный оборот речи? Но тогда как же понимать следующую характеристику рабочего правительства: „Оно не представляет собой ни диктатуры пролетариата, ни мирного парламентского перехода к ней. Это—попытка рабочего класса проводить рабочую политику для начала в рамках и в первую голову средствами рабочей демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение“.

Ошибки чехо-словацкой компартии.

После лейпцигского партейтага состоялся пражский с‘езд чехо-словацкой компартии. Знакомясь с резолюциями пражского партс‘езда, вы там читаете:

„Рабочее правительство может представлять собой не что иное, как мирный переход к диктатуре пролетариата. Это—попытка рабочего класса проводить рабочую политику в рамках и в первую голову средствами буржуазной демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение“.

Вы видите: дословное повторение. Не знаю, произошло ли это стихийно, или здесь был „план“? Конечно, последнее.

Было выдвинуто дословно то же „золотое“, на самом деле оппортунистическое положение. Повторяю, не знаю, произошло ли это стихийно или по определенному плану (Радек: Клейна!). Как вам известно, тов. Радек в иной области является сторонником „плана“ (возглас Брандлера: „Радек в этом отнюдь не виновен“). Вы ошибаетесь, тов. Брандлер; в этом деле Радек виновен больше, чем вы, как и вообще в оппортунистических ошибках последнего периода. Бухарин и я протестовали против этого положения лейпцигской резолюции, но я должен сознаться, что из уступчивости мы, не видя еще, что тут дело идет о целой оппортунистической системе, не делали этого открыто и официально, мы не действовали достаточно решительно, не пустили в ход всей силы Исполкома.

Тов. Радек говорил тогда: „Чего же вы хотите от Брандлера, тонкие формулировки ему не удаются, Брандлер—

строительный рабочий, и когда он что-нибудь формулирует, он точно кидает кирпичи“. Это говорилось Радеком на нашем партс‘езде. Ладно, Брандлер—строительный рабочий, но ведь Шмераль-то не строительный рабочий и, аргументируя, он не кидает кирпичей (смех). Должен сказать, впрочем, что заключительная часть резолюции у Шмераля (Прага) вышла значительно ловчее, чем у Брандлера, но основное оппортунистическое положение повторил и он.

Так вот, товарищи, кто настаивает на этом положении, тот приходит в конфликт с коммунизмом, с ленинизмом, тот представляет себе какой-то особый мирный переходный период рабочего правительства или рабоче-крестьянского правительства, так, якобы все обойдется без революции, в рамках демократии.

После Лейпцига и Праги, и в особенности после Саксонии шутки в сторону! Тут уже ясно, что дело не в словах, а в двух системах политики. Германские левые, относительно которых долгое время мы полагали, что они многое преувеличивают (и в некоторых случаях они, действительно, сильно преувеличивали), в данном случае оказались правы. Они были единственные, которые в Москве предсказали исход саксонского опыта. Это заставило нас задуматься и иными глазами взглянуть на левую.

Саксонский опыт создал новое положение. Это грозило началом ликвидации революционной тактики Коминтерна. А если так, то надо сделать выбор и ясно сказать, в чем тут дело.

Тактика единого фронта остается в силе целиком.

Что такое тактика единого фронта, что такое рабочее правительство, и что такое правительство рабоче-крестьянское? Не зачем нас запугивать, как это иногда делал тов. Радек, говоря, будто мы предпринимаем пересмотр решений IV конгресса и вообще чуть ли не всех прежних решений Коминтерна. К чему страшные слова? Мы хотим лишь пересмотреть утрированные, неосторожные и фальшивые формулировки, которые протащены Радеком в резолюции IV конгресса. Мы хотим сделать так, чтобы к настоящее время их нельзя было использовать и вкривь и вкось. Мы хотим дать такую формулировку, чтобы каждому, как строительному рабочему, так и профессору было ясно, как ее надо понимать. Мы стоим за применение тактики единого фронта в целях завоевания большинства рабочего класса, тактика единого фронта остается в силе целиком. Мы за лозунг „рабоче-крестьянского правительства“ попрежнему. В своей резолюции германская партия вполне справедливо заявляет: для такой, например, страны, как

Италия, лозунг рабоче-крестьянское правительство вполне уместен; я думаю, уместен этот лозунг и для Франции и для целого ряда других стран. Полагаю, что если мы будем понимать этот лозунг, как понимала его российская коммунистическая партия, никто из действительно левых против него возражать не станет.

Каково происхождение этого лозунга? Порою дело изображалось так, будто Радек „выдумал" его, высосал его из пальца Это не соответствует истине. Лозунг рожден российской революцией. А то, что сделал с ним Радек, есть лишь его искажение. Мы хотим пользоваться этим лозунгом, как пользовалась им наша революция. Мы же охарактеризовали применение лозунга рабочего правительства (возглас Радека: „Мы в России вступили в коалицию с левыми эсерами"). Мы не зарекаемся и в Европе взять в советское правительство тот или другой ломоть социал-демократии, который оторвется от с.-д. партии и склонен будет на время поддерживать нас. Так было и с левыми эсерами. Это был ломоть, оторвавшийся от партии с.-р., имевший за собой часть крестьянства. Мы взяли их на буксир. А скоро, когда они заговорили вновь с.-р. языком, мы освободили себя от них. Это была правильная стратегия. А вот план соглашения с эсеровской и меньшевистской партиями после Октября был ошибкой. То было в момент Октябрьской революции, когда группа товарищей считала возможным вступить в соглашение с с.-р. и меньшевиками. Я сам на один момент принадлежал к группе, державшейся этого взгляда. Но это было громадной ошибкой. Скоро мы ее поняли и исправили. А потом, всего несколько дней спустя, Ленин написал статью, в которой говорилось, что спор миновал, и что мы продолжаем совместно борьбу. Итак, вы хотите перенести эту ошибочную политику на другие коммунистические партии? Ни в коем случае.

Ошибки, совершенные в процессе российской революции, находят себе некоторое оправдание в том, что они не будут повторены в других революциях. Так обстоит дело и с тактикой единого фронта. Дело не в том, чтобы подвергнуть тактику единого фронта пересмотру, ревизовать ее. В этом нет нужды. Дело не в том, чтобы изобрести „новую" тактику; не колеблясь ни единой минуты, я говорю, что вопреки ошибкам при применении, в общем и целом тактика единого фронта может быть занесена в наш баланс под знаком плюса. Все дело в том, чтобы оградить Коминтерн от оппортунистического толкования ее.

Возьмем любую страну, хотя бы Англию. В Англии в этой области, т.-е. в области применения единого фронта, совершены крупные ошибки.

Успехи единого фронта в Англии.

Тов. Рут Фишер делится на страницах „Интернационала“ своими наблюдениями в Англии. Я вполне согласен с тем, что она говорит относительно выступления Фергюсона во время избирательной кампании, когда он не выступал открыто как коммунист. Если затушевывать свою коммунистическую физиономию, к чему нам вся избирательная кампания? Тов. Ньюболд, бывший член английского парламента, совершенно серьезно целый вечер мучил меня и тов. Бухарина вопросом, допустимо ли, чтобы он, хотя в исключительных случаях, выступал в парламенте против фракции рабочей партии? Мы ему отвечали: да, ведь, для этого вы там и находитесь. И все-таки, вопреки всем ошибкам, совершенным английской партией, тактика единого фронта в Англии все же имела положительное значение. В местных профсоюзах рабочие-коммунисты во многих случаях действовали совершенно правильно и при этом выиграли. Правильно проводилась также тактика чешской партией в локальном масштабе, на заводах и т. п. Много хорошего тут было и в Германии. Ошибки лежали, главным образом, в плоскости парламентаризма, профсоюзных верхушек, муниципальных органов и т. д. Там нарастал девятый вал оппортунизма. Что же касается работы в локальном, в заводском масштабе, то, несмотря на неверное понимание и толкование тактики единого фронта вождями, здесь было сделано много хорошего в смысле проведения ее снизу.

Чем должна быть тактика единого фронта.

Каково же, товарищи, положение вещей сейчас? Я уже в общих чертах осветил международное положение. Из него вытекает необходимость модифицировать кое-где и кое в чем наше поведение при проведении нашей тактики единого фронта. В первую голову надлежит установить, что она является для нас лишь методом агитации и мобилизации масс, как это было в российской революции. Для социал-демократов, для реформистов „рабочее правительство“ может составлять целую эпоху. Итальянский реформист Дарагона, например, говорил на конгрессе амстердамцев в Вене в июне 1924 г.: „Наилучшим средством избежать новой войны является образование возможно большего количества рабочих правительств“.

Таким образом, для Дарагона, как ясно выраженного реформиста, это рабочее правительство—лекарство от всех болезней, оно дает даже возможность избежать войны и т. д. Для нас это отнюдь не так. Еще в резолюции IV конгресса,

вопреки Радеку, нами сказано много верного... (Радек: автором неудачного положения являетесь вы, тов. Зиновьев). Автором двусмысленностей являетесь вы, резолюция же в целом—моя. Но я отнюдь не хочу снять с себя ответственности и за приведенное место, разумеется, мне надлежало бы выступить против него еще на IV конгрессе, а не на V. Но и никто другой не проявил на IV конгрессе большей дальновидности. Это несколько смягчает мою вину.

Проблема рабочего правительства.

Типы „рабочих правительств".

Важно, что в резолюции IV конгресса имеется следующее место:

„Всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское правительство, т.-е. революционное орудие власти пролетариата.

Коммунистический Интернационал должен считаться со следующими возможностями:

1) либеральное рабочее правительство. Такое правительство существовало в Австралии, такое правительство может возникнуть в недалеком будущем и в Англии;

2) социал-демократическое рабочее правительство (Германия);

3) рабоче-крестьянское правительство. Такая возможность существует на Балканах, в Чехо-Словакии и т. д.;

4) рабочее правительство с участием коммунистов;

5) подлинное пролетарское рабочее правительство, могущее быть осуществленным в чистой форме только коммунистической партией".

Да, бывают либеральные рабочие правительства, как, например, правительство Рабочей Партии, ныне стоящее у власти. Для д'Аррагоны всякое рабочее правительство, каково бы оно ни было,—хорошо. Боюсь, что приблизительно так смотрят на дело и Радек, и Брандлер, и кое-кто из чехо-словацких товарищей, хотя они и понимают, что это не диктатура пролетариата.

У нас уже имеется теперь опыт. Теперь надо прямо сказать, что лозунг „Рабочее правительство" и „Рабоче-крестьянское правительство" для нас важен, главным образом, как метод агитации организации масс для революционной борьбы. А использовать ситуации, создаваемые либеральными рабочими правительствами (напр., Макдональда), мы тоже, конечно, должны. Лозунг „Рабочее пра-

вительство“ для нас—самая притягательная, общедоступная, самая популярная формула для завоевания масс в пользу диктатуры пролетариата. Рабочий, крестьянин и солдат сначала сделают свое революционное дело, а потом уже разберутся, что это и есть диктатура пролетариата. Мы должны прибегать к самым доступным для народа формулам, как мы это делали в российской революции. Это вопрос не маловажный, это не вопрос стилистики, ответ на него покажет, действительно ли мы партия, способная привлечь на свою сторону рабочих, крестьян и солдат, знающая их чувствительное место, не секта, а массовая партия, какою были большевики. Я знаю, что некоторые „левые“ товарищи питают все же сильное отвращение к тактике единого фронта вообще. В утешение им могу лишь сказать: для нас тактика единого фронта и рабочего правительства служит лишь орудием для мобилизации и для организации рабочих масс. Вам это орудие не нравится. Хорошо, я предлагаю вам „компромисс“: как только вы завоюете на свою сторону громадное большинство трудящихся своей страны, мы вас немедленно освободим от применения тактики единого фронта (смех). Когда на нашей стороне будет большинство наиважнейших слоев пролетариата, тогда вы можете себе позволить менее церемонное обращение с нею. Но в главнейших странах положение пока еще таково, что большинство еще не на нашей стороне. Мы должны суметь подойти к массам, каковы они есть, завоевать их на свою сторону, направить на большевистские рельсы, а там уже можно и изменить свою тактику.

Нужно применяться к конкретной обстановке.

Дело вовсе не в том, чтобы стричь все партии под одну гребенку. Вопрос нужно ставить совершенно конкретно для каждой страны в зависимости от обстановки. Русская поговорка не рекомендует портить бочку меда ложкой дегтя.

Я читал, что в Чехо-Словакии Гула и другие товарищи много горюют по поводу того, что мы якобы говорим: применяйте всюду единый фронт снизу и отказывайтесь, якобы, применять эту тактику сообразно тому, что делается в каждой данной стране.

Тов. Нейрат был совершенно прав в статье, направленной против т. Гула, где он, т. Нейрат, говорит, что Исполком никогда и не предлагал того, что возводит на него Гула. Исполком никогда этого не предлагал. Мы говорили: в Германии положение уже столь назрело, что пора сказать единство снизу! В то же самое время мы говорили, что, например, в Польше, вероятно, дело обстоит иначе, иначе и в Австрии, иначе и в других странах. Все искусство Ин-

тернационала состоит в конкретном применении тактики в зависимости от различных условий, которые весьма неодинаковы, весьма пестры. Мы никогда не утверждали, что все партии нужно стричь под одну скобку. Тов. Шмераль, передайте об этом пожалуйста товарищу Гула.

В заключение еще раз: рабоче-крестьянское правительство не больше, чем метод агитации, пропаганды и мобилизации масс. Как я уже говорил в 1922 году, это—псевдоним диктатуры пролетариата. Это оспаривал тогда только Эрнст Мейер и отчасти Радек и то очень неясно, очень робко. В нашей же российской партии этого не оспаривал никто, для нас это было совершенно ясно. Наша ошибка состоит лишь в том, что мы не сразу поняли, что Радек и К° спорят с нами не о редакционных формулировках, а возводят тактику единого фронта в реформистскую тактику.

Внимание крестьянству!

Вы, вероятно, помните, что инициатором лозунга „рабоче-крестьянского правительства“ на расширенном ИККИ был я. Что меня к этому побудило? Сознание, что в некоторых странах мы начинаем приближаться (и довольно быстро) к постановке вопроса о завоевании власти. Я вовсе не хочу кичиться тем, что я уже в ту пору сознавал, как назревает положение в Германии. Нет, этого не было. Но в нашем сознании что-то говорило, что в некоторых странах вопрос о завоевании власти начинает становиться актуальным. Вот почему мы уже издавна старались сказать партиям: обратите внимание на крестьянство! Разумеется, партия, которая еще и не помышляет даже в перспективе о завоевании власти, в этом не нуждается, она остается полуцеховой—чисто-„рабочей“ партией. Но в момент, когда партия становится серьезной компартией, партией масс, когда она должна иметь перспективу завоевания власти, ей приходится тогда призадуматься над тем, как будут вести себя крестьяне, как будет реагировать деревня на рост рабочей партии. Вот почему лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ есть показатель того, что в некоторых странах мы не в столь отдаленном будущем поставим вопрос о завоевании власти. Лозунг этот служит выражением того, что пролетариату должна принадлежать гегемония в революции, а партии руководство пролетариатом. Он служит для нас до некоторой степени переходным этапом от пропаганды к массовой агитации, к революционному делу.

Надо отличать агитацию и пропаганду. Удачнее всего характеризовал это отличие покойный Плеханов, когда он был марксистом: пропаганда есть передача известного комплекса идей небольшому кружку лиц; агитация — пе-

редача одной основной идеи широкой массе людей. Полагаю, что это определение нас может удовлетворить. Оно правильно. Так вот возникновение лозунга „рабоче-крестьянского правительства“ об'ясняется тем, что мы в некоторых партиях должны перейти уже от обычной пропаганды коммунизма к массовой агитации в народных массах и подготовке борьбы за власть. Выдвигая вопрос о борьбе за власть, мы должны найти ударный лозунг, который был бы популярен, который обладал бы притягательной силой и при правильном революционном истолковании его служил бы магнитом для всех тех слоев, которые мы должны частью нейтрализовать, а частью привлечь на свою сторону.

Итак, лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ служит для нас выражением руководящей роли, гегемонии пролетариата в революции, он — выражение воли к власти, стремления образовать собственное правительство, управляющее страной и умело маневрирующее в отношении крестьянства. И эту-то живую ленинскую идею, этот живой источник ленинского творчества и массовой агитации пытались частью успешно убить при помощи оппортунистического толкования.

Левые уклоны в тактике единого фронта.

Рекомендую нашим товарищам и в особенности товарищам из германской партии, которые после всех саксонских экспериментов и ошибок затыкают из реакции себе уши ватой, как только зайдет речь о едином фронте, серьезно продумать все эти вопросы.

Левый тов. Буриан (молодой Буриан) пишет, например, в Чехо-Словакии, что тактика единого фронта служит „главным источником ревизионизма“. Это неверно. Кто ревизионист, тот всегда найдет для себя тот или иной „источник“ (смех, возгласы: верно). Он найдет его в парламентаризме и в чем угодно. Мы не сумеем победить социал-демократии, если будем бояться своей собственной тени и твердить, что тактика единого фронта—источник ревизионизма. Тактику надо взять, а от оппортунистической скверны ее очистить.

Всегда найдутся люди, для которых этот лозунг будет „источником ревизионизма“. Мы должны взять от единого фронта все хорошее, ленинское, через лозунг рабочего правительства—наиболее популярного, мы должны приобрести доверие масс, не только рабочего класса, но и всех угнетенных. Мы, настоящие левые в рядах Коминтерна, должны взять эту работу в свои руки,—только таким путем мы устраним ошибки настоящих правых, убедим тех правых, которых можно убедить, и будем бороться против тех, кого убедить нельзя. V конгресс не должен усматривать своей

задачи в том, чтобы сказать, что единый фронт неправилен, а должен предпринять ряд шагов к выработке предохранительных мер против извращения этой тактики, проделать своего рода прививку против оппортунизма, как против оспы.

В Германии нарыв лопнул. Там дело дошло до конца. Логическое завершение правого уклона мы видели в Саксонии. Я думаю, что если в Чехо-Словакии дело не дошло до того, чтобы нарыв лопнул, если дело не дошло до такой политической катастрофы, то только потому, что там события не настолько созрели. Позиция пражского партс'езда, статья тов. Гула сигнализируют это. При той апатии и неясности линии, которую мы видим в ЦК чешской партии, я боюсь, что если бы положение стало таким, как в Германии, то мы пережили бы второй саксонский провал.

Конкретные задачи главнейших партий.

Перехожу к заключительной главе: о конкретных задачах важнейших партий. Здесь я должен согласиться с наказом КПГ, утверждающим, что речь прежде всего идет о том, чтобы дать отдельным партиям конкретные указания. Это будет важнейшей задачей V конгресса.

Английская секция.

Политически важнейшей секцией Коммунистического Интернационала является теперь не немецкая, не российская, а английская. Мы имеем здесь странное положение: наша партия в 3.000—4.000 членов имеет, однако, в стране значительное влияние. Дело в том, что в Англии существует другая традиция. Партия Макдональда не намного сильнее нашей. Ее еженедельник „Нью Лидер“ имеет тираж в 15.000, а наш в 55.000. В Англии нет традиции массовых партий.

Макс Беер прав, когда говорит, что старик Кей-Гарди всю свою партию в свое время построил на индивидуальной обработке вождей. Создать в Англии массовую коммунистическую партию—в этом главная задача всего нашего периода. Предпосылки теперь налицо. Я говорил подробно об этом в своей статье: „Первое 5-летие Коминтерна“.

Широкие массы английских рабочих еще держатся за Макдональда, иногда с любовью говорят о нем.

Мне кажется, что это то же, что и у нас было в первые месяцы керенщины. Против Керенского никто не смел сказать ни слова. Его надо было критиковать окольным путем: сначала целый час говорить: Керенский, де хороший парень, чуть ли не великий человек, но, может быть, он все же совершает кой-какие ошибки.

В Англии обстоит приблизительно так же. Рабочие еще привязаны к Макдональду сейчас, еще полны иллюзий, к тому же он имеет сравнительно хорошую позицию вследствие того, что у него еще нет большинства в парламенте. Поэтому он может говорить рабочим: я-то хотел бы сделать много больше, но не имею большинства; на ближайших выборах, когда у нас будет большинство, мы покажем, что мы такое, мы будем выступать, как львы; у нас запляшут лес и горы.

Итак, положение не столь просто. Правительство Макдональда находится на восходящей линии популярности. Но если бы мы хотели пассивно дожидаться, пока линия пойдет вниз, то нам тогда не нужна была бы коммунистическая партия. Социал-демократы и без нас раньше или позже политически издохнут. Это несомненно. Мы для того и созданы, чтобы ускорить этот процесс. Поэтому наша партия в Англии уже сейчас должна решительно бороться против Макдональда, дабы масса, когда она осознает его подлость, поняла бы, что мы, коммунисты, еще раньше правильно оценивали положение.

В 1921 году Ленин должен был бороться против Вайнкоппа и других тогдашних „левых", дабы коммунисты вступили в рабочую партию. В 1924 году наступило другое положение. Мы имеем в Англии „рабочее" правительство, мы имеем Макдональда. Теперь наша горсточка коммунистов должна итти своим историческим путем. Она должна: 1) сделаться массовой партией; 2) создать ежедневную газету. Когда говоришь об этом с английскими товарищами, то они считают эту шапку слишком большой для своей головы и беспокоятся о том, как она к ним пойдет. Мы должны: 3) еще шире проникнуть в жизнь профсоюзов, чтобы создать там левое крыло; 4) уделять больше внимания молодежи; до последнего времени в Англии не существовало юношеского движения, оно теперь только начинается; 5) смело взяться за колониальный вопрос, как подобает большевикам; 6) бороться с правыми уклонами там, где они есть, вести другую избирательную кампанию, не итти по путям, которые предлагал Росмер, а уметь итти в своей агитации напролом. Это—важнейшие проблемы для английской партии.

Развитие французской секции.

Вторая по своей важности партия в Коминтерне сейчас это—французская, тоже в виду того нового международного положения („демократически-пацифистская эра"), о котором я уже говорил.

Я полагаю, что французская партия проделала большой прогресс. Она сейчас гораздо сильнее, чем раньше.

Она имеет здоровое левое ядро, нами всецело поддерживаемое. Прежний центр и левая должны вместе сделаться одной общей, сплошной левой, в хорошем коминтерновском смысле этого слова, без фракций, работать в духе Коммунистического Интернационала. Французская партия должна завоевать крупные рабочие центры во всей стране. Она имеет сейчас преобладание только в Париже. Это—крупная точка опоры. У прежнего брандлеровского ЦК было так, что он имел за собой „все", только не Берлин и не Гамбург. Потом оказалось, что он не имел за собой и всего остального.

Французская партия имеет теперь Париж, но в самой стране ее связи и организации слабы.

В Швеции тов. Хеглунд имеет „все", кроме Стокгольма. Я не стану делать из этого выводов. Пусть это сделает на основании некоторых примеров сам тов. Хеглунд.

Главная задача французской партии теперь — итти в рабочие центры, промышленные департаменты, лежащие вне Парижа.

Отношение к „левому блоку".

Наша деятельность должна считаться теперь с иллюзиями, порожденными „левым блоком". Теперь мы должны применить тактику единого фронта несколько по-новому. Французская социал-демократия хотела быть очень хитрой, она не вступила открыто в правительство, но она будет голосовать за бюджет, за оккупацию Рура и т. д. Она—часть правительства. Мы тоже будем „хитры", мы скажем рабочим-социалистам: ведь, это не ваше правительство, ваши люди не заседают в правительстве, чего же вам стесняться, это—буржуазное правительство, почему же бы нам сообща не бороться против него, за амнистию, за уход из Рура, за лучшую зарплату, за признание СССР, за восьмичасовой день и т. д. Нам надо вести умную тактику единого фронта. В момент, когда социал-демократия официально становится „третьей" партией буржуазии, расцвета единого фронта **сверху**, конечно, не будет. В момент, когда **верхушки** с.-д. вступают с буржуазией в политические правительственные комбинации, обстановка самая подходящая, чтобы завоевать „низшие" слои с.-д. рабочих для экономической, а потом и политической совместной борьбы с нами.

Если нам это удастся, то мы будем иметь идеальнейшее положение. Верхушка социал-демократии ангажирована в правительственные комбинации с буржуазией; в этот момент нам должно связаться через экономическую борьбу с более глубокими слоями социал-демократических и беспартийных рабочих снизу и ангажировать их в комбинацию

с нами. Тогда социал-демократия будет растерта между этими обоими комбинациями. Недовольство масс неизбежно будет расти, безработица будет продолжаться, экономическое положение ухудшится, меморандум комиссии экспертов не поможет.

Это — идеальное положение для завоевания лучших слоев рабочего класса на нашу сторону и, я думаю, больше всего во Франции.

Организационные задачи.

Важнейшие задачи французской партии — завоевать страну, промышленные центры вне Парижа, расширить и упрочить аппарат партии. Мы имеем в Париже 8.000 членов партии и при этом 50.000 подписчиков „Юманите“ и 300.000 голосов на выборах. Что это означает? Значительную отсталость партийной организации. Мы должны приучить французских рабочих к другой организационной практике. Сенская федерация должна вскоре иметь 25.000 членов. Важнейшая задача французской партии—искоренить последние остатки фроссардизма. Прежний „центр“ должен смело и искренно итти вместе с левой. Французская партия должна с помощью блестящих качеств прежде всего парижских рабочих завоевать рабочих в провинции в тот момент, когда социал-демократические верхушки будут ангажированы правительственной комбинацией с буржуазией. Движение фаб.-зав. ячеек еще находится в пеленках. Говорится много о „высокой“ политике. Но пока во Франции есть только 120 фабрично-заводских ячеек. Эти успехи еще нельзя принимать особенно всерьез. Парт'ячейки и фабзавкомы являются первыми требованиями нашими к французской компартии. Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ во Франции уместен более, чем в какой-либо стране. Глубже в деревню, в крестьянские низы. Хорошая коммунистическая пресса. Прочный организационный аппарат партии. Лучшие международные связи. Таковы задачи.

Немецкий вопрос в главном выяснен.

Теперь о германской партии. Мы имеем в порядке дня специальный пункт: немецкий вопрос. Я лично держусь сейчас того мнения, что мы можем спокойно снять этот специальный пункт порядка дня, так как вопрос в главном уже выяснен. Последний год больше всего говорили и писали о германской партии. Я, во всяком случае, не вижу сейчас никакого особого немецкого вопроса. Положение в Германии трудное. Общие политические перспективы в основном остаются прежними. Положение чревато револю-

цией. Новые классовые битвы уже опять в ходу, идет гигантская борьба. Коммунистическая партия Германии теперь, в общем и целом, идет по маршруту Коммунистического Интернационала. Кризис был очень глубок, опасности были велики. Существовала опасность раскола партии.

Польские товарищи спрашивали, почему мы так „быстро" дезавуировали старый брандлеровский ЦК. Надо же понять, товарищи, что если бы еще немного помедлить, то раскол стал бы неизбежным. Кризис был так остер, что мы можем сказать, что он сошел еще сравнительно очень гладко. (Северинг: „Совершенно верно").

Теперь о споре с „ультра-левыми". В момент, когда мы еще не знали, к чему клонится дело, мы должны были вмешаться и даже несколько переоценить опасности. Мы не знали еще, насколько они количественно сильны, но мы знали, что они—меньшевики наизнанку. В настоящий момент они частью уже ликвидированы. Новый ЦК дает отпор этим ликвидаторам „слева" и, я надеюсь, сумеет с ними справиться.

Трудности германской компартии.

Весьма крупные трудности имеются еще в вопросе о профсоюзах. Малейшим попыткам ревизовать франкфуртское решения и опять заговорить о выходе из профсоюзов ЦК должен дать беспощадный отпор.

Положение в парламенте тоже не простое. Мы имеем теперь во Франции и Германии, в обоих парламентах, положение, похожее на то, которое Ленин назвал „маятниковым положением". В парламентах этих может быть два большинства и могут быть моменты, когда наша фракция может явиться решающей гирькой на весах. Это создаст нам в Германии и Франции тактические трудности. Германская партия тоже многое упустила и упускает в области работы среди крестьянства. Это надо наверстать. Это надо исправить. Можно привести еще ряд других частичных задач, но я не буду делать этого. Немецкая партия проявила себя, как партия в основе здоровая. Организм хорошо справился с тяжелыми недугами. Если бы организм КПГ не был столь здоровым и пролетарским, то мы имели бы еще гораздо большие трудности.

Если „ультра-левые" еще попытаются вынырнуть, то мы будем с ними вновь бороться. Если старый „левый" уклон обнаружится и в профессиональном вопросе, то мы будем и с ними бороться. У нас с ЦК КПГ дружеские, а не „компанейские" отношения. Нет таких мотивов, которые помешали бы нам бороться с ошибками, если они возникнут. Вы видели, что мы это делали, когда левые ошибались.

И мы будем это делать и впредь. Германская партия, как и всякая другая, имеет право критиковать исполком. Она использовала это право более чем достаточно. Нам и не нужны „поддакиватели". Но германской партии тоже не нужен исполком, который не говорил бы открыто того, что надо сказать. Исполком может и будет критиковать и исправлять, что нужно. Я думаю, левые элементы, составляющие большинство КПГ, сами скажут, что мы хорошо поступили, когда решительно вмешались в разговоры о „новой тактике" в профсоюзах. Если некоторые думали, что исполком попросту сдаст германскую партию „ультралевым", то они теперь поймут, что это была их ошибка. Исполком этого не сделал и никогда не сделает. Мы будем бороться за ленинизм и в КПГ. Поскольку новый ЦК идет этому навстречу, мы можем только радоваться.

В чехо-словацкой компартии.

Перехожу к чехо-словацкой партии. Я уже о ней говорил попутно и не имею многого добавить. У меня такое впечатление, что в чешской партии нехватает постоянного регулярного, напряженного, революционного руководства. Там работают как-то от случая к случаю. Наступили выборы или что-нибудь в этом роде,—происходит оживление, а потом работа опять засыпает. Постоянного революционного руководства не чувствуется. Я думаю, следовательно, что чешской партии надо многое улучшить. В ЦК должны влиться свежие пролетарские силы. Имеющиеся еще ревизионистские элементы должны быть изжиты. Если я вполне надеюсь, что товарищ Гула скоро исправит ошибку, то относительно тов. Бенека, например, у меня такой надежды почти нет. В чешской партии есть элементы, которые являются более или менее неисправимыми центристами. В доброй воле товарища Шмераля нам не зачем сомневаться. Но мы должны требовать искоренения ошибки, выраженной в цитированном месте пражской резолюции, которая опровергнута в Германии и во всем Коммунистическом Интернационале. Нам надо еще, чтобы она была изжита и в чешской партии. Больше внимания национальному и крестьянскому вопросу, чем до сих пор,—это несомненно относится особенно к чехо-словацкой партии.

В польской секции.

Перейдем теперь к другим странам. Я начну с Польши. Вы знаете, что польскую секцию в течение сравнительно долгого времени причисляли к лучшим большевистским

секциям Коммунистического Интернационала. Это верно и теперь в отношени польского рабочего класса, революционных традиций в Польше, прекрасных пролетариев-коммунистов, которые выносят все тяготы работы нелегальной партии. Я должен открыто признаться: с руководящими органами партии дело обстоит хуже. Верхушка польской партии проявила в важнейших вопросах, определяющих всю тактику Коминтерна, в немецком и в российском слишком много дипломатии. А это уже вызывает грустные размышления. Польские товарищи из ЦК лучше других знают и ту и другую обстановку. Они теперь стали на точку зрения Центрального Комитета и в российском и в германском вопросах. Так заявляют они.

Это заявление имеет только один недостаток: оно несколько запоздало. Есть русская поговорка: „после ужина горчица". Ну-с, товарищи, после ужина горчица может быть иногда тоже полезна, но мы все же предпочтем пользоваться ею за ужином.

Что касается проведения тактики единого фронта, то польские товарищи сами признали на своей собственной конференции, что они совершили большие правые ошибки и промахи. В печати неоднократно критиковалась работа товарища Круликовского в сейме. Должен сказать, что, насколько я могу следить за его поведением, я считаю геройским (Радек с места: „Совершенно правильно!"), правильным и революционным его поведение. За один небольшой промах нельзя дергать товарища за рукав, нельзя забывать тяжелую обстановку работы в парламенте белогвардейщины. В общем товарищ Круликовский использует паламентаризм в духе Карла Либкнехта. Остальное, стало быть, мелочи, товарищи.

Не могу того сказать о руководящем органе польской партии. Во время краковского восстания где была наша партия? Она отсутствовала. Я не говорю, что партия всегда должна иметь большинство. Но, товарищи, в момент, когда вспыхивает восстание полков, если коммунистическая партия в такой момент блещет своим полным отсутствием, то это уже вызывает на размышления. Да, трудности работы в Польше, действительно, велики и необычны. Мы хорошо знаем, что значит нелегальная работа в такой обстановке. Мы знаем героическую работу членов ЦК, действующих непосредственно в Польше. Но политическая головка ЦК страдает дипломатией. ЦК неоднороден. Я совершенно уверен: в момент, когда польские рабочие-коммунисты узнают, где жмет сапог, в чем некоторая неправильность руководства партией, в чем действительное несогласие между ЦК и Интернационалом и, в частности, с РКП,—в этот самый момент польские рабочие-коммунисты будут на нашей сто-

роне, на стороне Коммунистического Интернационала и российской партии, а не на стороне дипломатии. Да, дипломатия против буржуазных врагов, против социал-демократов—вещь хорошая, но только по отношению к нашим врагам. Это мы тоже иногда должны делать. Против такой дипломатии нечего возразить. Но в нашем боевом об'единении, в нашем Интернационале,—здесь нам дипломатия не нужна.

Я думаю, что для того, чтобы восстановить славу польской секции, как одной из лучших большевистских партий, необходимо внести некоторые поправки в ошибки верхушки польского ЦК.

В итальянской секции.

Наше отношение к социалистам.

Теперь об Италии. Здесь мы имеем два практических вопроса. Во-первых,—отношение к так называемым „терци-интернационалистам" и во вторых—к ЦК социалистической партии. Мне думается, мы должны вынести постановление о немедленном об'единении с „терци-интернационалистами", со сторонниками III Интернационала. Для этого наступило время. Должны ли „терци-интернационалисты" войти в ЦК компартии после об'единения,—этот вопрос я считаю второстепенным. Конечно, они **должны** войти в ЦК. П отношению к ним не должно упрямиться на 21-м условии. Товарищи уже два года стремятся в нашу партию, но мы сами говорили им: оставайтесь в старой партии для завоевания ее изнутри. Для И. С. П. необходимо оставить в силе прежнее решение расширенного ИККИ, т.-е. возможность принять ее, как сочувствующую партию. Во время недавних выборов доказано, что за „Аванти", за социалистической партией Италии стоят еще значительные рабочие слои.

Вы припомните, на IV конгрессе „ультра-левыми" итальянцами говорилось, что за итальянской социалистической партией не стоят рабочие, а только-де служащие, мелкая буржуазия и т. д. Но выборы неопровержимо доказали, что за итальянской социалистической партией стоят еще сотни тысяч хороших пролетариев. Ладзари, Клеричи и др.—не коммунисты. Они революционеры чувства. Недавно я получил от старого Ладзари письмо, в котором он пишет: „Это—вопрос совести: с одной стороны—партия, с другой—Коминтерн"; он не может нарушить дисциплины, но сохраняет верность III Интернационалу и т. п. Но я знаю, что за И. С. П. стоят тысячи рабочих, из которых многие за нас. Политикан **Велла** теперь, кажется, почти конченный

человек даже для И. С. П. Это говорит за то, что мы должны оставить дверь открытой и сохранить в силе прежнее решение. Обнаружилось, что крайние „левые“ коммунисты в Италии были неправы, когда они заявляли, будто за социалистической партией не стоят рабочие. За ней стоят тысячи рабочих, уверенных в том, что социалистическая партия наполовину принадлежит к III Интернационалу, что ее невхождение просто недоразумение, которое надо раз'яснить.

А с центристскими элементами И. С. П., разумеется, борьба должна продолжаться.

Положение в компартии.

Что касается нашей коммунистической партии в Италии, то выборы показали, что она все же очень сильная, хорошая, со здоровым и пролетарским ядром. Этой партии—вся наша поддержка. Она—наша надежда. Она—единственная представительница Коммунистического Интернационала в Италии. Но слабости, которые мы критиковали, остаются. Последнее время показало правильность мнения Коминтерна. Вам известен тот факт, что мы имеем там теперь три фракции. Я не знаю, какая фракция располагает фактическим большинством. Мы обождем с выводами, но я знаю, что крайняя левая фракция политически неправа. Бордига требует в своих тезисах „полного подтверждения“ „римских тезисов“ 1922 г., всей политики И. К. П. и тактики по отношению к „Ардити дель Пополо“, т.-е. тех тезисов, которые мы уже двадцать раз критиковали еще совместно с тов. Лениным.

Друг Бордига Росси пишет:

„Наоборот, тактика, ожидающая от положения вещей указаний или вдохновения в отношении своих методов, некоммунистична“.

Я спрашиваю, к чему же тогда мы должны приспособлять свою тактику, если не к фактам, не к конкретной ситуации? В итальянской „левой“ есть, товарищи, такие доктринеры, которые думают, что мы можем с'ехаться и раз навсегда на основе одних „принципов“ выработать какую-то тактическую алхимию, годную на все времена. Конечно, мы не сможем принижать свою тактику, мы не должны менять ее при незначительных переменах ситуации. Это—ясно. Но считаться с фактами, право, не мешает и нам, коммунистам. Мы остаемся коммунистами при всех ситуациях. Это—ясно. Но что мы должны приспособлять коммунистическую тактику к обстановке, это настолько очевидно, что об этом нам не зачем более говорить. И только товарищи, не имеющие контакта с массами, не марксисты, могут требовать противного.

Итальянский вопрос—весьма щекотливый вопрос. Бордига и его близкие друзья—хорошие революционеры, верные Интернационалу, но слабости, которые критиковал у них Ленин, существуют и по сей день. Здесь положение не таково, чтобы Интернационал должен был уступить: уступить должны Бордига и его ближайшие товарищи. Избавившись от своего догматизма, они станут только полезнее для итальянской революции.

Тов. Бордига и вопрос о дисциплине.

Я хочу сказать по этому поводу еще одно слово. Бордига недавно заявил: если Интернационал не исправится, не станет на его точку зрения, ну, что ж, тогда он будет соблюдать лишь „формальную дисциплину“ и попытается создать левую фракцию в интернациональном масштабе.

Я думаю, что Интернационал ни в коем случае не примирится с этим. Бордига нам дорог, но Интернационал дороже. Не Интернационал должен приспособляться к Бордига, а Бордига—к Интернационалу. Не может быть и речи о „формальной“ только дисциплине в нашем Коммунистическом Интернационале. Мы—мировая коммунистическая партия, мы не хотим итти назад, мы должны двигаться вперед и, чем больше будем итти вперед, тем скорее превратимся в мировую коммунистическую партию.

Разрешите мне не останавливаться на других партиях, уже поздний час. Сказанное с известными модификациями можно приложить и к остальным партиям. Я останавливаюсь лишь на тех, которые сейчас имеют наибольшее значение.

КИМ—наша гордость.

Еще несколько замечаний относительно вспомогательных организаций Интернационала и об организационном вопросе. Интернационал молодежи—наша гордость и наша надежда. В нем зреют настоящее поколение коммунистов и настоящие коммунистические руководители. Здесь мы отчасти опередили уже социал-демократию: в Союзе Советских Республик комсомол вырос в организацию, насчитывающую вместо прежних 400.000 уже 700.000 членов, в Германии вместо прежних 28.000 до 70.000. В Рурской области борьба нашей молодежи заслуживает всякой похвалы. КИМ является правой рукой Коммунистического Интернационала. Здесь нам предстоит еще очень важная работа.

Несколько замечаний относительно других вспомогательных организаций. МОПР работает, по-моему, очень хорошо. Межрабпом тоже. Вы знаете, что германская социал-

демократия об'явила ему крестовый поход и приняла решение о выходе с.-д. из Межрабпома. Следует отметить успехи Спортинтерна. Но женское движение надо укрепить, здесь нами сделано еще очень мало.

Организационный вопрос.

Что касается организационного вопроса, мне кажется, настало время серьезно поставить и разрешить вопрос об организации наших партий на основе производственной парт'ячейки. При этом мы потеряем некоторое число членов,—так нам говорят. Однако, мы должны сказать рабочим, что партия должна строиться на производственной основе, во что бы то ни стало: организация по признаку местожительства — наследие социал-демократии. С.-д. строила организацию, как избирательный аппарат для избирательных целей. И там, где наша коммунистическая партия тоже строилась по этому признаку, она порядком близка в этом отношении к социал-демократии. Мы должны, наконец, перестроить партию по производственному признаку, чтобы нам больше не приходилось говорить об этом на VI конгрессе.

Вопрос руководства без Ленина.

В заключение несколько слов о дальнейшем руководстве Интернационалом. Здесь мне опять приходится процитировать несколько слов тов. Бордига, который мужественно, этого нельзя не признать за ним, поставил прямо вопрос. Он говорит дословно следующее:

„Где гарантии того, что Интернационал станет всемирной Коммунистической Партией? Того факта, что в Исполкоме принимают участие лучшие товарищи русской партии, еще недостаточно, так как дело касается исторического положения. Дерзания, на которые мы до сих пор шли потому, что они возглавлялись таким гением, как Ленин, в настоящее время приходится отвергать, как опасные для коммунистического движения пролетариата".

Товарищи, церемонии не в нашем вкусе. Мы должны открыто сказать, что в этом вопросе Бордига частью прав. Мы не можем пенять на него за то, что, как он указывает, там, где нет больше Ленина, всеобщее доверие не так безгранично. Мы сами не имеем этого доверия к себе в такой безусловной степени, как прежде, когда мы знали, что наши решения в конечном счете получат последнюю проверку, так сказать ратификацию, у тов. Ленина, ибо мы все знали, что его суждение будет таким зрелым, таким об'ективным, таким дальновидным, таким марксистским, как

ни у кого другого. Наше несчастие, что мы потеряли лучшую голову, лучшего человека, гениальнейшего руководителя. Это должно повлечь за собой серьезные последствия во всех решительно областях, и мы стали осторожнее.

Но что из этого следует далее? Нашего Ленина больше нет. Другого Ленина на свете тоже нет. А борьбой мирового пролетариата руководить надо. Вывод таков: международное руководство должно быть еще более коллективным, все партии должны дать в Исполнительный Комитет, в руководящий орган Интернационала, лучших учеников Маркса и Ленина, лучшие головы, лучших организаторов. Что еще можно придумать! Ленина больше нет. Вместо него мы должны изнутри братских партий выделить лучшие силы, чтобы организовать коллективное руководство Интернационалом. Но после того, как мы построили этот руководящий орган, после того, как у нас уже есть Исполнительный Комитет, собранный из лучших коммунистов всего мира, в нем должна господствовать не „формальная" дисциплина, а самая настоящая пролетарская и коммунистическая дисциплина. Мы не пеняем на Бордигу, мы не так глупы, чтобы думать,—Ленин умер,, все останется постарому. Мы сами апеллируем к вам, товарищи, из всех братских партий. Ленина больше нет, попробуем хоть в некоторой степени заменить его общими силами. Нам нужен Интернационал для освобождения рабочего класса, мы должны создать коллективный руководящий орган, стальной орган, играющий, действительно, руководящую роль и олицетворяющий коллективный разум всех партий.

Случаи нарушения дисциплины.

У нас были случаи нарушения дисциплины за последнее время. Некоторые из них остались безнаказанными. Можно указать два случая нарушения дисциплины: справа, со стороны Хеглунда, поддерживавшего Транмеля, слева, со стороны Бордига, отказавшегося от мандата в парламент, несмотря на то, что партия и Исполнительный Комитет настаивали на этом.

Мы пытались ликвидировать эти случаи без шума, так как высоко ценим этих товарищей. Хеглунд выказал себя хорошим революционером в продолжение войны. Бордига тоже имеет серьезные заслуги. Но я говорю открыто, что если конгресс не создаст никаких гарантий, чтобы подобные нарушения дисциплины не повторялись, мы не сможем взять на себя всей ответственности. Дисциплина должна быть у нас теперь еще крепче, чем при жизни Ленина.

Мы должны смотреть не назад, а вперед, и создавать мировую партию, Интернациональный Исполнительный Ко-

митет, интернациональный руководящий орган. Никто не смеет говорить о соблюдении только „формально“ дисциплины. Тогда мы станем $II^{1}/_{2}$ Интернационалом, тогда мы не хранители заветов Маркса и Ленина, тогда мы немногим лучше Криспина. Мы должны бороться за единую Коммунистическую Партию без фракций и группировок.

Р. К. П.

Что касается нашей российской коммунистической партии (отдаю себе полный отчет, что она иным не нравится, она не нравится Суворину, иногда и Радеку. Радек: „Мне она очень нравится“),—вы видите, даже Радеку она нравится,—то заявляю вам: РКП представляет сейчас дисциплинированную партию и видит величайшую честь в том, чтобы отдать Коминтерну лучшее, что у нее есть. И у нас к вам только одна просьба,—вы должны сделать то же самое. Ленина больше нет. Но ленинизм остался. Чтобы дать ему победу во всем мире, нам нужно твердое руководство, мы должны сказать всем товарищам: „Нам нужна дисциплина еще более строгая, чем прежде“.

Новая политическая кон‘юнктура в Европе, затяжной период экономического кризиса во всем мире выдвигают перед нами большие, колоссальные задачи. С ними мы можем справиться только при том условии, если действительная дисциплина станет нашей элементарнейшей обязанностью.

Конечно, легко быть дисциплинированным солдатом, когда находишься в большинстве, когда можешь провести все, что считаешь полезным для движения. Но нужно быть дисциплинированным и тогда, когда находишься в меньшинстве. Было время, когда мы даже в недрах II Интернационала подчинялись дисциплине не за страх, а за совесть, но позже для нас сделалось обязанностью образовать левую фракцию во II Интернационале (Вайнкопп: „Правильно!“), бороться всеми мерами с оппортунизмом, а потом и расколоть II Интернационал. Это было правильно, но этого не может быть в III Интернационале—ленинском Интернационале, во всемирной компартии, которая должна быть единой, монолитной, вылитой из одного куска. Мы не скажем вам, что все хорошо в нашей российской партии, но постепенно мы исправим все недостатки. Но если мы слышим, как мне передавали со слов отдельных вождей нашей оппозиции: подождите, в октябре скажется дефицит в советском бюджете на 400 млн., и тогда мы увидим, кто был прав, кто виноват,—Коминтерн должен сделать невозможными такие речи. (Шумные аплодисменты).

Коминтерн должен сказать, что он так же хорошо, как и мы, знает, какие трудности стояли и еще будут стоять перед первым в мире пролетарским правительством, окруженным врагами (аплодисменты).

Если мы не на словах только следуем учению Ленина, если мы хотим создать настоящий ленинский Коммунистический Интернационал, если резолюция о большевизации партий не пустая фраза, тогда нам нужна железная дисциплина, тогда мы должны искоренить все следы пережитков социал-демократизма, федератизма, „автономии“ и пр.

II Интернационал идет вниз, III Интернационал вверх.

Мы не должны бояться высказать это: да, мы не с неба свалились, мы родились из недр II Интернационала. Буржуазная и мелкобуржуазная с.-д. идеология там и сям давит еще на нас. Это несчастье нашего класса, иначе мы бы давно победили уже буржуазию и соц.-дем., но мы должны бороться с этой опасностью энергично, мужественно, настойчиво и упорно, как надлежит революционерам-ленинцам. Не нужно паники, когда возникает оппозиция справа. Раз'ясняйте ошибки, боритесь, и вы победите! Создавайте настоящий ленинский Коминтерн!

II Интернационал еще численно силен, но исторически он осужден на гибель. Раньше мы слишком упрощенно намечали перспективу. Эпоха II Интернационала кончается, эпоха III Коминтерна началась. Исторически это верно, но в общественной жизни отношения не так просты. Конец эпохи II Интернационала и начало эпохи Коминтерна совпадают во времени, некоторое количество лет оба будут существовать параллельно. II Интернационал постепенно сойдет со сцены. Он идет вниз. Мы идем вверх, мы победим. Для этого нужны железная дисциплина и настоящая мировая коммунистическая партия, какой должен стать Коминтерн. Мы не напрасно клялись действовать и бороться в духе учения Ленина. Как настоящая мировая коммунистическая партия, мы должны бороться с оппортуинизмом правых и раз'яснять ошибки левых. Мы нуждаемся в стальном коммунистическом руководящем органе, потому что нас ждут великие бои. Кто из нас на IV конгрессе думал, что в октябре 1923 г. нам придется так серьезно обсуждать вопрос о германской революции? А ведь события надвинулись было вплотную. События назревают быстрее, чем мы предполагаем, а нам все кажется, что они идут слишком медленным темпом. Ясно, что между V и

VI конгрессом нас ждут решительные бои во многих пунктах вселенной. Мы должны быть готовы сделать все, чтобы не на словах, а на деле превратиться в настоящую мировую непобедимую коммунистическую партию. (Долгие шумные аплодисменты, переходящие в овацию. Делегаты встают с мест и поют „Интернационал“).

II.

Мировая экономика.

Предварительные замечания.

Некоторые товарищи считали ошибкой об'единение в прениях вопроса о дальнейшей тактике Исполкома с докладом об его деятельности. Пожалуй, действительно, тут есть известное неудобство; на последующих конгрессах, может быть, следует этого избегать. Я лично возражать не стану, но полагаю, что это нецелесообразно в практическом отношении, так как тактика Исполкома и его общая линия всегда находится в тесной связи с тактической линией, намечаемой на ближайшее будущее. Итак, если наши конгрессы предпочитали вести дискуссию в этом порядке, то делалось это исключительно для экономии времени, а не по каким-либо иным соображениям.

Я считаю, что помимо довольно подробной резолюции о деятельности Исполкома мы непременно должны принять еще тезисы по общим тактическим вопросам. Эту работу мы произведем после нашей дискуссии в политической комиссии.

Наша дискуссия, товарищи, была на этот раз более обширной, чем когда бы то ни было. Выступало 62 оратора, не считая деклараций и заявлений. Многие речи внесли весьма много ценного в освещение фактического положения в соответствующих странах. Разумеется, я не имею возможности останавливаться на всех речах и должен сосредоточить свое внимание лишь на наиболее существенном. Попытаюсь, в первую голову, дополнительно осветить то, что, мне кажется, было недостаточно освещено в моем основном докладе, хотя он продолжался и довольно долго. Длинные доклады об'ясняются в таких случаях не любовью к большим речам, а грандиозностью темы, требующей от докладчика

освещения деятельности 50—60 партий и намечения тактической линии на будущее.

Я хочу сначала несколько остановиться дополнительно на анализе мировой экономики. Я указал уже в своем основном докладе, что в целом согласен с тем, что говорится в брошюре и тезисах тов. Варги. Разумеется, можно и должно внести сюда много поправок, и вряд ли кто-либо станет возражать против некоторой переработки тезисов в специальной комиссии. Но я думаю, товарищи, что мы должны здесь предварительно сговориться насчет того, правильна или неправильна его основная линия.

Правильно ли было решение III конгресса?

В журнале „Интернационал", издаваемом нашей братской германской партией, в статье тов. К. С. мы читаем, например:

> „В действительности III конгресс заменил ясную перспективу мировой революции общей экономической схемой, которая как в частностях, так и в методическом отношении означает значительный шаг назад".

Спрашивается, товарищи, что же нам собственно нужно: схема или революция? Как будто кое для кого из писателей-публицистов „схема"—главное. Поскольку можно говорить о схеме, III конгресс в общем и целом наметил ее абсолютно правильно. События уже показали, что III конгресс правильно оценил мировое экономическое положение. События не пошли более быстрым темпом, чем он это предвидел. Что нам за польза от схемы, весьма благоприятной для нас и весьма неблагоприятной для буржуазии, если она потом не будет соответствовать действительности? Было бы очень легко создать на III конгрессе бумажную „схему", показывающую, что нам предстоит в ближайший год или два года быть свидетелями абсолютного и полного краха капитализма. Но какой от этого толк, если это не соответствует истине.

За этот период мы многому научились, в частности поняли, что с термином „крушение капитализма" надо обращаться осторожно. Крушение капитализма совершенно неизбежно, капитализм обречен на гибель, но надо видеть вещи в их настоящем свете и обращаться с понятием времени осторожнее, чем это делалось до сих пор.

Вы слышали, как оценивает доклад тов. Варги тов. Денгель. После того, как мы выслушали заявление германской делегации по этому вопросу, факт этот имеет уже второстепенное значение. Но все же не мешает договориться хотя бы и с отдельным товарищем, а особенно

таким ценным, как товарищ Денгель, относительно сущности разногласий. Попутно замечу, что тов. Крейбих, выразитель совсем другого политического оттенка, расценивает доклад тов. Варги точно так же, как в. Денгель.

Денгель считает не случайным, что Радек и несколько других правых товарищей,—не помню уже точно, кто именно,—будто бы солидаризуются с Варгой. Мне кажется, тов. Денгель стал отчасти жертвой „военной хитрости“ Радека. Вы наверно заметили, что Радек всюду выискивает слабые места левых, нащупывает и вынюхивает, нельзя ли пролезть в щель. Пытался он это сделать и в связи с докладом тов. Варги. Мне понятны *чувства* революционера и особенно *германского* революционера при создавшемся положении. Денгель хотел бы, чтобы наши теоретики, наши экономисты точно и ясно наметили маршрут: капитализм не сегодня-завтра крахнет, революция грядет неизбежно, ее, дескать, можно ждать скорее сегодня, чем завтра. Особенно понятны также настроения после октябрьского поражения, после того как удалось высвободиться из под „ярма“ правой верхушки. Подлинное желание бороться—налицо; кулаки сжимаются сами собой,—только и ждешь, чтобы наши теоретики хорошо справились со своей работой, т.-е. набросали „схему“, дающую уверенность в том, что завтра наступит революция.

Наша задача видеть вещи так, как они есть.

Конечно, мне понятны эти чувства революционеров, особенно наших германских товарищей, очутившихся в совершенно особом положении. Но, товарищи, ведь мы хотим победить, а не только размахивать кулаками в воздухе, а для этого надо видеть вещи в их настоящем свете.

Тов. Варге было поручено обрисовать нам *мировое экономическое положение*, а не только положение в Германии. Германия—очень важная для революции страна. Но, товарищи, здесь справедливо указывалось, что и англо-саксонские страны, в том числе и в первую очередь Англия, имеют некоторое значение для мировой революции. Если память мне не изменяет, не кто иной, как Карл Маркс, когда-то сказал: революция без Англии—буря в стакане воды.

Итак, отводя должное германскому движению, мы все же должны подвергнуть рассмотрению *мировое* экономическое положение, а не только положение в Германии. Мы должны помнить, что даже в Германии, несмотря на многообразные симптомы упадка и разложения капитализма, все же налицо имеются и кое-какие симптомы кон-

солидации его. Это чувствует каждый рабочий на своем предприятии. Нам незачем утверждать того, чего нет на самом деле. Да и вообще бывают вопросы, в которых не так-то легко сказать попросту: да или нет. Смысл некоторых статей и речей проникнут настроением: „да-да, нет-нет, что же сверх того, то от лукавого“.

Положение сложно, и не Варга виноват, что налицо все же имеются кое-какие симптомы консолидации капитализма. К сожалению, это так. Мы не можем попросту закрыть глаза, утверждать, что этого не наблюдается. Наша задача видеть вещи так, как они есть.

„Пацифизм“ тов. Варги.

Тут говорилось, что Варга обнаружил „пацифистские уклоны“. Если исходить из его внешности, то, пожалуй, можно признать, что у него действительно имеются кое-какие „пацифистские“ уклоны (смех). Варга доказал это только-что; я бы на его месте не вел себя столь „пацифистски“ в отношении Денгеля (смех). И все же я считаю правильной схему, которую научно набросал нам Варга. Экономические труды, которые он дает Коминтерну, его 3-хмесячные обзоры служат превосходным материалом. Я не знаю ничего лучшего во всей международной экономической литературе. Мое мнение таково, что всем нам есть чему поучиться в этой области у Варги. Я лично готов у него здесь поучиться. Думаю, что не мешало бы поучиться у него кое-чему, в частности и тов. К. С.

Международный экономический анализ весьма труден и сложен. Положение очень пестро, его не охватишь на основании суб'ективных подходов. К каким выводам приводит анализ Варги? Он говорит: почти во всем мире наблюдается общий аграрный кризис. В Америке начинается тяжелый промышленный кризис. В отдельных странах Европы кризис уменьшился за счет соседних стран. Наблюдается, как общее явление, ухудшение положения рабочего класса—не только относительное, но и абсолютное—и одновременно обострение классовых противоречий.

Товарищи, можно ли назвать это пацифизмом? Варга справедливо полагает, что нынешнее экономическое положение таково, что решающую роль может сыграть суб'ективный фактор—организованность пролетариата, воля к власти, готовность к борьбе, сила компартий—это уже не пацифизм. Об'ективное положение может быть каким угодно революционным, но если воля к власти отсутствует, если угнетенным массам не хватает боевого опыта, если нет партии, из этого ничего не выйдет.

Совсем не плохо, что здесь произошло это маленькое интермеццо; в особенности хорошо, что Денгель не настаивает на своих преувеличениях, к которым он пришел, исходя из самых хороших намерений.

Но нужно быть трезвым. Что бы получилось, если бы мы постановили на III всемирном конгрессе: мировое положение таково, что капитализм находится при последнем издыхании, а потом бы оказалось, что собирается IV конгресс, V конгресс, а капитализм все еще довольно прочно держится во многих странах. Едва ли самообман поднял бы наш престиж среди членов нашей партии, не говоря уже о сочувствующих рабочих.

Две перспективы развития капитализма.

Возможны две перспективы. Одна, грубо говоря, состоит в том, что капитализм будет прозябать еще в течение сравнительно долгого периода, не живя и не умирая; другая, тоже весьма возможная, состоит в более быстром развитии событий, очень быстром по времени крушения капитализма в ряде решающих стран и более быстром упадочном движении его в других странах. Конечно, говоря исторически, капитализму осталось жить совсем, совсем недолго. В жизни отдельного человека 5, 10, 20 лет—очень много. А для всемирной истории такие сроки—пять минут. Мы, Коминтерн, на котором лежит задача организации мировой революции, должны сообразовать свою тактику и с той и с другой возможностью. Главное свое внимание надо сосредоточить на наихудшей возможности; если же осуществится наилучшая, и крушение капитализма пойдет более быстрым темпом, мы легко сумеем ориентироваться на более благоприятную перспективу. Плохо обстояло бы дело, если бы мы построили все на более гладком, быстром, благоприятном темпе развития. Это правильно в применении к каждой отдельной стране и тем паче правильно в применении к мировому экономическому положению в целом. Я знаю, что среди левых вождей германской компартии есть очень влиятельные товарищи, которые и для Германии считаются с возможностью затяжки развязки на десяток лет. Я думаю, что это не так. Но нечего обрушиваться на Варгу, когда он в оценке всей мировой экономики проявляет осторожность.

Я считаю поэтому, что тезисы тов. Варги в общем и целом правильны. Можно пойти навстречу желанию германской делегации и вполне разработать возможные революционные перспективы, особенно для Германии. Тезисы следует пересмотреть в комиссии. Я вообще бы порекомендовал, особенно молодым товарищам, более основательное изу-

чение их. Нельзя же, не имея в руках ни одного факта, не приведя ни одной цифры против анализа Варги, голословно утверждать, что Варге свойственны „пацифистские уклоны“ только потому, что у него „пацифистская“ внешность. В области мировой экономики мы должны больше, чем в какой бы то ни было другой, учиться, подучиваться и быть осторожнее в своих выводах и заключениях.

Демократически-пацифистская „эра“.

Корни ее.

Я хотел бы теперь сделать несколько дополнений по вопросу о международном политическом положении. В своем докладе я констатировал, что фашизм и буржуазная реакция в международном масштабе достигли во время IV всемирного конгресса своего апогея. Конгресс предсказал уже тогда, что это движение может смениться другой „эрой“— демократически-пацифистской.

Это предсказание конгресса ныне оправдалось; но и этот новый период не будет продолжительным. В ряде стран положение вскоре вновь обострится, снова наступят чрезвычайное и осадное положение, фашизм и т. п.

Каково было положение во время империалистической войны? Неимоверно обостренное. Почти повсеместно было введено осадное положение.

К концу войны наступает некий расцвет „демократии“, в целом ряде стран произошли буржуазно-демократические революции. Однако, на смену этому периоду весьма быстро пришел фашизм: наступила сильнейшая буржуазная реакция почти во всех странах, имеющих решающее значение. Это было неизбежно, раз не оказалось компартий, которые могли бы повести рабочий класс в бой и вырвать победу у буржуазии. После этого поднялась новая волна демократически-пацифистской „эры“. Господа социал-демократы представляют себе это дело необыкновенно простым: после осадного положения—демократия, потом снова осадное положение, потом опять демократия, при чем как-будто ничего не изменяется.

Кризис фашистского режима в Италии.

Но дело не так просто. Возьмем, например, Италию. Быть может, было бы преувеличением говорить, что там уже поднимается новая революционная волна, начинаются всеобщие стачки и т. п. (точные сведения о том, что произошло в связи с убийством Маттеоти, еще не появились в печати), но все же несомненно, что в Италии наступило новое поло-

жение. Это явствует хотя из того, что коммунистический орган „L'Unita“ в двух номерах дает на первой странице напечатанные жирным шрифтом лозунги: „Долой правительство убийц“, и Муссолини не прикрывает эту газету. Это несомненный симптом наступления тоже новой „эры.“ Правда, Муссолини заявляет, что он в настоящий момент не намерен выйти из правительства, но если такой вопрос уже ставится, то в этом „дух времени“. Налицо первый значительный и глубокий внутренний кризис фашитского режима в Италии.

Если, в самом деле, завтра в Италии снова победит буржуазная „демократия“, то она никоим образом не будет такой, какой была в 1920 году. Вам известно, что тогда т.-н. социалистическая партия Италии была крупной массовой партией. Рабочий класс чувствовал себя свободно, и буржуазная демократия достигла расцвета. Но сущности „демократии“ итальянские рабочие тогда не понимали. Социалистическая партия была полна демократических иллюзий, рабочие политически наивны. Неужели просто-напросто вернется прежнее положение, если будет свергнут фашистский режим? Ни в коем случае! Рабочий класс стал совершенно другим. Он потерял „демократические“ иллюзии, он дорого заплатил за уроки. Теперь это будет совершенно другая политическая среда, другая „демократия“. Рабочий класс обогатился совершенно новым политическим опытом. Я думаю, что мы не должны упускать этого из виду.

По правде сказать, не только социал-демократы, но и мы, коммунисты, иногда слишком просто оценивали положение и думали: сначала была демократия, потом наступит фашизм, а за фашизмом неизбежно должна наступить диктатура пролетариата.

Так может случиться, но так может и не случиться. Например, возможно, что в Италии режим Муссолини сменится не непосредственно диктатурой пролетариата, а новой „демократией“, не совсем похожей на ту, которая была в 1920 г., и уже при режиме „новой“ демократии будет подготовляться диктатура пролетариата.

Положение не так-то просто. Нельзя сказать, что оно сводится к формуле: демократия, буква Д. затем—фашизм—буква Ф, а затем революция—буква Р. Тут не так просто, как в формуле Маркса: товар—деньги—товар. Дело может получить несколько иной исход. Здесь тоже будет происходить своеобразный процесс образования „прибавочной стоимости“ в виде накопления рабочим классом политического опыта. Если в Италии наступит „эра“ демократии, рабочий класс вступит в нее уже закаленным и обогащенным новым политическим опытом. Роль нашей партии

будет при этом иная, так как положение существенно изменится.

Надолго ли?

Как долго будет длиться эта демократически-пацифистская „эра“? С точностью нельзя предсказать, но, насколько можно предвидеть, она будет непродолжительной, хотя бы во Франции — в этой излюбленной стране политиканства буржуазной демократии. Там левый блок скорее изживет себя, чем обычно предполагают. Положение его крайне шаткое. Левый блок победил всего 300 тысячами голосов, так как правый блок, включая все его оттенки, получил 3.600.000 голосов, а левый блок 3.900 000. Эррио начал свою правительственную деятельность с того, что назначил 6 министров из прежнего кабинета Пуанкаре и почти полностью сохранил старую линию в своей внешней политике. Левый блок дал громадные обещания рабочему классу и теперь не может выполнить ни одного из них. Поэтому можно предполагать, что демократически-пацифистская „эра“ пройдет во Франции довольно быстро. Если рабочий класс и его компартия окажутся слабыми, не миновать Франции фашизма. Как долго еще останется на своем посту Эррио и как скоро сменит его Дорио? (Одобрение и смех).

Нельзя сказать, сколько месяцев будет длиться новая „эра“, сколько лет продлится еще диктатура буржуазии, но можно определенно утверждать одно: тенденция развития идет от Эррио к Дорио. Никто не знает, как скоро это произойдет, но очевидно, что процесс распада левого блока идет быстрее, чем мы предполагали. Левый блок довольно скоро осрамится.

Какое значение имеет вся пацифистско-демократическая „эра“ для капитализма, почему она вообще наступила? Является ли она коррелятом укрепления буржуазии или, наоборот, распада капитализма. Несомненно, второе. События развиваются довольно быстро, хотя мы это и не всегда замечаем. Возьмите хотя бы события самого последнего времени. Вы помните прежние кризисы, которые переживала буржуазия до войны. Когда, например, во Франции разыгралось дело Дрейфуса, о нем говорили целыми годами? Это считалось колоссальным кризисом буржуазного строя. Или, например, борьба против трехстепенного избирательного права в Пруссии. Что все это по сравнению с борьбой последнего времени? Когда, например, в Бельгии до войны происходила стачка с требованием всеобщего избирательного права, то тов. Роза Люксембург писала целые исследования об этом событии. Сравните это с тем, что происходит

чуть ли не ежедневно. Например, убийство Маттеоти, оккупация Рура, убийство Ратенау, восстания в Болгарии, Гамбурге и Кракове, левый блок во Франции, рабочее правительство в Англии и Бельгии, громадные размеры стачечной волны, рост революционного движения на Востоке и т. д. Если в настоящее время бастует $^1/_2$ миллиона рабочих, то мы помещаем об этом 20 строк в печати и переходим к очередным делам. Это доказывает, какие громадные успехи делает классовая борьба и как быстро мы приближаемся к окончательной победе.

Дем.-пац. „эра"—признак распада капитализма.

Социал-демократические кретины думают, что наступило благословенное время, когда можно, наконец, свободно вздохнуть и сказать: капитализм укрепился. Они и не подозревают, что именно демократически-пацифистская „эра", как таковая, является выражением, симптомом невиданного еще развития классовой борьбы. Она—лучшее доказательство того, что капитализм уже не может господствовать путем старых методов; она имеет то об'ективное значение, что еще больше расшатывает и без того расшатанный и подорванный войной капитализм. Многие социал-демократы представляют себе дело так: реакция сменилась демократией, демократия реакцией, затем еще раз реакция демократией, а прекрасная дама сердца — демократия при этом не треплется, а все хорошеет и молодеет. Так представляют себе дело господа социал-демократы; они не понимают того, что каждая такая смена глубоко изменяет политические настроения широких масс трудящихся. Социал-демократы ошибаются, оценивая эту „эру", как один из новых эпизодов в истории парламентаризма. Для народных масс она связана с их экономическим положением, со всем укладом их жизни. Если буржуазия вместе с социал-демократией непрерывно, подобно маятнику, колеблется от правого берега фашизма к так наз. „левому" берегу демократии и обратно, то эти колебания все больше расшатывают капитализм и приводят к росту коммунистического сознания масс. Так и происходит конкретная подготовка пролетарской революции.

Ясно, что демократически-пацифистская „эра" ни в коем случае не является доказательством того, что, наконец, наступают счастливые времена, когда все вопросы будут мирно и безболезненно разрешаться „демократией" в парламенте. Эта эра является коррелятом развала капитализма.

В области политики симптомы бывают иногда более ранними, чувствительными и ясными, чем в области эконо-

мики. Конечно, экономика—фундамент, она определяет все. Но раньше, чем созрел и выявился полностью тот или иной процесс, когда новый перелом еще только складывается, политические симптомы иногда гораздо более характерны.

Я повторяю, что именно демократически-пацифистская эра является признаком распада капитализма, признаком упадка и неизлечимого кризиса его. Все, что эти господа Муссолини и Пуанкаре, с одной стороны, Макдональд и Эррио, с другой стороны, теперь делают,—есть работа в пользу пролетарской революции. Все равно, идут ли они путем „демократии“, или путем неприкрытого фашизма. Они льют воду на мельницу пролетарской революции. И тот и другой режим обходится нам очень дорого. И то и другое требует больших жертв от рабочего класса, но и то и другое приближает пролетарскую революцию. Поэтому мы не должны слишком просто смотреть на вещи; здесь неуместна простая аналогия с формулой Маркса: „деньги—товар—деньги“—„фашизм—демократия—фашизм“. В каждой стране это весьма сложный и своеобразный процесс.

В общем и целом эта глава истории означает развал капитализма. Эта „эра“ не может быть очень продолжительной. Социал-демократия пытается спасти буржуазию; она бросает ей спасательный круг, но он никуда не годится, он сделан из негодного материала. Он только скорее потянет буржуазию на дно.

Роль „рабочего“ правительства.

Об’ективно контр-революционное „рабочее“ правительство Макдональда все же в общем и целом должно в перспективе сыграть отрицательную для буржуазии роль. Тов. Ленин был тысячу раз прав, когда говорил на II конгрессе: в Англии к власти придет „рабочее“ правительство. Это „рабочее“ правительство коммунисты должны поддержать, но так, как веревка поддерживает повешенного. В тот момент, когда самая умная в мире буржуазия должна апеллировать к английскому меньшевизму, становится очевидным, что она не может господствовать прежними методами. Конечно, было бы ложью говорить о меньшевистской партии, как о подлинно-рабочей партии,—это не революционная рабочая партия. Но меньшевизм—это зачастую существо, которое одним глазом косит налево, а другим направо. Меньшевизм может способствовать, хотя и помимо своего желания, тому, чтобы ухудшить и расшатать положение буржуазии.

Поэтому мы должны иметь совершенно ясный взгляд на дело; нашу агитацию надо частично видоизменить именно потому, что мы переживаем новую демократически-пацифистскую „эру“. Мы должны раз'яснить рабочему классу всего мира, что значит эта эра. Мы должны дать ему понять, что эта эра не может быть продолжительной и что с.-д. снова обманывают рабочих. Мы являемся единственной силой на исторической арене, не ослепленной „рабочим“ правительством, этой ширмой „демократии“ и „пацифизма“. Но именно потому, что мы являемся такой единственной в мире исторической силой, мы должны поставить себе задачей найти и выделить все конкретные признаки, которыми современный режим буржуазии отличается от прошлого.

Коммунизм и крестьянство.

В Германии вопрос стоит остро.

Я хотел бы еще высказаться по вопросу, о котором в дискуссии говорилось слишком мало. Я имею в виду крестьянский вопрос. Я считаю дурным признаком то, что крестьянский вопрос почти совсем не был затронут в этой обширной дискуссии, в которой участвовало 62 оратора. Я боюсь, как бы мы тут опять не сказали, что мы во всем согласны, что мы считаем правильным все, что нам было сказано, а на деле все останется по-старому. Это было бы величайшей опасностью не только для аграрных, но и для промышленных стран.

На-днях я читал одну статью в „Форвертсе“ от 19 июня под заглавием „Без 5-ти минут 12“. Депутат ландтага баварской народной партии д-р Шлитенбауер заявил в ландтаге следующее. Я процитирую дословно.

„Кризис в Германии еще далеко не изжит. В мрачной и туманной дали нас подстерегает не только коммунистическая опасность, но и крестьянская социальная революция. Если теперешняя политика правительства и рейхстага по отношению к немецким крестьянам продлится хотя бы еще полгода, то опасность станет острой. Такова неотвратимая логика событий, так как настоящее положение невыносимо: оно уничтожает хозяйство крестьян с жуткой быстротой. Когда гнет станет невыносимым, когда хозяйственное положение будет окончательно расшатано, тогда дело дойдет до взрыва, до крестьянской революции; а крестьянские революции радикальны, жестоки, страшны. История учит нас, что крестьянская революция это значит—дым и огонь и болтающиеся на виселицах головы. Это необходимо предотвратить; наступил крайний срок; еще пять минут, и пробьет двенадцать“.

Так вот, товарищи, если бы я не знал о Германии ничего иного кроме того, что говорит этот буржуа, одни его слова послужили бы для меня доказательством того, что вопрос этот стоит очень остро в такой стране, как Германия, где нет налицо больших масс заведомо революционного крестьянства и где задача состоит лишь в том, чтобы завоевать некоторые слои крестьянства и нейтрализовать другие. Доктор Шлитенбауер вполне прав, говоря, что крестьянская революция бывает радикальной и жестокой, и что при этом будет пролито немало крови и будет огонь и кое - что другое, — мы можем подтвердить это на примере российской революции. В виду такого положения вопрос этот недооценивать нельзя. Он не второстепенный и целиком упирается в вопрос о диктатуре пролетариата.

От тезисов — к действиям.

Я читал, что германские фашисты выработали для крестьян довольно умело составленную демагогическую „программу действия". Что же значит, если фашисты вырабатывают для крестьянства „программу действия"? Кто-нибудь из наших „ультра-левых", пожалуй, еще скажет: так как мы сторонники диктатуры пролетариата, то вопрос о крестьянстве нас не касается. А в лучшем случае говорят: мы создадим крестьянскую комиссию при ЦК, посадим в нее людей, которые будут писать тезисы — увы, никем не читаемые. Так иногда бывает. Не лучше обстоит дело и в аграрных странах. Как на пример укажу, что контр - революционная партия Авереску в Румынии недавно созвала конгресс, в котором принимали участие 10.000 крестьян. По всей вероятности, там были богатые крестьяне. Но если они собирают 10.000 крестьян, это что-нибудь да значит.

Польские буржуазные партии в Варшаве тоже созывают многолюдные крестьянские с'езды. А в баварском ландтаге говорят: без пяти минут двенадцать, грозит крестьянская революция. Это значит, что крестьянский вопрос должен явиться для нас одним из наиважнейших вопросов. И это не только в аграрных, но и в промышленных странах, где, как в Германии, положение революционно.

Я считаю, что тут надо действовать по-революционному. Довольно бумажных тезисов, довольно повторять социал-демократическую мудрость, будто до крестьянства нам нет дела.

Да, товарищи, поскольку мы остаемся цеховой партией, нам нет дела до крестьянства. Но поскольку мы действительно хотим добиться рабоче-крестьянского правительства, действительно добиться гегемонии пролетариата в революции, мы должны нести нашу пропаганду и в толщу крестьянства.

Пару иллюстраций из истории российской революции.

Коммунисты теперь пользуются большим успехом среди рабочих Германии. За нами идет в Германии целый ряд крупных фабрик и заводов. Надо делать так, как делали мы в России: видя, что фабрика нам сочувствует, мы созывали общее собрание и говорили: необходимо поработать и среди крестьян.

Выберемте, ребята, для начала 25 парней и пошлемте их в такую-то и такую-то губернию к крестьянам. Для этого нужны деньги, а у партии денег нет, давайте соберем их среди рабочих. Образуемте группы в составе 5 коммунистов и 20 беспартийных и разошлем их на 1—2 месяца по деревням. Семьи же их будем поддерживать до их возвращения. Так делали мы. Крупную роль играли при этом жены рабочих. Рабочие писали письма в деревню, слали листки, газеты, ходоков. Каждая поездка пролетария во время отпуска использовалась с этой целью, ибо рабочие знали, что коммунистичтская партия считает работу в деревне одной из наиважнейших задач.

Значение работы среди крестьян для армии.

Представьте теперь, что так станет поступать и наша германская партия, пользующая громадным сочувствием в рабочей массе, имеющая за собой большинство в целом ряде предприятий. Если она в действительности поведет в этой области организационную работу и вовлечет в это дело не только коммунистов, но и беспартийных рабочих, работая планомерно при помощи фабзавкомов, — пройдет несколько месяцев, и у нас будут несомненные результаты: найдутся и жены рабочих, которые помогут нам работать. Работа среди крестьянства поможет нам работать в армии. Лучшие агитаторы—жены рабочих, это показала наша революция. Нельзя быть консервативным, надо нащупывать новые формы агитации, нельзя забывать, что армия на 50 проц. тоже крестьянская.

Если верно то, что говорит этот баварский депутат: часы показывают без 5-ти минут 12, если среди крестьян царит такое напряженное настроение, то это должно сказаться и в армии, где, правда, есть много офицеров из рядов дворянства, но еще больше крестьянских сыновей. Кто всегда подавлял революционное движение? Кто разбил нас в 1905 году, кто уничтожил Баварскую Советскую республику и подавил ряд других восстаний в Германии после 1918 года? Главным образом—крестьянские сыновья.

Итак, товарищи, это—один из важнейших вопросов для Коминтерна. Будем поменьше копаться в том, что сказал тов. Радек на III или на IV конгрессе, а возьмемся лучше прямо за этот наиважнейший для подготовки революции

вопрос, будем разрешать его действительно в новом духе, сосредоточим в нем свою революционную волю.

Почет и уважение тезисам, но нужно не только и не столько писать тезисы, сколько подымать массы рабочих и крестьян.

Надо, наконец, научиться подходить к крестьянству.

В особенности, товарищи, это касается аграрных и полуаграрных стран. Надо раз навсегда положить конец подобному положению вещей, когда наши партии даже в этих странах не умеют подойти к крестьянам. Некоторые из них даже не знают, сколько крестьян у них и каково их положение. Что бы сказали вы, если бы, желая путешествовать и серьезно обдумав все обстоятельства, упустили бы из виду „мелочь"—расстояние и возможные препятствия в дороге и т. д. То же самое получается и с коммунистической партией, когда она говорит: я хочу одержать победу и завоевать социализм, но не знаю лишь одной мелочи, пустяка, а именно: каков состав моего населения, каков удельный вес крестьянства, каково экономическое положение и чего оно хочет.

Что сказали бы вы о хирурге, собирающемся оперировать больного и при этом забывшем только одну мелочь—состояние сердца больного? А ведь это аналогично. Вы хотите произвести такую серьезную хирургическую операцию, хотите победить буржуазию и забываете „мелочь"—познакомиться с тем, как обстоит дело в аграрных странах с той частью населения, которая составляет большинство.

Итак, я считал бы более полезным не копаться в „пацифистских уклонах" тов. Варги так уж много, а выдвигать на первый план основное и, главное, без чего мы не являемся революционной коммунистической партией, а если являемся,—то не такой, какой следует быть для одержания подлинной победы.

Вопросы тактики.

С больной головы на здоровую.

Теперь, товарищи, перехожу к вопросам тактики. Здесь утверждали,—это были первые слова тов. Радека против нас,—что на нашем конгрессе происходит ревизия, ликвидация тактики единого фронта, выработанной IV конгрессом. Вслед за Радеком это повторяли и другие товарищи, к моему великому сожалению, и тов. Цеткин, от которой я ожидал лучшего. Товарищи, что после IV конгресса нам нужен еще V, а после V еще VI и т. д.—это ясно.

Ясно и то, что вырабатываемое на одном конгрессе должно быть, если это нужно, исправлено и видоизменено

на следующем, а то нам незачем было бы созывать новые конгрессы.

Мы могли бы один раз собраться и все навсегда постановить. Если предлагается изменить или дополнить ту или иную часть той или иной резолюции, это отнюдь не означает, что предлагается ревизия, ликвидация основ прежней тактики.

Товарищи, вы хорошо понимаете, какой специфический привкус имеет этот упрек именно теперь, на V конгрессе, которому приходится работать впервые без товарища Ленина и после ряда тяжелых кризисов в отдельных партиях. Вы чувствуете специфический привкус, когда вам говорят: то, что здесь предлагается, есть пересмотр решений III и IV конгрессов. Я думаю, товарищи, что смогу утверждать и доказать, что не мы предпринимаем ревизию постановлений III и IV конгрессов, а Радек и другие правые. Все дело в том, что правым приходится теперь выявить свое настоящее лицо. Оказалось, что они не могут итти нога в ногу с Исполкомом, а потому и стараются переложить ответственность с больной головы на здоровую.

О правых уклонах Радека. Кто с кем шел.

Тов. Радек говорил здесь, будто бы я утверждал, что был „совращен“ Радеком. Он это утверждал неоднократно, и тов. Цеткин буквально повторила его слова, о чем я опять сожалею, так как от нее ожидал большего, чем простого повторения слов Радека.

Вопрос о том, кто является „совращенным“, имеет некоторое политическое значение. Тов. Цеткин сказала: почему в течение четырех-пяти лет Исполком шел вместе с Радеком, а теперь его внезапно стали считать правым. Ей даже не пришло в голову, что отношения могли быть несколько иными, а именно: не Исполком шел с Радеком в течение пяти лет, а Радек шел с Исполкомом. (Одобрение). И вот, товарищи, дело обстояло именно так, что не Исполком шел за Радеком, а Радек частично, по крайней мере в течение известного времени (что было очень похвально с его стороны), шел за Исполкомом. Мне кажется, что это вовсе нетрудно понять.

Разрешите, товарищи, привести несколько фактов политически-биографического значения. Это необходимо, так как вопрос о том, кто действительно является „совращенным“ и кто за кем шел, имеет политическое значение. Товарищи, обычно бывает так, что разногласия накопляются постепенно, и только в конце-концов количество переходит в качество, когда „внезапно“ и обнаруживаются две совершенно различные линии.

Эго случается не в течение одной ночи или одного часа, а длится иногда довольно долго.

Десять пунктов разногласий с тов. Радеком.

При беглом итоге я насчитываю десять разногласий между нами и Радеком в течение нескольких лет совместной работы в Коминтерне.

Первое довольно серьезное и острое разногласие с Радеком у меня было во время II Всемирного конгресса. По какому вопросу, товарищи? По вопросу о Пауле Леви, а также об отношении к правым и левым. Это было уже во время II конгресса. Некоторые товарищи, может быть, еще помнят мою речь, произнесенную в Исполкоме, в которой я говорил: да, мы будем беспощадно бороться против правых. Речь в то время шла о Криспине, Диттмане и др., которые обхаживали нас и стремились быть принятыми в Коминтерн. Я уже тогда сказал, что против этих людей мы будем бороться, как против классовых врагов. Что касается левых синдикалистов, „ультра-левых“, то они в то время пользовались значительным распространением. Но среди левых были честные революционные рабочие элементы. У них были путанные понятия, но я их считал нашими товарищами по борьбе. Они не были классовыми врагами. Леви полагал, что в Коминтерн должны приниматься только „настоящие коммунисты“, революционные же синдикалисты— никогда. В то время особенно остро стоял вопрос о коммунистической рабочей партии Германии. Я стоял за то, чтобы мы ее приняли в качестве сочувствующей партии. Эта тактика была правильна, но Леви и тогдашний правый Центральный Комитет КПГ, находившийся под его влиянием, а также Радек, были против этого. Это было первым серьезным разногласием; таким образом, уже во время II конгресса (I конгресс был очень немногочисленным) у нас было принципиальное разногласие по вопросу о Леви, о германской коммунистической рабочей партии, по вопросу об отношении к правым и „левым“ (притом тогда даже не к коммунистам, а к синдикалистам).

Второе разногласие касалось вопроса специально об отношении к герм. коммун. раб. партии, о чем я уже говорил раньше. Много раз мы сталкивались по этому вопросу.

Третье разногласие возникло по поводу первого открытого письма от германского ЦК к социал-демократам, написанного Радеком; некоторые товарищи—я и Бухарин в том числе—были против этого письма, так как боялись, что Леви и элементы, находящиеся под его влиянием, сделают из этой тактики не революционную стратегию, а то, что они действительно и

сделали из нее. Поэтому в начале мы были против открытого письма.

Вмешательство тов. Ленина поставило вещи на свое место. А за Леви мы стали смотреть еще пристальнее. Впоследствии оказалось, что в вопросе о Леви правы были мы. Тов. Ленин это признал.

Четвертое разногласие возникло по вопросу о конференции 3-х Интернационалов в Берлине. Вы, вероятно, помните, что позиция Радека была осуждена двумя статьями,—одной статьей тов. Ленина и другой—моей. Радек переступил границы допустимого при тактике единого фронта, он сделал ту же оппортунистическую ошибку, что и сейчас.

Товарищ Клара, шел ли в то время Исполком с Радеком, шел ли Ленин с Радеком, или Радек с Исполкомом? Радек в то время уступил, поняв ошибки,—тем лучше для него.

Пятое разногласие возникло по норвежскому вопросу. Когда мы послали Радека в Норвегию, он немедленно заключил гнилой „единогласный" компромисс с Транмелем. В этом случае мы не смогли публично дезавуировать Радека по понятным для вас причинам.

Шестое разногласие возникло по поводу отношения Радека к германской левой. Каждый хорошо знает, что между мной и Радеком по этому вопросу велась, хотя и не открытая, борьба. Радек в общем шел вместе с Брандлером и поддерживал, за редкими исключениями, его организационные угрозы по адресу левых. Я не всегда поддерживал левую,—мы еще не знали новых вождей и думали, что, быть-может, Радек лучше знает отдельных товарищей.

Я не всегда ясно видел положение, но одна тенденция не подлежала у меня абсолютно никаким сомнениям: я считал что мы во что бы то ни стало должны найти почву для соглашения с левой.

Седьмое расхождение: является ли „рабочее правительство" псевдонимом диктатуры, или нет. Об этом я скажу ниже.

Восьмое расхождение касалось лейпцигского партийного с'езда. Спор шел о тезисе „рабочее правительство в рамках буржуазной демократии", который я критиковал вместе с Бухариным и который Радек защищал.

Девятое касалось налоговой программы, конфискации 51 проц. и т. д. Мы были против всего этого не потому, что мы вообще отклоняли частичные требования, а потому, что стоим за выставление только таких частичных требований, которые могли бы интересовать массы, а не требований искусственных, носящих характер кабинетного измышления.

Десятое разногласие очень важное. Во время сентябрьских и октябрьских дней в Германии в 1923 г. мы не во всем были единодушны. Я уже рассказывал в печати о том, как Радек противился организации антифашистского дня. Но это еще не так важно. Гораздо важнее его позиция на сентябрьской (1923) конференции с немецкими товарищами в Москве. Мы ставим вопрос следующим образом: не пора ли выставить в Германии лозунг организации Советов рабочих депутатов? Радек был против этого; к сожалению, представители германской левой согласились с ним в этом вопросе. (Тельман с места: не все).

В то время и левые говорили: фабзавкомов достаточно, это те же Советы (мы сами этому поверили), нам еще не нужно Советов, это потребует большой параллельной работы и т. п. Когда мы увидели, что левая уступает, мы также должны были уступить.

Бросая теперь ретроспективный взгляд на весь ход событий, мы должны констатировать, что все эти разногласия лежали в одной и той же плоскости.

Конгресс, конечно, не настолько наивен, чтобы поверить, что Исполком в течение 5 лет шел за Радеком, а теперь внезапно увидел его ошибки. Дело было, наоборот. Но, к сожалению, то же самое случилось не только с Радеком, но и с тов. Цеткин.

Саксонская оппортунистическая комедия.

Мне очень жаль, но абсолютно необходимо здесь высказать это. Тов. Цеткин отошла от позиции Исполкома. Был момент, когда она была солидарна с нами даже в том вопросе, который сейчас является для нее самым спорным, в вопросе о саксонской „банальной парламентской комедии“.

Тов. Радеку не нравится также, что я назвал банальной парламентской комедией то, что происходило в Саксонии. Мне хочется на этом остановиться. В противовес его утверждениям я вас ознакомлю с тем, что писалось мною по поводу вступления в правительство в „Проблемах германской революции“.

„Вхождение германских коммунистов в саксонское правительство имеет смысл лишь в том случае, если оно будет обставлено надежными гарантиями того, что аппарат государственной власти действительно начнет служить рабочему классу; что начнется вооружение десятков тысяч рабочих для борьбы против баварского и общегерманского фашизма; что начнется не на словах, а на деле массовое изгнание буржуазных чиновников из аппарата государственной власти, частью оставшихся

еще со времени Вильгельма; что немедленно будут приняты экономические меры революционного порядка, решительно бьющие по буржуазии.

Если нынешнее саксонское правительство сумеет действительно превратить Саксонию в красную страну, которая сможет хотя бы до известной степени стать концетрационным пунктом всех революционно-пролетарских сил страны, тогда революционный германский пролетариат поймет и поддержит саксонские попытки. Если же этого не будет, германские коммунисты должны будут воспользоваться всем саксонским эпизодом лишь для того, чтобы еще и еще раз наглядно продемонстрировать перед рабочими массами бесхарактерность „левых“ с.-д. и контрреволюционную дрянность с.-д. вождей. „Единый фронт“ для затушевания революционных задач мы отвергаем“.

(„Проблемы германской революции“. Глава III. стр. 32).

Так писал я в первые же минуты саксонского „опыта“. Не прошло и нескольких дней, и для меня стало ясно, что правые элементы германской компартии превращают нашу тактику в оппортунистическую комедию.

5 ноября 1923 г. я предложил послать германской партии секретное письмо, в котором говорилось бы о том, что саксонский опыт стал парламентской комедией. Товарищи, нам нечего стыдиться этого письма. Это был не плохой документ. Проект был написан мной; комиссия для редакции его состояла из товарищей: Коларова, Цеткин, Зиновьева, Куусинена и др. Тов. Клара Цеткин активно участвовала в работе, сделала много политических и стилистических поправок. Наконец, письмо было единогласно принято. Каково же было тогда положение? Последовал ли Исполком за тов. Цеткин или, наоборот, тов. Цеткин последовала тогда за Исполкомом? Было последнее, и это было очень хорошо. Плохо только то, что тов. Цеткин не хочет теперь следовать за Исполкомом, теперь, когда положение гораздо яснее, чем в ноябре. Плохо то, что она не идет больше вместе с нами, из дружбы и чувства товарищеской солидарности не желая порвать с теми, которые сейчас отошли от линии Коминтерна. Такую же позицию—„нельзя покидать их“—она заняла, к сожалению, и на III конгрессе Коминтерна по отношению к Леви. За эту дружбу можно было похвалить тов. Цеткин, но диалектически эта хорошая сторона ее характера превращается в политическую ошибку. Та сердечность и доброта, которую в ней так любим и ценим все мы, диалектически переходит в политическую ошибку.

Сильные и слабые стороны Радека.

Радек говорил здесь очень весело, с массой шуток и юмором. Я завидую ему: это действительно было подвигом в его положении.

Но, товарищи, если серьезно отнестись к вопросу, то работа Коминтерна за последние пять лет,—а это было чрезвычайно важное пятилетие,—показывает, что внутри происходила борьба, не доведенная до конца, благодаря тому, что тов. Радек тогда подчинялся Коминтерну и российкому ЦК, а не сочинял „оппозиции“. Мы все говорили: мы знаем нашего Радека, знаем его сильные и слабые стороны. Его сильная сторона состоит в том, что он хороший журналист. Его слабая сторона в том, что он человек, видящий всю политическую жизнь через столбцы газет. Он журналист, статьи которого уже готовы еще прежде, чем он успел их хорошенько обдумать. Иные говорят, что иначе и нельзя быть настоящим отзывчивым журналистом. Недавно я прочел статью, кажется Максимилиана Гардена, который пишет о природе журналиста: выраженным типом журналиста является тот, кто немедленно реагирует, немедленно, пока еще события не успели остыть; он реагирует немедленно и начинает размышлять уже после того, как напишет. Вот в этом-то и заключаются сильная и слабая стороны Радека. Он часто говорил нам: как можете вы лучше судить о положении в Саксонии, чем я; ведь я ежедневно читаю целый десяток саксонских газет. То же говорил он не раз даже о Ленине: старик, конечно, гениален, но как может он разбираться в мировой политике, не читая всех газет и брошюр, этого я не понимаю. Конечно я не против чтения газетных статей и брошюр, но легкомысленно делать окончательные заключения только на основании этого чтения. Часто Радек говорил: как вы можете отрицать, ведь это напечатано в газете. Будто Радек не знает, как „делаются“ буржуазные и с.-д. газеты. (Смех. Одобрение).

Пресловутый „пересмотр“ резолюций IV конгресса.—Тактика единого фронта.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к вопросу о пресловутом пересмотре нами резолюций IV конгресса. Мне кажется, что я по этому поводу высказался несколько неудачно, что вызвало некоторое недоразумение. Я процитировал фразу о коалиции всех рабочих партий. Тов. Крейбих за это ухватился: вы ведь сами сказали: „коалиция всех рабочих партий“,—это и есть тактика единого фронта и рабочего правительства. Моя ошибка заключалась в том, что я не прочитал вам тут же следующих пяти строк, в которых сказано:

„Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы вооружить пролетариат, обезоружить буржуазные контрреволюционные организации, ввести контроль над производством, свалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контрреволюционной буржуазии".

Процитирую теперь эту резолюцию более подробно. Это необходимо, раз пытаются создать целую легенду о ревизии и ликвидации нами тактики единого фронта и рабочего правительства. Это будет несколько скучно, но необходимо.

Вот что сказал в своих резолюциях IV конгресс:

„Применение тактики единого фронта означает, что коммунистический авангард идет впереди в повседневной борьбе широких масс за их ближайшие жизненные интересы. Для этой борьбы коммунисты готовы даже вести переговоры с предательскими вождями социал-демократов и амстердамцев. Попытка II Интернационала истолковать единый фронт, как организационное слияние всех „рабочих партий", конечно, должна быть категорически отвергнута. Попытка II Интернационала под флагом единого фронта вобрать в себя более левые рабочие организации („слияние" социал-демократов и независимых в Германии) фактически означает не что иное, как возможность для социал-демократических вождей предать буржуазии новые рабочие массы,

Существование самостоятельных коммунистических партий и их полная свобода действий по отношению к буржуазии и к контрреволюционной социал-демократии является важнейшим историческим достижением пролетариата, от которого коммунисты ни в коем случае не откажутся. Только коммунистические партии отстаивают интересы всего пролетариата в целом.

Точно так же тактика единого фронта отнюдь не означает так называемые „предвыборные комбинации" верхов, преследующие те или иные парламентские цели.

Тактика единого фронта является не чем иным, как предложением коммунистов вести совместную борьбу вместе со всеми рабочими, принадлежащими к другим партиям или к другим группам, и со всеми беспартийными рабочими во имя защиты элементарных жизненных интересов рабочего класса против буржуазии. Всякое выступление за самое ничтожное, повседневное требование является источником революционного просвещения и революционного воспитания, ибо опыт этого боя убедит трудящихся в неизбежности революции и в значении коммунизма.

Особенно важной задачей при применении тактики единого фронта является достижение не только агитационных, но и организационных результатов. (Заметьте: организационных и агитационных — никаких более). Необходимо использовать каждый случай для создания организационных точек опоры непосредственно среди рабочих масс (фабрично-заводские комитеты, контрольные комиссии из рабочих всех партий и беспартийных, комитеты действия и т. д.).

Основной задачей тактики единого фронта является агитационное и организационное об'единение рабочих масс. Истинное осуществление тактики единого фронта может исходить только „снизу", непосредственно из самых глубин рабочих масс. При этом, однако, коммунисты при некоторых условиях не могут отказаться от переговоров с вождями враждебных рабочих партий. Но массы постоянно должны быть осведомлены о ходе этих переговоров. Тем не менее, и во время переговоров с вождями самостоятельность коммунистической партии и ее агитации не может быть подвергнута ограничению.

Само собой разумеется, что тактика единого фронта в различных странах должна применяться в различных формах, соответственно конкретным условиям. Но в тех случаях, когда в важнейших капиталистических странах об'ективные условия уже созрели для социалистического переворота и когда социал-демократические партии, руководимые контрреволюционными вождями, сознательно стремятся к расколу рабочего класса, в этих случаях тактика единого фронта будет иметь решающее значение для целой эпохи".

Все это остается абсолютно верным и сейчас.

IV конгресс о „рабочем правительстве."

А в резолюциях IV конгресса о „рабочем правительстве" мы читаем:

„Как общий агитационный лозунг, рабочее правительство (или рабоче-крестьянское правительство) может применяться почти повсюду. Но как актуальный политический лозунг, рабочее правительство имеет наибольшее значение в тех странах, где положение буржуазного общества особенно непрочно, где отношение сил между рабочими и буржуазией ставит в порядок дня разрешение вопроса о правительстве, как практическую необходимость. В таких странах лозунг рабочего правительства вытекает, как необходимый вывод из всей тактики единого фронта.

Партии II и $II^1/_2$ Интернационалов пытаются спасти положение в этих странах, пропагандируя и осуществляя коалицию буржуазии с социал-демократами.

Недавно попытка некоторых партий II Интернационала (например, в Германии) отклонить открытое участие в таком коалиционном правительстве и одновременно проводить его в скрытой форме означает не что иное, как маневр для успокоения протестующих масс, как лишь более хитрый обман рабочих масс. Открытой или замаскированной буржуазной социал-демократической коалиции коммунисты противопостовляют единый фронт всех трудящихся и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области для борьбы с буржуазной властью и для ее конечного свержения. В результате об'единенной борьбы всех рабочих против буржуазии весь государственный аппарат должен перейти в руки рабочего правительства, и тем самым должны быть укреплены господство и позиции рабочего класса.

Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы вооружить пролетариат, обезоружить буржуазные контрреволюционные организации, ввести контроль над производством, свалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контрреволюционной буржуазии.

Такое рабочее правительство возможно лишь в том случае, если оно рождается из борьбы самих масс и будет опираться на боеспособные рабочие органы, созданные низшими слоями порабощенных рабочих масс. Но и рабочее правительство, вышедшее из парламентской группировки сил, т.-е. правительство чисто парламентского происхождения, может повести к оживлению революционного рабочего движения (например, даже теперь правительство Макдональда). Само собой разумеется, что создание подлинного рабочего правительства, дальнейшее удержание такого правительства на почве революционной политики должно вести к ожесточенной борьбе или даже к гражданской войне с буржуазией. Уже одна попытка пролетариата образовать такое рабочее правительство с самого начала наткнется на сильнейшее сопротивление буржуазии. Лозунг „рабочее правительство“ способен поэтому сплотить пролетариев и развязать революционную борьбу.

В известных случаях коммунисты должны из'являть готовность образовать рабочее правительство совместно с некоммунистическими рабочими партиями и рабочими организациями. Но они могут сделать это лишь тогда, когда существуют гарантии, что это рабочее

правительство поведет борьбу против буржуазии в вышеуказанном смысле. При этом естественные предпосылки участия коммунистов в таком правительстве состоят в том, что

1) участие в рабочем правительстве допустимо лишь с согласия Коминтерна;

2) участвующие в таком правительстве коммунисты находятся под строжайшим контролем своей партии;

3) участвующие в таком рабочем правительстве коммунисты находятся в теснейшем контакте с революционными организациями масс;

4) коммунистическая партия безусловно сохраняет свой собственный облик и полную самостоятельность своей агитации.

При всех своих крупных преимуществах лозунг „рабочее правительство", как, впрочем, и вся тактика единого фронта, имеет тоже свои опасности. Чтобы избежать этих опасностей, коммунистические партии должны помнить следующее:

Всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское правительство, т.-е. революционное орудие власти пролетариата.

Коммунистический Интернационал должен считаться со следующими возможностями:

1) либеральное рабочее правительство. Такое правительство существовало в Австралии; такое правительство может возникнуть в недалеком будущем и в Англии;

2) социал-демократическое рабочее правительство (Германия);

3) рабоче-крестьянское правительство. Такая возможность существует на Балканах, в Чехо-Словакии и т. д.;

4) рабочее правительство с участием коммунистов;

5) подлинное пролетарское рабочее правительство, могущее быть осуществленным в чистой форме только коммунистической партией.

Оба первых типа в действительности являются не революционными рабочими правительствами, но замаскированными правительствами коалиции между буржуазией и антиреволюционными вождями рабочих. Такие „рабочие правительства" в критические моменты терпятся ослабленной буржуазией с целью ввести пролетариат в заблуждение относительно настоящего классового характера государства или даже для того, чтобы при помощи подкупленных рабочих вождей отразить революционный натиск пролетариата и выиграть время. Коммунисты не могут участвовать в

таком правительстве. Они должны, напротив, беспощадно разоблачать перед массами подлинный характер этих псевдорабочих правительств. В данный период упадка капитализма, когда важнейшая задача состоит в привлечении большинства пролетариата в ряды борцов пролетарской революции, эти правительства также могут об'ективно содействовать ускорению распада буржуазной власти.

Коммунисты готовы итти нога в ногу также и с теми рабочими, которые еще не осознали необходимости диктатуры пролетариата, с социал-демократическими, христианско-социалистическими, беспартийными, синдикалистскими рабочими элементами и т. д. Коммунисты готовы, следовательно, на известных условиях и при известных гарантиях поддерживать также некоммунистическое рабочее правительство. Но коммунисты при всяких условиях открыто заявляют рабочим, что только диктатура пролетариата обеспечивает действительное освобождение рабочего класса. Два дальнейших типа рабочего правительства (3 и 4), в которых коммунисты могут участвовать, еще не означают диктатуры пролетариата; они не являются даже исторически необходимой переходной формой к диктатуре, но они могут стать важной исходной точкой для завоевания такой диктатуры. Законченной диктатурой пролетариата является лишь подлинное рабочее правительство (тип 5-й), состоящее из коммунистов".

Теперь я спрашиваю вас: какая же рабочая партия в мире кроме коммунистической могла бы разрешить эту элементарнейшую задачу: разоружить буржуазию, вооружить пролетариат, взвалить налоговое бремя на плечи богачей и сломить сопротивление контрреволюционной буржуазии? Все это может сделать подлинное революционное правительство, руководимое только коммунистической партией. В чем суть процитированного? Мы сказали социал-демократическому рабочему:

Ты стоишь за коалиционное правительство, ты еще веришь в коалиции, ты думаешь, что коммунисты против единства. Нет, мы не против единства, ради союза с тобой мы даже за коалиционное правительство всех рабочих партий, но при маленьком условии, чтобы они выполнили некоторые элементарнейшие требования—разоружить буржуазию, вооружить рабочих и пр. Другими словами: мы против коалиции с социал-демократами и с такими „рабочими" партиями, которые в сущности не являются рабочими партиями. Но так как ты этого еще не понимаешь, так как ты нас упрекаешь в том, что единый фронт не может быть осуществлен, благодаря нашему нежеланию, то мы даем тебе формулу, которая откроет тебе глаза. Да, мы за такое

коалиционное правительство, которое стало бы проводить программу разоружения буржуазии, вооружения рабочих и пр.

Для каждого коммуниста ясно, что это значит: мы против коалиционного правительства всех „рабочих“ партий, которое этой программы проводить не может.

С латинского на революционный язык.

Почему мы выразили свою мысль таким образом? Некоторые товарищи критиковали меня за то, что я предложил перевести лозунг „диктатуры пролетариата“ с латинского языка на русский. Выходит, будто я выступил в роли простого переводчика. Нет, я имел в виду перевод с латинского на народный, общепонятный, революционный язык, т.-е. быть не сектой, а массовой партией. Прочтите, что пишет Ленин в „Ренегате Каутском“, говоря о германских событиях 1918 г.: „Теперь уже не требуется писать об этом, теперь сами события показали, что латинские слова „диктатура пролетариата“ переведены на язык революции“,— говорит В. И.

Здесь речь идет не только о простой популяризации лозунга, но о том, что мы, как массовая партия, должны потребовать претворения всей нашей агитации в плоть и кровь,—вот что значит перевести латинские слова на язык революции. Иначе мы будем марксистами 1847 г., марксистами „Коммунистического Манифеста“, а не марксистами 1924 г.

Мы переживали положение, когда социал-демократы были в большинстве, когда все нас обвиняли за внесение раскола в рабочее движение; тогда вся наша стратегия заключалась в том, чтобы попытаться воочию показать социал-демократическим рабочим, в чем суть дела.

Мы за единство с тобою, мы готовы даже с с.-д. вождями образовать коалицию всех рабочих партий,—пусть только согласятся они сделать то, что нужно и тебе, с.-д. рабочему, т.-е. разоружить буржуазию, вооружить рабочих и т. д. Они этого не хотят? Ты видишь это? Значит, вина не наша, а с.-д. вождей. Так идем же с нами, давай же осуществлять единство снизу вопреки с.-д. вождям. Другими словами, из педагогических целей мы не говорили с.-д. рабочему: мы против коалиции с другими „рабочими“ партиями, ибо их вожди контрреволюционны, а мы говорили ему: мы готовы на коалицию, если твои с.-д. вожди примут такие-то элементарные условия (заведомо для них, для этих господ, неприемлемые).

Легенда о ревизии нашей тактики.

Сегодня утром мне пришлось проделать очень скучную работу—просмотреть свою собственную речь на IV конгрессе.

Вряд ли можно найти более скучное занятие. Может быть, и вам станет скучно снова выслушивать сказанное мною тогда. Но я все же должен привести ряд обширных цитат, чтобы рассеять легенду о ревизии нашей тактики:

Я говорил на IV конгрессе:

„Лозунг рабочего правительства еще недостаточно выяснен. Тактика единого фронта применима почти во всех странах мира. Трудно было бы найти страну, обладающую многочисленным пролетариатом, в которой тактика единого фронта была бы неуместна. Эта тактика одинаково применима в Америке, Болгарии, Италии и Германии. При создавшихся в настоящее время повсюду условиях она имеет почти универсальное значение. Но этого далеко нельзя сказать о лозунге рабочего правительства. Этот лозунг ни в коем случае не может носить такой универсальный характер. Он имеет лишь ограниченное значение. Он может быть выдвинут только в таких странах, в которых проблема власти, проблема правительства стоит на первом плане как в парламенте, так и вне его. Несомненно, что в Америке в настоящий момент можно с помощью лозунга рабочего правительства вести успешную пропаганду, говоря американским рабочим: если вы желаете освобождения, то вы должны захватить власть в свои руки. Но из этого не следует, что при существующем в Америке соотношении сил лозунг рабочего правительства способен вызвать такой жгучий агитационный интерес, как, скажем, в Чехо-Словакии, как это может стать в Германии, как это было и может повториться в Италии. Лозунг рабочего правительства не является таким же универсальным лозунгом, как тактика единого фронта. Лозунг рабочего правительства представляет собой известное конкретное применение тактики единого фронта при данных условиях. На этой почве можно легко впасть в ошибки. Мне кажется, товарищи, что мы должны бороться против попыток выдавать рабочее правительство за безусловную необходимость в том смысле, будто мы обязательно должны пройти в каждой стране через „рабочее правительство“. Наоборот, я считаю, что поскольку в этой области возможны предсказания, рабочее правительство (т.-е. „рабочее правительство“ переходного характера, не революционное рабочее правительство) может стать реальным фактом только в исключительных случаях, только при совершенно особых конкретных условиях той или иной страны. Итак, „рабочее правительство“ (переходного характера) будет лишь исключением. Кроме того, отнюдь не следует думать, что нам предстоит пережить период наполовину мирного развития, благодаря „рабочему правительству“, которое освободит-де нас от тяжести борьбы. Если рабочее правительство будет базироваться исключительно на парламентских позициях,

которые ничего не стоят, оно будет представлять лишь мелкий эпизод борьбы и не сможет предотвратить гражданскую войну. Это не должно означать, что при существующих условиях лозунг рабочего правительства неприменим.

Конечно, и в тактике единого фронта скрываются известные опасности, на которые исполком указал в своих декабрьских тезисах. Но наибольшую опасность она представляет тогда, когда она принимает формы рабочего правительства. Ибо в странах с парламентскими традициями, как, напр., во Франции, этот вопрос толкуется так, как будто для нас, марксистов, речь идет не о диктатуре пролетариата, а о чем-то другом. Но мы понимаем этот лозунг исключительно, как применение диктатуры пролетариата. Даже в случае образования рабочего правительства нам не избежать гражданской войны. В некоторых случаях оно придаст ей еще более острый характер.

Кажется, это ясно, товарищи?

Вот еще цитата из моего заключительного слова:

„Для меня не совсем ясно, имеются ли, действительно, в нашей среде серьезные расхождения во взглядах по этому вопросу, или же сам вопрос, быть может, недостаточно раз‘яснен, и мы имеем здесь отчасти просто терминологический спор. Это должно выясниться в ходе работ конгресса и прежде всего при выработке резолюции по вопросам тактики, которыми мы займемся после вопроса о российской революции. Для меня речь идет отнюдь не о слове „псевдоним“, которое здесь цитировалось. Я охотно уступаю в споре о слове, так как речь здесь идет не о словах, но о понимании. Я думаю, что вопрос лучше уяснить, если я прежде всего скажу следующее: для нас ясно, что всякое буржуазное правительство является вместе с тем правительством капиталистическим. Едва ли можно себе представить буржуазное правительство, правительство буржуазных классов, которое не было бы вместе с тем капиталистическим правительством. Однако, нельзя, к сожалению, сказать обратного“.

Чего не следует забывать.

„Не всякое рабочее правительство является тем самым пролетарским правительством; не всякое рабочее правительство есть социалистическое правительство. Эта противоположность имеет очень глубокий смысл. Перед нами здесь одно из проявлений того факта, что буржуазия имеет внутри нашего класса свои форпосты, но не наоборот. Мы при всем желании не сможем выдвинуть свои форпосты в лагерь буржуазии... Боюсь, что в погоне

за строго-научным определением мы упустим из виду политическую сторону дела. Нам важны не тонкости научных определений; нам важно, чтобы не была упущена революционная сторона дела. Некоторые товарищи как будто представляют себе дело так, что если мы идем вместе с социал-демократами, то мы имеем уже рабочее правительство. Забывают об одном, а именно о том, что сначала надо свергнуть буржуазию. Буржуазия добровольно не уступит своего места: она будет бороться за свою власть. Важно предусмотреть все возможности развития мировой революции и гражданской войны"...

Не следует забывать, что помимо „рабочих партий" существует еще буржуазия, в течение столетий стоящая у власти и делающая все, чтобы удержать эту власть.

Итак, для того, чтобы образовать рабочее правительство, имеющее революционный смысл, нужно прежде всего свергнуть буржуазию. Это—самое важное. Не забудем, что здесь надо различать две вещи: во-первых, наши методы агитации, вопрос о том, как лучше всего говорить с простым рабочим, каким образом лучше всего об'яснить ему его положение. В этом отношении, думается мне, лозунг рабочего правительства очень удачен. Но существует еще второй вопрос: это—вопрос о том, каково будет историческое развитие событий, в какой форме конкретно произойдет революция. И в этом вопросе вся эта возня с лозунгами лишена всякого значения. Приоткроем здесь несколько завесу истории".

Рабочее правительство и мировая революция.

„Каков будет ход развития революции? Иные склонны сказать, что она обязательно пройдет через стадии рабочего правительства, коалиционного правительства и затем уж гражданской войны. Понятны попытки предсказать дальнейший ход революции. На деле здесь можно предсказать лишь то, что все наши пророчества окажутся ложными. Весьма вероятно, что революция произойдет иначе, чем мы себе представляли, что она придет через совсем другие двери. Мы видели уже это в нашей российской революции. Пять лет тому назад представляли себе все, что угодно, утверждали, что мы будем поставлены на колени блокадой, голодом и так далее. Считались с какими угодно возможностями, только не с возможностью новой экономической политики, равно как и победы революции.

Положение во всех странах различное. По всей вероятности, революция в Германии произойдет совсем иначе,

чем в Англии. Это не значит, однако, что мы не в праве в качестве сознательных революционеров приоткрывать завесу будущего; мы хотим итти впереди рабочего класса. Мы мыслящие люди. Мы должны пытаться всесторонне об'яснить положение вещей. Но делать здесь какие-либо предсказания действительно трудно. Если мы рассматриваем лозунг рабочего правительства с этой точки зрения, как конкретный путь к пролетарской революции, то можно сильно сомневаться в том, что мировая революция придет непременно через дверь рабочего правительства. Вчера наш друг Радек сказал, что рабочее правительство представляет собой возможность перехода к диктатуре пролетариата. Мне хотелось бы сказать: да, это одна из возможностей, а еще вернее, это только одна из маловероятных возможностей. Я не хочу, конечно, сказать этим, что лозунг рабочего правительства не верен. Нет, это верный лозунг. Там, где соотношение сил благоприятно, лозунг этот принесет нам большие успехи в агитации. Однако, если мы станем исследовать вопрос о путях, о том, придет ли революция действительно по этому пути, то я говорю: этот вопрос не подлежит здесь разрешению. Рабочее правительство—это путь, по всей вероятности, менее всего возможный. В странах с развитой буржуазией мы завоюем власть не иначе, как в гражданской войне, а если мы устраним буржуазию путем гражданской войны, то едва ли нам придется в течение сколько-нибудь значительного периода времени иметь дело с промежуточной ступенью. Это возможно, но не стоит об этом спорить; здесь можно только предполагать. Единственно, что нам нужно, это ясно различать все возможности на пути революции".

Лозунг „рабочее правительство"—средство подхода к массам.

„Может появиться рабочее правительство, которое является не чем иным, как либеральным рабочим правительством, что возможно в Англии, Австралии и т. д. Это рабочее правительство также может оказаться об'ективно полезным для рабочего класса. Агитация за рабочее правительство правильна. В агитации мы можем много добиться этим лозунгом. Но при этом мы не должны забывать революционные перспективы."

Прочитав на IV конгрессе слова чешского министра иностранных дел Бенеша, замолвившего доброе словечко за

коммунистов, где он заявил: „Коммунистам нельзя отказать в изобретательности. Они умеют преподносить рабочим одни и те же вещи в разных формах. Например, в свое время коммунисты вели агитацию за образование Советов. Когда эта агитация не дала ожидаемых результатов, они ее приостановили, чтобы через полгода возобновить ее под видом агитации за образование комитетов единого фронта",—я сказал: Браво, Бенеш! Вы, кажется, лучше, чем иные оппортунистические рабочие вожди Чехо-Словакии, поняли, в чем тут суть дела.

Быть может, меня упрекнуть в том,, что я-де снова разоблачаю секрет полишинеля. Но вы видите, что уже в 1922 году Бенеш хорошо понимал суть дела. Как же товарищи Крейбих и Шмераль могли забыть этот „секрет", известный уже в 1922 году Бенешу, а именно, что этот лозунг является для нас только своего рода формулой подхода к массам. Это высказывалось мною вполне ясно уже во время IV конгресcса:

„Я думаю, что наша дискуссия на конгрессе, в особенности после работ комиссии не приведет нас к отказу от лозунга рабочего правительства. Лозунг остается правильным, если рассматривать его, как средство подойти к массам. Об этом спорить не приходится. Мы должны лишь правильно применять его. Он содержит в себе те же опасности, что и тактика единого фронта. Когда начинаются разговоры о правительствах, то, естественно, появляются мысли о парламентских комбинациях, о распределении портфелей и т. д. Здесь имеется еще большая трудность, чем при тактике единого фронта. Но из этого не следует, что мы должны отказаться от этого лозунга вследствие трудности его осуществления, как предполагали наши французские товарищи".

Что может быть яснее этого, тов. Радек?

Не хитрая стратегия, а гражданская война.

Более того, товарищи, в заключительном слове на IV конгрессе я сказал:

„Поэтому я думаю, товарищи, что мы можем спокойно следовать лозунгу рабочего правительства, но лишь при условии ясного понимания, о чем идет речь Горе нам, если бы мы хоть на одну минуту в нашей агитации стали поддерживать мнение, что осуществление рабочего правительства неизбежно, что оно возможно мирным путем, что оно будет означать наступление периода наполовину органического развития, который может заменить собою гражданскую вой-

ну и т. д. Если среди нас имеются подобные воззрения, а они, может быть, кое-где и имеются, мы должны решительно бороться с ними и воспитывать рабочий класс в сознании, что для образования рабочего правительства необходимо в первую очередь свергнуть и победить буржуазию.

Вот в чем заключается сущность этого лозунга. Хочешь иметь рабочее правительство? Великолепно! Ради этого мы готовы вступить в соглашение даже с социал-демократами. Хотя мы и говорим, что они нас предадут, но мы все же сторонники рабочего правительства, хотя бы с их участием, но лишь при условии, что это правительство проявит готовность рука-об-руку с нами бороться против буржуазии. Мы вступим в борьбу, и если из этой борьбы родится рабочее правительство, то оно будет стоять на твердой основе и действительно явится началом диктатуры пролетариата. Я не настаиваю на слове „псевдоним“, я охотно подарю это слово тов. Майеру. Мне важно, чтобы мы вели определенную линию в этом вопросе. Рабочее правительство отнюдь не является военной хитростью, предпринятой с целью перехитрить бога и буржуазию и предотвратить гражданскую войну. Интернационал должен быть хорошим стратегом, но в природе не существует стратегии, при помощи которой можно было бы избегнуть гражданской войны и как по гладкому паркету притти к рабочему правительству. Решающим моментом является борьба, победа над буржуазией, а когда мы ее осилим, тогда мы сможем подойти к различным формам рабочего правительства.

Рабочее правительство в Англии в данной обстановке может об'ективно действовать, как революционный фактор, и мы будем поддерживать там даже ограниченное меньшевистски-либеральное рабочее правительство. Мы знаем, что при известных условиях такое меньшивистски-либеральное рабочее правительство может обратиться против нас с гораздо большей кровожадностью, чем даже буржуазное правительсвто. Это великолепно доказал Носке, а также наши меньшевики. Следовательно, такое правительство отнюдь не означает возможности избежать гражданской войны. Поэтому я думаю, что лозунг рабочего правительства безусловно правилен в качестве агитационного лозунга, если мы только сумеем революционно использовать его...

Мы должны быть в этом вопросе прямолинейны. Мы должны сказать: товарищи, рабочее правительство—вещь прекрасная, но для того, чтобы образовать его, нужно прежде всего свергнуть буржуазию, а для этого нужно иметь оружие, нужно сорганизоваться, нужно завоевать большинство рабочего класса. И прежде всего нужно ясно понять, что дело дойдет до серьезных боев, что иначе победа невозможна. Я думаю, товарищи, что на этом я могу закончить эту часть моего заключительного слова".

Вот каково было главное содержание моей речи. Я сказал тогда, что о рабочем правительстве говорят так, будто власть является res nulius, т.-е. не принадлежит никому. Для того, чтобы образовать рабочее правительство, прежде всего нужно победить буржуазию, которая ныне власть держит. Неужели вы думаете, что все пойдет так гладко, что она так и скажет: великолепно, вы теперь нашли новую формулу, а посему мы готовы уступить вам власть? Нет, товарищи, для того, чтобы организовать рабочее правительство, надо сначала победить буржуазию. Об этой „мелочи" не следует забывать."

Относительно переговоров нашей германской партии с верхушечными организациями с.-д. в той же речи я тогда указал следующее:

„Нам издали казалось, что наша партия (германская) слишком заискивала перед верхушками чужих организаций. В Германии мы не бедные родственники, а самостоятельная партия, за которой останется победа. В момент, когда социал-демократы хотели залучить нас во что бы то ни стало, в такой момент нам меньше всего пристало быть бедными родственниками".

Прошу простить меня за обильные цитаты из собственной речи. Но я не видел лучшего пути разоблачить „изобретение" Радека и всей правой, будто мы теперь ликвидируем тактику IV конгресса.

Если вы прочтете мою речь, я думаю, вы и теперь скажете, что она правильна. В ней вполне отчетливо выражена мысль, что лозунг рабочего правительства является лишь агитационным лозунгом. Это только путь к диктатуре пролетариата, путь к завоеванию масс, к их завоеванию для идеи диктатуры. Как же можно заявлять теперь, что производится ревизия? Нет, товарищи, это у Радека только „агитационный лозунг" против Коминтерна, не более того.

Говорят, что каждая книга имеет свою судьбу. Но и каждый лозунг имеет свою судьбу. И многие испытанные революционеры могут здесь попасться впросак.

Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ и его опасности.

Сегодня утром я проделал еще одну работу: я перечитал речи и резолюции, относившиеся уже к лозунгу: „рабоче-крестьянское правительство“, на расширенном пленуме Исполкома в июне 1923 года. В своей речи вопрос о тактике единого фронта я поставил так (вынужден вновь цитировать самого себя):

„Что же в самом деле такое тактика единого фронта? Является ли она только тактическим маневром, или она выражает искреннее стремление к об‘единению с социал-демократическими рабочими? На этот вопрос мы отвечаем в свою очередь следующим вопросом. Я спрашиваю вас, товарищи: в самые первые годы деятельности Коминтерна, в 1919—20 году, был ли кто-либо среди нас, кто не стремился бы самым искренним образом к сближению и даже братанию с социал-демократическими рабочими? Я думаю, что таких людей среди нас не было. С первого же дня существования Коммунистического Интернационала все мы целиком стояли за сближение с социал-демократическими и беспартийными рабочими.

Теперь я спрашиваю далее: ну, а тактику единого фронта проводили ли мы в 1919—20 годах? Нет, не проводили. Таким образом, если вы возьмете первый период существования Коминтерна, примерно, до II-го конгресса включительно, то вы видите: положение было такое: сближение и братание с социал-демократическими рабочими—да, тактика единого фронта—нет.

Что же все это доказывает? Это доказывает, что вопрос этот стоит совсем иначе. Вопрос не в том, стремимся ли мы искренно к сближению с социал - демократическими рабочими. К этому мы стремились всегда, этого мы желаем и теперь и всегда будем желать по той простой причине, что мы желаем и будем желать об‘единения, консолидации всего рабочего класса, ибо это есть единственно серьезная предпосылка нашей действительной победы.

Ну, а в чем же состоит тактика единого фронта? В чем заключается то новое, что мы начали подготовлять примерно с 1921 г., что мы сформулировали в 1922 году, и что мы на всех парах проводим теперь—в 1923 году? Что прибавилось нового? А прибавилось именно то, что мы и называем стратегическим маневром. Здесь следует прежде всего остановиться на проблеме „массы и вожди“.

Мы должны, однако, ясно отдавать себе отчет в том, каковы взаимоотношения лозунга—правительство рабочих и крестьян—с нашей старой формулой—диктатура пролетариата. В нашей среде, наверное, найдутся товарищи, которые будут ставить недоуменные вопросы; если мы выста-

вили лозунг „рабоче-крестьянское правительство,“ то не отказываемся ли мы этим от нашей формулы—диктатура пролетариата, останемся ли мы попрежнему рабочей партией или становимся партией рабоче-крестьянской?

Тот, кто что-либо понял в тактике единого фронта вообще, тот кто начинает понимать, что такое классовая политическая стратегия пролетариата, тот должен понять, что пароль „рабоче-крестьянское правительство“ есть путь к диктатуре пролетариата, а вовсе не отрицание диктатуры пролетариата.

Таким образом, когда мы выставили пароль—рабоче-крестьянское правительство, это ни в коем случае не означает, что мы отказываемся от диктатуры пролетариата. От этого последнего мы не можем отступиться ни на один шаг. Никакого другого пути к освобождению человечества из-под ярма капитализма кроме диктатуры пролетариата нет и не может быть. Единственный до конца революционный класс—это рабочий класс. Но этот класс, его партия могут действовать умно и могут действовать глупо. Если наш класс сумеет действовать умно, то мы гораздо скорее достигнем цели, и жертв будет меньше. Мы сумеем частью нейтрализовать, частью завоевать на свою сторону значительные слои крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Если же мы будем действовать неумело, если мы великие классовые освободительные задачи пролетариата будем понимать в цеховом смысле, тогда мы сами затянем момент победы.

Мы полагаем поэтому, что настало время генерализировать лозунг—рабоче-крестьянское правительство...

...Опасности, связанные с лозунгом „рабоче-крестьянское правительство,“ заключаются в том, что некоторые наши неокрепшие и в марксистском отношении мало подготовленные секции могут начать его истолковывать в духе левого эсерства. Вы все помните, что такое была русская эсеровская партия. Эта партия говорила, что она является партией рабочих, крестьян и интеллигенции...

Опасности, вытекающие из выставления лозунга „рабоче-крестьянское правительство,“ заключаются в том, что наши мало окрепшие партии, может быть, начнут затуманивать классовый характер нашей партии. Превентивные меры должны быть приняты сейчас же...

Мы должны суметь показать дорогу к освобождению от ига капитализма всем тем слоям населения, которые прямо не заинтересованы в господстве капитала.

Итак, не надо ни на минуту скрывать от себя те опасности, которые связаны с выставлением лозунга „рабоче-крестьянское правительство.“ Но волков бояться—в лес не ходить. Мы немножко уже научились справляться с трудностями маневренной тактики...

Теперь перед нами ставится еще более высокая задача: пробудить в наших партиях волю к власти, сделать из них партии, которые на каждом шагу своей работы сознают себя партиями, которые завтра победят буржуазию. Наша партая представляет собой авангард рабочего класса. Заразившись сам волей к власти, этот авангард передает эту волю широким многомиллионным слоям рабочих. И когда воля к власти охватит миллионы и десятки миллионов пролетариев, тогда победа будет уже не так трудна“.

Конкретизация лозунга „раб.-крест. правительство“.

Товарищи Радек, Цеткин и Крейбих утверждают, что рабочее правительство означает коалицию „всех рабочих партий“. В таком случае рабоче-крестьянское правительство означало бы коалицию „всех рабочих и крестьянских партий“?

Достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы понять, насколько это ложно и не по-марксистски. Как же можно утверждать, что рабоче-крестьянское правительство основано на коалиции с рабочими и крестьянскими партиями, раз почти во всем мире еще нет ни одной действительно революционной крестьянской партии?

Товарищ Радек и другие, подобная постановка вопроса не оставляет никакого сомнения в том, что вы в лучшем случае находитесь на ложном пути. Прочтите хотя бы резолюцию о рабоче-крестьянском правительстве, которая была составлена мною и которую я отстаивал.

Там мы читаем:

„Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“, как в свое время и лозунг „рабочее правительство“ ни в коей мере не заменяет и не оттесняет на задний план агитации за диктатуру пролетариата, эту основу всех основ коммунистической тактики. Напротив, лозунг „рабоче-крестьянское правительство“, расширяя базу для проведения единственно правильной в условиях настоящей эпохи тактики единого фронта, есть путь к диктатуре пролетариата. Правильная интерпретация лозунга „рабоче-крестьянское правительство“ позволит коммунистам не только мобилизовать пролетарские массы в городах,

но и создать себе серьезные опорные пункты в деревне, подготовив там почву для завоевания власти.

Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ сослужит хорошую службу коммунистическим партиям и на завтра— после завоевания власти пролетариатом. Ибо этот лозунг будет напоминать пролетариату о необходимости соразмерять свое поступательное движение с настроением крестьянства данной страны, устанавливать правильную координацию между победившим пролетариатом и крестьянством и соблюдать разумную постепенность в проведении хозяйственных мер пролетариата, как к этому пришел и победоносный пролетариат России в ту эпоху русской революции, которая называется „новой экономической политикой“.

Само собой разумеется, что агитация под лозунгом „рабоче-крестьянское правительство“ должна конкретизироваться применительно к обстановке каждой отдельной страны и в Америке, например, должна касаться трудящихся фермеров. Защита экономических интересов крестьянства в духе программы, изложенной в решениях второго и четвертого всемирных конгрессов Коминтерна, должна быть исходной точкой всей нашей агитации за „рабоче-крестьянское правительство“.

Я полагаю, что эта цитата должна быть для вас достаточно убедительной. После завоевания власти лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ еще пригодится в том же самом смысле, в каком он продолжает быть годным для СССР, т.-е. мы имеем диктатуру пролетариата, но диктатуру умную, проводящую политику, приемлемую для крестьян. Иначе вся диктатура полетела бы к чорту. И это надо суметь рассказать крестьянам. Для этого — лозунг „рабоче-крестьянское правительство“.

Таким образом, он имеет пропагандистское значение даже после завоевания власти. А до завоевания—и подавно. Лозунгом же „коалиция всех рабочих и крестьянских партий“ он никогда не был и быть не может.

Позвольте мне задержать ваше внимание еще на нескольких цитатах из той же резолюции:

„Уже одним тем, что коммунистические партии усвоят в международном масштабе лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ и приступят к агитации за него, будет достигнуто начало нейтрализации средних слоев крестьянства и завоевание на нашу сторону мелкого крестьянства.

Исполком Коминтерна констатирует, что громадным большинством секций Коминтерна до сих пор проявлялось неслыханно инертное и глубоко вредное для дела отношение к работе в деревне. В этом инертном отношении сказались во-первых печальные традиции II Интернацио-

нала, из рядов которого родились важнейшие партии Коминтерна; во-вторых неправильное теоретическое отношение к вопросу о крестьянстве, пытающееся представить дело так, будто с точки зрения „ортодоксального марксизма“ рабочей партии нет дела до крестьянства, и, в-третьих, узкое цеховое понимание классовой борьбы пролетариата. Задача коммунистических партий в настоящий период заключается в том, чтобы раз навсегда порвать с такой цеховой точкой зрения. Коммунистические партии не должны смотреть на себя, только как на партии крайней пролетарской оппозиции *внутри* буржуазного строя, как это было в годы расцвета II-го Интернационала. Коммунистические партии должны выковать в себе ныне психологию партий, которые в более или менее близком будущем поведут трудящиеся массы в бой с самим буржуазным строем, низвергнут буржуазию и заменят ее в деле управления государством. Узко-цеховая психология должна замениться психологией партии, имеющей волю к власти и воплощающей гегемонию пролетариата в революции. Коммунистическая партия должна быть готовой уже завтра победить буржуазию, и *поэтому* уже сегодня ее задачей является ставить себе всенародные цели и пытаться привлечь к поддержке пролетариата все те слои населения, которые по своему социальному положению могут в решающую минуту оказать ту или иную поддержку пролетарскому перевороту...

Как пропагандистский лозунг, дающий нам возможность выразить в арифметической формуле то, что до сих пор выражалось алгебраически, лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ может иметь повсеместное, универсальное значение. Как лозунг же актуальной политической борьбы, пароль „рабоче-крестьянское правительство“ будет иметь наибольшее значение прежде всего в таких странах, как Франция, Германия, Италия, Балканы, Чехо-Словакия, Польша, Финляндия и т. д. Во всяком случае, победа пролетарской революции и закрепление ее невозможны нигде без той или иной поддержки со стороны крестьянства. И в этом смысле лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ должен явиться генеральным лозунгом компартий.

Выдвигая со всей силой лозунг „рабоче-крестьянское правительство“, Исполком Коминтерна рекомендует коммунистическим партиям не забывать тех опасностей, которые связаны с правильным проведением его. Как тактика единого фронта вообще, так и лозунги „рабочее правительство“ и „рабоче-крестьянское правительство“, несомненно, чреваты крупнейшими политическими опасностями в тех случаях, когда наши партии не сумеют провести их в революционно-

марксистском духе. Наиболее очевидные опасности, связанные с лозунгом „рабоче-крестьянское правительство“,—это прежде всего следующие:

1) В партиях, которые не прошли достаточно солидной марксистской школы, возникает опасность истолкования этого лозунга в духе русских эсеров, т.-е. в духе мелкобуржуазного „социализма“, который рассматривает все крестьянство, как одну сплошную массу, и который закрывает глаза на то, что в самом крестьянстве существуют различные группы.

2) Вторая опасность заключается в том, что недостаточно выдержанные в политическом отношении коммунисты могут попытаться заменить массовую революционную работу среди широких слоев трудящегося крестьянства беспринципными парламентскими комбинациями с так называемыми „представителями“ крестьянства и вождями так называемых крестьянских партий, которые зачастую являются наиболее реакционным элементом буржуазии. Вполне учитывая эти и подобные опасности, связанные с применением лозунга „рабоче-крестьянское правительство“, коммунистические партии не могут, однако, отказаться от преимущества маневренной тактики и должны научиться сочетать тактику проникновения в самые широкие слои трудящихся со стойкой, непримиримой и последовательной защитой принципов революционного марксизма.

Само собой разумеется, что проникновение в крестьянскую среду, равно и лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ отнюдь не предполагают превращения нашей партии из рабочей в „трудовую“ или „рабоче-крестьянскую“ партию. Наша партия должна оставаться партией рабочего класса, но рабочего класса, который увлекает за собой все слои трудящихся и бросает их в борьбу против капитализма.“

Ошибка т. Цеткин.

Мне кажется, эти выдержки достаточно убедительны для того, чтобы многие неустойчивые коммунисты, как мы, впрочем, и ожидали, не поняли сути дела. Произошло так что в силу некоторых обстоятельств этого не понимает даже товарищ Цеткин, которая, несомненно, является одним из самых надежных и передовых борцов Коммунистического Интернационала. Разрешите мне привести одну фразу из вчерашней речи товарища Цеткин. Она сказала:

„Должна признаться, что я никак не могу подписаться под заявлением тов. Зиновьева, что рабоче-крестьянское пра-

вительство—лишь псевдоним, синоним или еще какой-нибудь „ним" диктатуры пролетариата.

Для России это, может быть, и так, но для стран, достигших более высокой ступени капиталистического развития, это не подходит. Там рабоче-крестьянское правительство является выражением определенного конкретного исторического положения,—периода, когда буржуазия не может уже удержать власть в своих руках, а пролетариат еще недостаточно сплочен, чтобы взять всю полноту власти в свои руки".

Мне кажется, товарищи, что за такую фразу даже тов. Радек не поблагодарил бы тов. Цеткин. Это уже чересчур, даже при том положении, в каком находится правая. Что означает фраза: „В отношении России это, может быть, и верно, но для прогрессивных западно-европейских стран это не годится?"

Товарищи, это не что иное, как некоторое возрождение некоторых идей Леви. Ведь Леви построил вполне последовательную теорию. Он говорил: „честь и слава российской революции, царизм она победила, но она все же только крестьянская революция в отсталой стране". В наших западно-европейских странах необходимо следовать коренным образом другой тактике. Без социал-демократических рабочих мы ничего не сделаем. Мы должны приблизиться к социал-демократическим рабочим.

Отсюда теории коалиции всех рабочих партий.

Я не хочу, конечно, утверждать, что т. Цеткин—сторонница Леви. Но все же в ее словах звучало некоторое возрождение старых воззрений.

Если тов. Клара хочет сказать, что в Европе неминуемо будут до победы пролетарской революции „рабочие" правительства типа Макдональда или Шейдемана,—то это верно. Но что это значит? Разве это—то рабочее правительство, которого требуем мы в нашем лозунге? Эти „рабочие" правительства являются только п р о и з в о д н ы м от борьбы рабочего класса за пролетарскую революцию. Об'ективно и „рабочее" правительство Макдональда есть исторический прогресс. Капитализм есть исторический прогресс по сравнению с федолизмом, буржуазная демократия—по сравнению с черносотенной монархией. Но мы-то добиваемся совсем другого, п о д л и н н о р а б о ч е г о правительства. Коалицией „всех рабочих партий" его не добиться.

Несомненно, в высокоразвитых капиталистических странах придется действовать несколько иначе, чем в России. Формы агитации нельзя механически переносить в другие страны. Я еще буду говорить об этом впоследствии. Но в коренном вопросе о диктатуре пролетариата, в лозунге рабоче-крестьянского правительства, как „псевдониме", как пути,

как средстве подхода к диктатуре пролетариата,—какую тут разницу можно усмотреть между Германией и Россией или хотя бы Америкой и Германией?

В Германии, как и в России, есть крестьяне; в Германии, как и в России, есть рабочие. Для того, чтобы найти этот путь к массовой партии, чтобы действительно влиять на ход революции,—для всего этого мы и пользуемся термином „рабоче-крестьянское правительство“.

У нас, в России, когда меньшевики и эсеры были в большинстве в Советах, мы выдвинули боевой лозунг: „Вся власть Советам“. В то время эта формула была лучшим магнитом. Наверное, и в Германии когда-нибудь наступит момент, когда выдвинут этот же лозунг. Однако, возможно, что будет какая-нибудь иная формула. В переживаемый нами переходный период формула „рабоче-крестьянское правительство“ нам кажется наиболее подходящей. Социал-демократическим рабочим мы говорим: мы готовы вступить даже в такое правительство, которое примет самые элементарные наши условия: разоружение буржуазии и вооружение рабочего класса. Это должны понять все борющиеся рабочие, так как иначе им просто-напросто грозит расстрел. В этом, стало быть, заключается искусство правильного подхода к массам.

Мы должны овладеть и руководить ими, если хотим победить.

Вопрос тов. Радека.

Радек и отчасти Крейбих пытаются истолковать так, как будто мы создаем новую тактику для западно-европейских стран, отличающуюся от тактики в нашей революции. Радек спросил, полагая при этом, что этот вопрос будет для нас очень щекотливым: „Прекрасно, значит, вы никогда не будете вместе с социал-демократами в одном правительстве? Пусть Зиновьев ответить на этот вопрос“. Радеку казалось, что это такой щекотливый вопрос, на который даже и ответить нельзя. Пожалуй, скажут, что незачем делить шкуру еще неубитого медведя. Но в общем и целом мы ведь находимся в периоде борьбы за власть. Поэтому все же эти вопросы вполне уместны. Самым важным, мне кажется, является не то, будет ли сидет в одном правительстве с нами и социал-демократ, а в том, что здесь противопоставляются друг-другу две политических системы. Я позволяю себе напомнить вам вновь опыт нашей революции. И не только потому, что мы любим ее,—мы все любим ее,—а потому, что она является богатейшим источником опыта. Когда победит германская революция, она, без сомнения, даст еще больше поучительного, пока же в этом отношении российская революция не превзойдена. Бухарин уже упомянул,

что у нас было правительство, в котором принимали участие левые эсеры, представлявшие тогда часть рабочих и крестьян. Товарищи, может ли случиться, чтобы, например, в Германии коммунистическое правительство включило часть социал-демократов? Мне кажется, да. Чем были левые с.-ры? Они были частью партии с.-р., оторвавшейся от основного ядра и в известный момент оказавшей нам некоторую поддержу под давлением революционных событий. Кстати сказать они в то время вели себя внешне „левее“, чем сами коммунисты, и имели влияние на часть рабочего класса и крестьянства. Мы взяли их на буксир, испытывали, а затем лучшие из них перешли к нам, усвоив уроки революции; другие же перешли в лагерь контрреволюции, как и полагается взбесившимся мелким буржуа.

Что говорит опыт прошлого?

В прошлом году во время октябрьских дней в Германии мне говорили, что среди социал-демократов есть люди, которые при случае пошли бы вместе с нами. Если не ошибаюсь, называли имя Ауфгейзера (протесты германской делегации). Я не знаю его, поэтому возможно, что упоминание об этом человеке не совсем уместно. Но мне говорили, что в решающий момент он может отойти от социал-демократии и бороться вместе с нами. Дело тут не в именах. Мне нужен лишь пример. Повторяю, я не знаю ни Ауфгейзера, ни его тетки. Но я знаю наверняка, что в решительный момент некоторая часть социал-демократических рабочих будет бороться с нами, что в этот момент, вероятно, вынырнут на поверхность некоторые вожди, которые отразят настроение этой части социал-демократических рабочих. Возникает вопрос: должны ли мы привлечь в правительство эту часть, отмежевавшуюся от разлагающейся социал-демократии и олицетворяющую часть борющихся рабочих? Конечно, никто не будет против этого. Такие случаи уже имели место.

Товарищи, это—одна система политики. Другая система ее—следующая. И тут у нас есть опыт из истории нашей же революции. Когда правительство Керенского уже потерпело крушение, т.-е. в сентябре 1917 года, когда меньшевики увидели, что их песенка спета, они выбросили лозунг: „Однородное социалистическое министерство“. Что это такое? На деле они имели в виду правительство эсеров, меньшевиков, трудовиков и других буржуазно-демократических интеллигентско-крестьянских групп с примесью большевиков. Такое правительство отнюдь не было „однородным“. В нем были бы коммунисты, добивавшиеся роволюции, меньшевики, боровшиеся против революции, и эсеры, которые также были против революции. Но меньшевики и эсеры защищали этот

винегрет под лозунгом „однородное социалистическое министерство“. Они называли „однородным социалистическим“ то, что меньше всего было однородным и социалистическим.

Что их к этому побуждало? Мне кажется, товарищи, здесь было бы уместно сказать, что и враги наши в тот момент искали удобной формулы подхода к массам, искали „псевдонима“ для своей политики. Для меньшевиков этот лозунг „однородное социалистическое министерство“ был псевдонимом для их демократической, т.-е. буржуазной политики. Почему они избрали именно этот лозунг? Потому, что социалистические идеи пользовались очень большой популярностью, потому, что все раньше чуть ли не поголовно стремились к социализму.

Я привел вам исторический пример: мы теперь переживаем такое время, когда нам приходится искать „псевдонима“ для того, чтобы легче завоевать социал-демократических и часть беспартийных рабочих. Было время, когда меньшевики также искали и нашли себе псевдоним в упомянутой благозвучной формуле. Простой рабочий должен был сказать себе: „Что же: однородное социалистическое—отличная вещь. Почему же нам не голосовать за это?“ В особенности—если этого можно будет добиться без гражданской войны.

Я припоминаю, как рабочие петроградского Путиловского завода, крепчайшего оплота большевизма, прислали к нам делегацию, состоявшую из большевистских и беспартийных рабочих, которая нам заявила: Конечно, товарищи, коалиционное правительство с буржуазией недопустимо. Против такого правительства мы стали бы бороться до последней капли крови. Но что можно возразить против однородного социалистического министерства?

В то время мы должны были об‘яснить им, что это—всего лишь псевдоним буржуазной демократии.

Итак, товарищи, вы видите, что дело не так-то просто,

Могут ли с.-д. сидеть с нами в правительстве?

Существует две системы политики. Если Радек спрашивает меня: „Значит, социал-демократы никогда не смогут сидеть с нами в одном правительстве?“—то я отвечаю: у нас, в нашем правительстве сидели левые с.-р.—обломок потерпевшего крушение корабля с.-р. партии. Обломок социал-демократии, потерпевшей крушение, обломок, представляющий часть революционных с.-д. рабочих, может войти в наше правительство и теперь. Но то, чего желаете вы, тов. Радек, это уж совсем иного сорта политика, напоминающая нам „однородное“ министерство или „коалицию всех рабочих партий“.

Конечно, я очень хорошо знаю, что меньшевики хотели надуть массы, а тов. Радек хочет служить им не меньше всех нас, но речь идет не о суб'ективных намерениях, а об об'ективных последствиях определенных воззрений.

Почему вы, тов. Радек, спросили в таком истинно-журналистском и сенсационном духе: „Итак, ни один социал-демократ не может войти в коммунистическое правительство"?

Вы частенько-таки попадаете пальцем в небо. Конечно, социал-демократ может войти в наше правительство. Почему же нет? Тов. Радек при этом упомянул сказанное мною о христианских социалистах. Да, я защищал также взгляд, что нужно сказать рабочему классу: мы готовы итти рука-об руку со всеми рабочими, даже с „христианскими социалистами", но только при одном „маленьком" условии: разоружении буржуазии и вооружении рабочего класса и т. п. Радеку казалось, что он нанес мне сильный удар, процитировав мои слова о моем согласии войти в соглашение с „христианскими социалистами". Здесь очень кстати была бы французская поговорка: кто доказывает слишком много, не доказывает ничего. Мое согласие об'единиться с рабочими „христианскими социалистами" на указанных условиях, это не что иное, как способ подхода к массам, агитационный лозунг, а не система коалиции со всеми так называемыми рабочими партиями. Этим Радек доказал, что в основе его воззрений лежит как раз все то, что является самым опасным и вредным для Коминтерна.

Это все, что я хотел сказать, товарищи, по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве и о мнимой ревизии нашей тактики.

Пораженческие настроения Радека.

Радек сказал, что я ошибаюсь, рисуя картину так, будто мы вначале были только обществами пропаганды и только впоследствии начали становиться массовыми партиями. Полезно осветить и этот вопрос. Я говорю не с точки зрения историка. Нет, этот вопрос имеет большое актуальное значение для нас и для нашей тактики. Радек говорил: Мы не были только обществами пропаганды. Разве союз спартаковцев не выдержал крупных боев? Разве не было советской республики в Баварии, в Венгрии? Радек теперь находится в настроении, которое можно назвать пораженческим. Ему кажется пригодным все, что доказало бы, что мы идем назад.

Сторонники Брандлера взваливают на нынешний левый ЦК партии вину за то, что германские социал-демократы на последних выборах получили еще 6 милл. голосов. Уже

целых шесть недель левые руководят партией, а социал-демократия все еще не побеждена. Но, позвольте, мы ведь и не думали упрекать Брандлера за то, что он не победил. Нет, мы знаем, что в борьбе иногда приходится потерпеть поражение. Мы обвиняем его за другое. Мы не говорим: почему ты не победил, почему ты не боролся, почему ты не приложил все силы к тому, чтобы победить?

Мне кажется—пора прекратить ламентации о том, что на таких-то или на других выборах социал-демократы получили еще преобладание. Ведь в сумме вы ставите в сущности один вопрос: почему вы еще не захватили власти? Почему левый ЦК еще не победил буржуазии и с.-д. Подождите, победим. Радек с усердием пчелы собирает все, что возможно, чтобы получить ту мрачную, черную картину, которая ему нужна. И во Франции-де все плохо и в Германии мы еще не победили. Конечно, нельзя закрывать глаза на наши слабые стороны. Но взгляд Радека на них является выражением идеологии пораженчества. Раньше, извольте видеть, мы были мощными партиями, были у власти и в Венгрии и Баварии,—а теперь что? Верно то, что к концу войны стихийное настроение масс было очень революционным, с часа на час ждали, что капитализм рухнет. Но ни в Германии, ни в Венгрии, ни в Баварии не было настоящей компартии. Вот в чем причина поражения, тов. Радек. Этого Радек не видит. Здесь как-будто есть противоречие: стихийное возбуждение масс было велико, партии же были очень малы, были обществами пропаганды.

В этом отношении Италия является классическим примером. Целое море возбуждения и ненависти против войны, в то же время абсолютное отсутствие соответствующей партии. Правда, в Италии мы имели социалистическую партию в 200.000 членов. Тогдашняя социалистическая партия входила в III Интернационал. Несмотря на громадные размеры массового движения, коммунизм в действительности составлял только маленький кружок пропагандистов, маленькую фракцию внутри большой итальянской „социалистической" партии.

Перед тем, как распроститься с тов. Радеком, я хотел бы упомянуть еще об одном. Радек заявил: „Если мы такие скверные, если мы реформисты, так исключите же нас".

Если бы это сказал кто-нибудь другой, мы бы приняли это всерьез, но Радек иногда говорит прежде, чем подумает, так же как он иногда пишет прежде, чем поразмыслит. Мы не говорили, что он и его единомышленники—реформисты, но у него и у них есть реформистские „мелкобуржуазные уклоны", которые РКП и Интернационал должны исправить.

Мы надеемся, что Радек исправится. На конгрессе, несомненно, выявились некоторые реформистские уклоны,

хотя не все товарищи говорили так открыто, как члены германской правой. Представители германской правой говорили очень много. Время их речей было обратно пропорционально их влиянию на рабочее движение. Но на правом крыле Коминтерна есть некоторые товарищи, которые, очевидно, действуют по пословице: слово—серебро, молчание—золото. Очевидно, они думают: мы еще немножко обождем, пока что здесь преобладают еще слишком революционные настроения.

Правое крыло понимало лозунг „рабоче-крестьянское правительство", как коалицию „всех рабочих партий". Товарищи, здесь вы зашли слишком далеко. Необходимо вам остановиться. Я надеюсь, что резолюция Коминтерна будет решающей также и для правых товарищей.

Чешские товарищи и их дипломатия.

Теперь перейду к чешским товарищам. Они прочитали две декларации, обе составленные в письменной форме и весьма осторожно формулированные. Одна была прочитана тов. Шмералем, другая—тов. Крейбихом. Тов. Шмераль заявил, что делегация в сущности согласна с нашей политической точкой зрения на рабочеее правительство. Крейбих же заявляет обратное; но в резолюции 4-го конгресса ведь сказано о коалиции со всеми рабочими партиями и т. д.

Я бы предпочел, чтобы Шмераль выступил открыто и откровенно высказал свои мысли. Мы имеем сейчас то преимущество, что находимся не на первом конгрессе и лично достаточно хорошо знаем друг друга. Это большой плюс. Я дожен сказать, что самым ответственным политическим вождем чехо-словацкой компартии является тов. Шмераль, благодаря своему выдающемуся влиянию в партии.

Шмераль выражается весьма осторожно. Шмераль любит поступать так: пусть другие чехи критикуют Коминтерн резко, а я выступлю и спасу положене, заявлю о солидарности с Коминтерном и т. д.

Политическую ответственность за оппортунистические уклоны в чешской коммунистической партии, повторяю, несет в первую голову тов. Шмераль, как политический вождь партии. А потому мы должны об'ясниться со Шмералем в этих вопросах совершенно откровенно. Положительные стороны Шмераля всем известны. В период, когда нужно завоевать на свою сторону большинство пролетариата, оторвать массы от социал-демократии, Шмераль абсолютно незаменим. Он знает страну и знает свой пролетариат. В формулах III и IV всемирных конгрессов, говорящих о завоевании большинства, нечего изменять. Пожалуй, прибавить нужно только, что нам нужно большинство не

ради большинства, как такового, а для революционной борьбы. Это всего уместнее напомнить теперь в Чехо-Словакии. Мы вовсе не намерены вызывать кризиса в чехо-словацкой коммунистической партии. Мы знаем ее сильные стороны. Это хорошая по составу пролетарская партия. Мы знаем, что она обладает превосходным человеческим материалом, и что рабочие в ее рядах будут хорошо бороться. Партия имеет уже крупные заслуги. Она прекрасно сумела оторвать большинство от социал-демократии. Но сейчас не время расточать друг-другу дипломатические любезности. Кое-что в чехо-словацкой партии надлежит исправить. Я всецело присоединяюсь к тому, что сказала тов. Рут Фишер по поводу декларации Шмераля. Кому нужны такие дипломатические декларации здесь на конгрессе? Ведь мы не буржуазный парламент, здесь надо говорить открыто, подчас и резко, хотя бы и выступая против Исполкома. В этом нет ничего плохого. Здесь нельзя ограничиться одними бумажными декларациями. Мое мнение таково, что чешская партия должна исправить то, что исправить надлежит, минуя глубокие потрясения и кризисы. Она может их миновать, если того захотят руководящие товарищи партии.

Меньшинство чехо-словацкой делегации, выступившее на конгрессе против оппортунизма Шмераля и Крейбиха, встречает полностью нашу поддержку. Пусть Шмераль сам поспешит исправить линию, тогда не понадобится внутренней борьбы.

Товарищ Бухарин полемизировал против одной статьи тов. Крейбиха. Товарищ Крейбих полагает, что в Коминтерне заключения, выводы и суждения составляются на основании одних только тезисов, статей и цитат; он, мол, раньше, будучи левым, тоже так поступал. А я говорю: почему бы и не судить на основании статей, цитат и резолюций? Разумеется, не только на основании их, но, несомненно, тезисы, цитаты и статьи дают достаточное основание для суждения. А потому, полагаю, что тов. Крейбих поступал бы правильнее, если бы не упорствовал в своих правых ошибках, как не упорствовал ранее в левых. В период расцвета его „левизны“ он слишком качнулся влево. Теперь во имя восстановления „равновесия“ он столь же сильно качнулся в другую сторону. В ту пору духовным наставником его в этом отношении был Ленин, который изрядно его тогда высек. К сожалению, теперь это невозможно. Я слышал, как многие товарищи говорили: Да. Ленин меня иногда сек, но это было скорее удовольствием, ибо быть выдранным Лениным было хорошо. Я вполне присоединяюсь к этому мнению. Да, действительно, у мастера и посечься—удовольствие. Но как же быть за отсутствием Ленина? Теперь Ленина должен заменить коллективно

Исполком. Он готов коллективно посечь тов. Крейбиха (одобрения), он должен коллективно ходатайствовать перед т. Крейбихом, чтобы он не упорствовал в своих правых ошибках, как раньше он отказался от „левых“ ошибок.

Дальше тов. Крейбих говорит: Ленин в свое время не допустил, чтобы тов. Шмераля в резолюции конгресса наименовали центристом. Он это слово вычеркнул. Правильно. Но в какой резолюции мы называем теперь Шмераля центристом? Мы тоже этого не делаем. Дело вовсе не в том, чтобы вызвать в чехо-словацкой партии кризис. Мы любим чешскую партию, считая ее в корне здоровой пролетарской партией. Но мы не закрываем глаз на слабости ее вождей и просим покончить с этими парламенсткими декларациями и исправить то, что исправить надлежит.

Тов. Хеглунду нужно признать свою ошибку.

Хотел бы я сказать несколько слов и по поводу тов. Хеглунда. Каждый раз, когда я с ним беседую или слышу его с трибуны, я себе говорю: какой умный парень. Как много мог бы он дать не только такой маленькой стране, как Швеция, но и Коминтерну в целом, откажись он только от своих заблуждений. Обладая столь недюжинными качествами, к чему отстаивает он явно неправое дело, совершенно безнадежное с точки зрения коммунизма? Точно так же, как раньше, он защищал Лиана, Транмеля и др., так и теперь он ссорится с прекрасными коммунистическими элементами в рядах собственной партии из-за вопросов „престижа“ и из-за своих собственных оппортунистических ошибок. Он не хочет сознаться в допущенных им однажды ошибках. Все мы делали весьма крупные ошибки. Плохо, если у нас нехватает мужества сознаваться в них. Речь тов. Хеглунда была построена весьма искусно, содержала в себе множество прекрасных оборотов, но в ней отсутствовала живая душа и то, в чем мы нуждаемся больше всего: признание ошибок там, где они имели место.

Ошибки тов. Бордига.

Вопрос о фракциях.

В качестве десерта мы еще имеем тов. Бордига, с которым я должен об'ясниться. Мы его так долго ждали, он же несколько запоздал и явился к концу дискуссии, как сладкое блюдо после обеда. Воистину речь его в некотором отношении напоминало сладкое блюдо. Я готов на всевозможные уступки ему, потому что мы хорошо знаем тов. Бордига, как хорошего революционера, способного оказать громад-

ные услуги итальянской партии и всему Интернационалу. Там, где дело касается формальностей, а не принципиальных разногласий, не говоря уже о разногласиях по личным вопросам, не играющим здесь никакой роли, мы готовы итти Бордига на всяческие уступки.

В части своей речи тов. Бордига, что на него не похоже, тоже вел себя дипломатом. Мне кажется, он вел себя вчера дипломатом в первый и, будем надеяться, в последний раз в своей жизни. Взять хотя бы вопрос о фракции. Я напомнил вам его слова относительно необходимости организовать в Интернационале левую фракцию. Тов. Бордига отрицал, что он это говорил, и указывал, что он обещал образовать фракцию лишь в том случае, если Интернационал сдвинется вправо, станет чуть ли не реформистским. Я публично даю тов. Бордига мое слово в том, что, если наш Интернационал когда-либо превратится в правый реформистский или полуреформистский,—я сам образую левую фракцию (аплодисменты).

Тов. Бордига спрашивает, кто даст гарантию, что Коминтерн не превратится в реформистский Интернационал? Сам вопрос нелеп. Где основания для него?

Тов. Бордига известно, что мы во II Интернационале образовали левую факцию и вели борьбу, образовали левую большевистскую фракцию и вели борьбу и в Циммервальде, а, следовательно, если бы и суждено было произойти такой беде, он может быть спокоен. Но я думаю, что этого не случится. С удовольствием констатирую, что тов. Бордига отказывается от приписываемых ему слов. Но вот в мои руки сегодня случайно попала статья тов. Бордига от 5-го мая, где говорится: „Вопрос о фракциях сойдет со сцены лишь в том случае, если мы приблизимся к тем организационным формам, о которых упоминали выше (индивидуальный прием, недопущене слияния и т. д.). Если же мы от этого отступим, существование левооппозиционной фракции в Интернационале станет необходимым“.

Итак, это будет необходимо не в том случае, если мы превратимся в оппортунистов и реформистов, а тогда, когда мы не будем разделять точки зрения Бордига в какомнибудь мелком частном вопросе, например, не согласимся с ним, что нельзя никогда об‘единять с другими партиями или образовать внутри других партий наши ячейки. Этого для него уже достаточно, чтобы образовать фракцию.

Мы поднимаем брошенную перчатку. Если бы вопрос стоял так: тут—коммунизм, там—меньшевизм, мы бы сами были сторонниками бунта какой-угодно организации. Но иначе обстоит дело, когда Бордига грозит Интернационалу образованием фракции из-за расхождения подчиненного организационного порядка. Я спрашиваю: где же подлинный

Бордига? Тот ли, которого мы видели в статье от 18-го мая этого года, или тот, которого мы слышали 25-го июня в этом зале? (Аплодисменты).

Три спорных вопроса.

Итак, подхожу к трем вопросам, имеющим наисущественнейшее значение для тов. Бордига. Во-первых, он говорит, что в принципе считает недопустимым об‘единение коммунистической партии с какой-либо другой; во-вторых, он противник образования ячеек в других партиях и, в-третьих, он против того, чтобы принимать в Коминтерн сочувствующие партии.

Проанализируем серьезно эти три вопроса. Что можно привести против слияния коммунистической партии с партией (или частью партии), которая раньше не была коммунистической, а потом стала ею. Я напоминаю, что об‘единение союза Спартака с левыми независимцами после Галле носило форму слияния. Принесло ли оно пользу Интернационалу и германской партии? Да, принесло. Правда, оно обусловило ряд кризисов, но зато привело к образованию могучей массовой компартии. Своей монополии единственной рабочей партии германская социал-демократия лишилась, собственно говоря, еще в Галле.

Возьмите теперь такую маленькую страну, как Бельгия. У нас была там маленькая компартия, которая об‘единилась с левым крылом социал-демократической партии, образовав, таким образом, коммунистическую партию. Правильно ли это было? Думаю, что да.

Что было причиной таких явлений? Тов. Бордига рассуждает абстрактно. Никогда не следует забывать, что мы частью вышли из недр II Интернационала. II Интернационал возник за 30 лет до нас, и этим самым об‘ясняется то, что мы родились из его недр. Коммунистические партии формируются из подрастающего молодого поколения и лучшей части, вышедшей из недр II Интернационала. И это не потому, чтобы мы были „эклектиками“, как думает „последовательный“ Бордига. Почему же высказываться нам против того, что уже имело место в Галле и Бельгии, и что завтра произойдет в Италии, где к нам примкнет часть бывшей социалистической партии? Полагаю, что в этом серьезном пункте тов. Бордига абсолютно неправ.

Второе его положение говорит: никогда не следует образовывать ячеек в других партиях. Почему же нет?— спрашиваю я. Возьмите хотя бы классический пример: английскую рабочую партию. Мы постановили, что английские коммунисты должны входить в рабочую партию, они это сделали и не без успеха. Никто не станет требовать теперь,

чтобы они вышли из рабочей партии. Тов. Бордига, считаете ли вы это правильным? Положение там своеобразно, в Англии крупная партия II Интернационала, при чем их массы восприимчивы к нашей агитации. А рабочая партия—своеобразная организация. Мы должны проникать в эти массы, чтобы завоевать их на сторону коммунизма. Что заставляет тов. Бордига „в принципе“ быть против этого? Только то, что он считает неправильной форму применения этой тактики в Италии? Нет,—говорит он. Но тогда это еще менее понятно. Мы должны обязать наших товарищей оставаться в рабочей партии в Англии и усиленно формировать наши ячейки.

Третий вопрос—сочувствующие партии. Я знаю три случая Германская коммунистическая рабочая партия, американская и финская рабочие партии входили и отчасти входят еще и теперь в наш Интернационал, как партии сочувствующие. Теперь речь идет о том, чтобы принять в Коммунистический Интернационал часть итальянской социалистической партии тоже в качестве сочувствующей. Правильно ли мы поступали, принимая в Интернационал сочувствующие нам синдикалистские элементы? Да, правильно. Надо было вести просветительную работу среди этих элементов Этим путем можно было завоевать на свою сторону честные революционные элементы. Так обстояло в свое время дело с Германской коммунистической рабочей партией. Когда же дело было сделано, лучшие рабочие перешли к нам, а вожди показали свою нереволюционность. Произошел разрыв, и разрыв этот был лишним доказательством правильности нашего способа действия.

Почему упорствует тов. Бордига? Во всех трех случаях он неправ. Он говорит, что если мы ему в этих трех вопросах не уступим, то он образует фракцию. Товарищи, я не говорил здесь, как мне приписывали: или Бордига, или Интернационал. Я знаю, что тов. Бордига—столь же преданный солдат революции, как и все мы. Я сказал: тов. Бордига—нам друг, но Интернационал—нам друг больший. Иными словами Бордига должен делать так, как постановит Интернационал, а не наоборот“. Und der König apsolut wenn er unsern Willen tut. (Власть короля абсолютна, когда она выполняет нашу волю), так рассуждает тов. Бордига (Аплодисменты). Всяческая дань Интернационалу, но лишь в том случае, если он поступает, как того хочет Бордига. Мне совершенно непонятно, как может до такой степени упорствовать тов. Бордига, всем нам известный, как хороший товарищ, имеющий заслуги перед итальянским движением. Италия—прелестная солнечная страна, в ней много хороших пролетариев. Муссолини будет там разбит. Но все же Италия—это лишь маленький уголок с точки зрения

мировой революции. Вы могли уже убедиться на примере таких стран, как Германия, Англия и Америка, что наш метод слияния дает хорошие результаты. А ведь вышеперечисленные страны имеют наикрупнейшее значение для нашего мирового движения. Почему же вы упорствуете в своем заблуждении, тов. Бордига?

Еще большее значение имеет вопрос о едином фронте. Бордига попытался изобразить дело юмористически. Он говорил. Ну, если дело только в слове „рабочее правительство“, эту уступку мы согласны сделать. Мы всегда держались такой точки зрения, что это только „слово“. Бордига сошелся с Радеком: дескать, происходит ревизия тактики IV конгресса. Это бывает при „ультра-левых“ уклонах: „ультра“-левые часто сходятся с „ультра“-правыми.

Как обстояло дело с единым фронтом? Я не историк, но должен сослаться кое в чем на историю. Бордига упомянул о расширенном пленуме Исполкома февраля 1922 г. Мне кажется, именно тов. Бордига не следовало бы уж очень на этой дате останавливаться. Почему? А вот почему: как были тогда распределены роли? Я — „несчастный грешник“, „оппортунист“, качающийся то вправо, то влево эклектик и пр., Бордига же, как известно, всегда против правых, всегда прямолинейность, упорство и последовательность. Один из итальянских товарищей в беседе со мной вчера сказал: телеграфный столб тоже „прямолинеен“ и „последователен“. (Смех, аплодисменты). Но, товарищи, мы знаем, что есть нечто более гибкое, чем телеграфный столб. Вот эта-то гибкость и нужна Коммунистическому Интернационалу.

Доктринерство в понимании единого фронта.

Так вот тов. Бордига упоминает о расширенном пленуме февраля 1922 г. Как были распределены роли в ту пору? Я выступал в вопросе о рабочем правительстве, говоря: это—синоним диктатуры пролетариата, все остальное—социал-демократические уклоны. А что говорил наш друг Бордига? Он находился в союзе с тов. Даниэлем Рену и даже с бывшим товарищем Фроссаром против Исполкома, против тактики единого фронта. Как вам известно, французские правые коммунисты выступали в ту пору против тактики единого фронта и разыгрывали из себя левых. Делегация итальянского ЦК, руководимого тогда тов. Бордигой, заключила политический союз с французской правой против Исполкома в вопросе о едином фронте. Я бы рекомендовал вам, тов. Бордига, не так часто вспоминать расширенный пленум 1922 г.,—это лучшее, что вы можете сделать. (Аплодисменты).

Тов. Бордига говорит, он никогда не был против тактики единого фронта. Но всем нам в Коминтерне известно, что итальянские товарищи упорно подчеркивали, что они сторонники единого фронта лишь в экономической области, но не в политической. Спрашивается, что это за точка зрения? Можно ли ее защищать. Это совершенно своеобразное „итальянское“ доктринерство. Как понимать нынешнюю борьбу против Муссолини, как экономическую, или и как политическую? Борьба за 8-часовой рабочий день, несомненно, есть борьба экономическая, но в то же время в нынешней обстановке она есть и борьба политическая. Когда же мы заклинаем Бордига отказаться от этого искусственного некоммунистического размежевания борьбы политической и борьбы экономической, он продолжает настаивать на своем. В этом он усматривает честь и достоинство итальянской коммунистической партии. Это—не принцип, а какой-то фетиш.

Я часто стараюсь разобраться, чем обусловлена эта окаменелая позиция итальянцев типа Бордига? Разумеется, не личными свойствами того или другого из вождей. Она — продукт истории итальянского рабочего движения.

Причины окаменелой позиции тов. Бордига.

Первоисточник ее надо искать в старой итальянской социалистической партии, об'единявшей в своих рядах без разбору Турати, Бордига, Серрати,—все уживались вперемежку. Ныне наступила своеобразная реакция. Хочется иметь маленькую, но подлинно „твердую“, „чистую“, избранную коммунистическую партию, хотя бы без больших масс. Это понятно. Но, товарищи, ведь после Ливорно минуло уже три-четыре года. Вещи идут своим чередом, и революция развивается. Итальянское движение оживает, итальянский рабочий класс скоро вновь будет играть крупную роль, он выступит в движении обогащенный обильным новым опытом. Это движение уже не будет напоминать итальянское движение 1919 и 1920 г.г. При таком положении давно уже пора покончить со своими „фетишами“ и итти нога в ногу с Коминтерном, когда он прав. Дело вовсе не в „пересмотре“ старой тактики, не в размежевании единого фронта в экономической и в политической области, а в завоевании через экономическую и политическую борьбу и вовлечении масс на тот путь, которым идет Коминтерн. Средства в Англии одни, в Америке—несколько другие, в Италии—третьи. Здесь неуместны окаменелые „принципы“. А Бордига упорствует на таковых.

Вот что я хотел ему сказать. И я глубоко убежден, что таково мнение и громаднейшего большинства конгресса,

подлинной левой Коммунистического Интернационала, и что будет сделано все возможное, чтобы действительно договориться с Бордига. Но он, в свою очередь, должен понять, что он неправ. Вчера Бордига не говорил о проблеме завоевания большинства. Повидимому, этот вопрос уже для всех ясен. Если же он скажет; что он и здесь настаивает на тезисах римского с'езда, мы ему ответим, что тезисы эти мы неоднократно отвергали. Вчера Бордига об этом не упоминал. Может-быть, это хорошее предзнаменование, и в настоящее время это уже не является спорным вопросом, и всем ясно, что постановление III конгресса о завоевании большинства остается в силе. Бордига теперь должен отказаться и от других своих доктринерских ошибок и действительно итти с нами нога в ногу. Весь Интернационал и левая часть его только обрадуются, когда проблема Бордига сойдет со сцены.

Положение в Америке.

Еще пару слов но поводу речи тов. Амтера о положении в Америке. Должен сказать, что тов. Амтер иногда оказывает американскому движению медвежью услугу. Положение в Америке затруднительно. Исполком питает полное доверие к американскому ЦК, возглавляемому Фостером и Рутенбергом—двумя лучшими силами в Америке. Обе группы вокруг этих вождей должны слиться и работать вместе без фракционности. Мы знаем, что положение там серьезно, но линия дана и она будет проведена в жизнь честно и по-революционному.

Американским и равным образом английским товарищам надо помочь. Если и наблюдаются правые уклоны среди американских и английских товарищей, то это совсем не то, что у германской правой. Поскольку вопрос касается американских и английских товарищей, это об'ясняется их неопытностью и слабостью. Это еще молодые партии. Здесь уместна товарищеская помощь, а отнюдь не борьба течений, фракционная борьба. Исполком позаботится, чтобы фракционной борьбе в Америке был положен конец. Чтобы молодая партия получила настоящую серьезную поддержку, мы будем преследовать фракцию. В этом последнем случае результаты будут серьезные.

Итоги.

Суммирую сказаное: я считаю, товарищи, что мы, разумеется, должны сформулировать кое-что иначе, чем это было сформулировано на IV конгрессе. Но линия III и IV конгресса по вопросу о мировом экономическом положении

остается в силе; общая линия во вопросу о рабоче-крестьянском правительстве также остается в силе. Что мы должны будем пересмотреть, теоретически ликвидировать, а в случае необходимости прибегнуть и к более резким способам ликвидации, —это оппортунистическое искажение линии Коминтерна.

Пусть пролетариат всего мира и социал-демократические вожди и все наши противники узнают, в чем состоят наши стратегические маневры. Нам нечего бояться этого, тов. Шмераль. Это слово обычно толкуют с плохим уклоном. Но в известном смысле можно сказать, что вся наша тактика вообще есть маневр. Пусть все наши противники так и знают, что мы, когда нужно, маневрируем. Тот, кто думает, что мы проектируем политическое об'единение со всеми так называемыми „рабочими партиями", тот заблуждается. Пусть весь международный пролетариат и международная контрреволюционная социал-демократия узнают, что мнение, изложенное здесь несколькими товарищами, с Радеком во главе, не есть мнение Коминтерна. Коминтерн держится противоположной точки зрения, точки зрения революционного марксизма, ленинизма.

Нам нужна мировая партия ленинизма.

Я подхожу к концу. Мы обменялись мнениями—иногда и резко. И все же нам незачем сердиться друг на друга. Конечно, Коминтерн это не II Интернационал и не парламент мнений. Конечно, мы высказываемся в своей среде открыто и свободно. Но наш идеал не в том, чтобы смешать горячее и холодное с целью получения тепленького. Коминтерн должен быть монолитен. Мнение правых останется на этом конгрессе в незначительном меньшинстве. Мы спорим горячо, мы горячо отстаиваем свое мнение, но постановления, выносимые верховной для нас инстанцией, имеют решающее значение для всех. Мы не можем быть „парламентом" в духе II Интернационала. Если мы здесь вынесем решение, это значит, что и меньшинство не может продолжать действовать по-старому. На конгрессе борись „до последней капли крови". Но после того, как это собрание, эта верховная для коммунистов законодательная инстанция (высшего судилища для коммуниста мы не знаем) свое решение вынесет, необходимо будет проводит его в жизнь, плечом к плечу, нога в ногу. Не может быть и речи о том, чтобы правая продолжала действовать далее по-старому и сплотилась, как фракция. Этого Коминтерн не допустит.

Один из русских товарищей, сам не принимающий непосредственного участия в международной работе, но внимательно за ней следящий и имеющий хороший глаз и

внимательное ухо, сказал мне: „Глядя на этот конгресс, я замечаю, что он не похож на прежние. Прежде это часто были милые гости, являвшиеся в Москву и радостно ею принимаемые. Ныне это коммунисты, держащие в своих руках судьбу порою крупных партий, зрело анализирующие, выносящие зрелые решения, чувствующие себя равноправными, это—хозяева Коминтерна".

Подымается новое поколение вождей, выходит ряд подлинно революционных вождей из рядов молодежи. Есть уже делегация, например, германская, в составе которой есть рабочие, имеющие за собою по пять лет и больше тюремного заключения. Не только русские, но и заграничные товарищи представляют собою уже зрелые, надежные элементы. Такова физиономия этого конгресса. Это уже не милые гости, гостеприимно принимаемые русскими, но представители, правда, еще пестрых в своем строении, сильных и слабых партий, часть которых уже стала массовыми партиями, имеющими за собою собственный опыт.

Что такое большевизация партий.

Много говорилось о большевизации партий. Большевизацию не следует понимать в смысле механического перенесения на германскую и другие партии русского опыта, от чего предостерегал еще тов. Ленин. Под большевизацией мы разумеем усвоение партиями того общезначимого, международного, что было в большевизме и на что указал тов. Ленин в „Детской болезни „левизны". Под большевизацией партий мы понимаем непримиримую ненависть к буржуазии и соц.-демократическим предательским вождям, допустимость любого стратегического маневра в борьбе с врагом. Большевизация—это непреклонная воля к борьбе за гегемонию пролетариата, это—пламенная ненависть к буржуазии, к контрреволюционным вождям социал-демократии, к центризму и центристам, к полуцентристам и пацифистам и ко всем ублюдкам буржуазной идеологии. Большевизация—это создание крепко спаянной монолитной централизованной организации, дружно и братски изживающей разногласия в собственных рядах, как этому учил Ленин. Большевизация—это марксизм в действии, это преданность к идее диктатуры пролетариата, идея ленинизма. Вот что значит большевизация. Не механическое подражание российским большевикам, а усвоение того, что было и есть в большевизме бессмертного.

Многие партии, о которых здесь не упоминалось вовсе, сделали крупные успехи в своем развитии. Такова, например, испанская партия. Там сотни товарищей прошли через тюрьмы. В этой „классической" стране синдикализма

и анархизма завоевывает себе почву большевизм. Там уже имеется крепкое ядро честных, скромных, революционных пролетариев, серьезно готовых работать на пользу пролетарской революции" (рукоплескания). Крупные успехи сделала и французская партия, еще недавно столь раз'едаемая оппортунизмом (долгое время казалось, что там не сложиться серьезной партии). Многому научилась и болгарская партия, которая, будем надеяться, спасется от рецидивов оппортунистического уклона.

Все мы твердо уверены, что движение растет. Группы пропаганды превратились в сильные организации, а эти последние закалились в борьбе. У всех нас такое чувство, что на этом V конгрессе мы по праву можем назвать себя мировой партией. Этим духом будут проникнуты и резолюции конгресса. Товарищи, отстаивавшие другие позиции, другие мнения, присоединяются к нашим решениям, как к продукту коллективного опыта и коллективного мышления всего, что есть лучшего, наиболее честного и революционного в рабочем классе всего мира.

(Бурные, длительные рукоплескания, переходящие в овацию. Делегаты поют „Интернационал“).

За единство мирового профессионального движения.

(Речь на V конгрессе Коминтерна 7-го июля)

Товарищи, вопрос о профсоюзах имеет чрезвычайно большое значение. Оставить в нем какие-либо неясности значило бы сильно повредить всему движению.

На этом конгрессе много говорят о необходимости большевизации партии, о верности ленинизму. Мы предпочли бы, чтобы не так много говорилось об обольшевичении партии, но зато глубже изучалась бы самая сущность ленинизма, в частности в вопросе о профсоюзах (аплодисменты).

Большевизм против раскола профсоюзов.

Точка зрения ленинизма в вопросе о профсоюзах нам станет ясна прежде всего из его тактики. Вы знаете, что первый политический раскол между большевиками и меньшевиками произошел уже в 1903 году, т.-е. более, чем 20 лет тому назад (о том, что было до этого, я и не говорю). В вопросе о профсоюзах большевики действовали совсем иначе. Несмотря на все расколы, происшедшие в области политических организаций, мы ни одного профсоюза не раскололи (Радек: „Правильно!") ни до, ни во время, ни после революции. Над этим стоит задуматься, товарищи. Уже после Октябрьской революции профсоюзы находились еще в значительной мере в руках меньшевиков, и, несмотря на это, мы сделали все, чтобы предотвратить раскол. Позже, когда меньшевики составляли в профсоюзах уже только совсем незначительную часть, наша партия сделала все, что было в ее силах, чтобы завоевать профсоюзы изнутри, не расколов их.

Итак, товарищи, если вы хотите понять практику большевизма, вы не должны забывать этого *основного* факта: расколы в области политики в течение 25 лет—меньшевики назвали нас профессиональными раскольниками — и не *единого* раскола в области профсоюзной работы—ни в момент, когда мы в профсоюзах были в меньшинстве, ни в

момент, когда мы имели за собой большинство. Это—один из основных фактов из истории российской революции и истории российского большевизма.

Тот, кто называется ленинистом, тот, кто говорит, что хочет обольшевичить партию (мне кажется, что и Шумахер утверждает это,—но упаси нас от подобного обольшевичения),—тот не станет раскалывать профсоюзы. Это, наоборот, было бы содействием меньшевизму, хотя Шумахер и называет себя „левым“. Таких „левых“ мы уже достаточно видели. Если я не ошибаюсь, Шумахер был здесь, в Москве, 3 года тому назад, как представитель независимой с.-д. партии, а теперь он выступает так, как будто Интернационал для него уже недостаточно лев. (Радек: „Это случается нередко!“)

Если вы всерьез говорите об обольшевичении партии, заметьте себе раз навсегда: борьба за единство профсоюзного движения является одним из отличительных признаков большевизма; такова практика русского большевизма за 25 лет. Мы не раскололи ни одного профсоюза. Почему? Потому ли, что мы любили меньшевиков, или потому, что мы считали профсоюзы такой формой движения, которая для нас священна, неприкосновенна? Нет, не потому, а только по той причине, что мы считали профсоюзы тем центром, вокруг которого группируется масса пролетариата всего рабочего класса.

Недавно в германской партии говорили: довольно с нас профсоюзов, мы хотели бы создать „новую форму“ рабочего движения. И товарищи эти действительно верили, что достаточно одной их доброй воли—была бы она, а новая форма уж легко найдется. Это все, что угодно, но не большевизм. Профсоюзы не выдуманы Грассманом, д'Аррагоной, Легиным, они являются исторически данной формой массовой организации пролетариата при капитализме. Нельзя из пальца высосать „новую форму“ рабочего движения. Мы знаем одну новую форму массовой рабочей организации (кроме профсоюзов)—это советы. Но это такая форма, которую нельзя создать в любое время. На II конгрессе мы приняли специальную резолюцию об условиях создания советов. Прочтите ее. Там вы найдете точные указания о том, когда могут быть созданы советы. А именно: накануне революции, т.-е. тогда, когда они являются уже зародышами рабочего правительства, понимаемого, как диктатура пролетариата.

Итак, в советах мы действительно имеем новую форму рабочего движения. Но их не создашь в любое время, когда вздумается; они возможны только накануне революции. Иной формы пролетарского массового движения нет.

Фабзавкомы постепенно становятся новой формой рабочего движения внутри профсоюзного движения. Но профсоюзы, заметьте это, остаются и после победы пролетариата,

после завоевания власти пролетариатом, важнейшей организацией. Во всяком случае именно это доказано историей пока единственной победоносной революции, российской революции.

Таким образом, было бы чрезвычайно легкомысленно говорить о том, будто мы можем по произволу, по собственному желанию, создать „новую форму“ рабочего движения и пренебречь старой, и пока что единственной. Тов. Ленин учил нас, что профсоюзное движение, несмотря на все измены социал-демократии, является исторически данной формой об‘единения всего пролетариата в одну организацию. Отсюда, товарищи, все старания вождей социал-демократов разбить единство этого движения, вытолкнуть из него коммунистов. Поэтому-то мы и говорили на III и IV конгрессах, что вожди социал-демократии заинтересованы в том, чтобы разбить единство профсоюзов, а мы заинтересованы в том, чтобы сохранить его. Эта форма рабочего движения еще пригодится нам, и не только во время борьбы за власть, но и на следующий день после завоевания власти. Ленин много раз говорил, что, если бы после 1917 года мы не имели за собой профсоюзов, наша диктатура не смогла бы продержаться года и даже месяца. Это была та организация, которая помогла нам организовать производство, Красную армию и многое, многое другое.

Ленинизм в профсоюзном движении означает борьбу против раскола профсоюзов. Мы говорим это не из дипломатических соображений по отношению к социал-демократам, но потому, что это вытекает из глубочайшей сущности ленинизма.

Без массовой организации нельзя победить.

Таким образом, ленинизм состоит прежде всего в усвоении того, что непримиримый марксизм невозможен без массовой организации пролетариата, так как марксизм без массовой организации—это уже не марксизм, и он никогда не может победить.

Вчера мы праздновали память Парижской Коммуны. Но мы стремимся к победоносной Коммуне, к победе пролетариата. А для этого прежде всего необходимо об‘единение всего рабочего класса.

На IV конгрессе мы заявили—и это абсолютно верно до сих пор: чем больше вожди социал-демократии сознают, что рабочий класс в глубине души с нами, что мы неизбежно завоюем большинство, чем больше сознают, что мы приближаемся к революции, тем больше они пытаются расколоть профсоюзы. Они думают про себя: если уж орга-

низация рабочего класса должна попасть в руки коммунистов, то пусть им достанутся одни черепки, одни осколки профсоюзов, но не профсоюзы, как таковые, которые могут стать незаменимым оружием в их руках.

Правда, если взглянуть на английское, германское профсоюзное движение, находящееся еще в руках социал-демократии, то с трудом можно поверить, что союзы когда-нибудь смогут сослужить службу пролетарской революции. Но они тем не менее эту службу сослужат наверняка. Русские профсоюзы немногим были лучше, когда находились в руках меньшевиков. Но, когда наступил решающий момент, мы разбили меньшевиков. И дисциплина, и навыки к организации, и все то хорошее, что десятилетиями накоплялось в профсоюзах,—все это в руках коммунистов стало несравненным оружием российской революции.

Поэтому всякий, кто серьезно думает о пролетарской революции, о завоевании большинства рабочего класса, тот не должен легкомысленно относиться к вопросу об единстве профсоюзного движения. Обольшевичение партии—эта тактика искренней борьбы за единство профсоюзного движения и непрерывной борьбы за коммунизм внутри его.

Чем больше провокация социал-демократов, тем больше мы должны маневрировать, тем крепче мы должны смыкать свои ряды в профсоюзах и действовать изнутри. Почему? Потому, что в профсоюзах находятся наши братья по классу.

Здесь было сделано легкомысленное сравнение: как буржуазное государство может быть завоевано только силой, так-де и профсоюзы. Это сравнение никуда не годится. Буржуазное государство отличается от профсоюзов тем, что профсоюзы состоят из наших братьев по классу, т.-е. из рабочих, которые, несмотря на все свои заблуждения, несмотря даже иногда на свою об'ективную контрреволюционность, все же в нужный момент проделают необходимый поворот.

„Шумахерство".

В германской партии много говорили о „новой тактике" в вопросе о профсоюзах. В чем состоит эта тактика? В „шумахерстве". Жаль только, что в нашей германской партии имеются не только целые Шумахеры, т.-е. люди, более или менее непоследовательно защищающую ту же неверную тактику. Гораздо лучше, если имеешь перед собой на трибуне „целого" Шумахера и если можешь развернуть весь вопрос.

Шумахер говорит, что от социал-демократов нас отделяет целое миросозерцание; поэтому мы, видите ли, не можем оставаться вместе с ними и в профсоюзах. Конечно, от социал-демократов нас отделяет целое миросозерцание: они—лакеи буржуазии, а мы—коммунисты. Кто же этого не знает? Не требовалось, чтобы Шумахер сделал это открытие. Или говорят еще: эти собаки—вожди социал-демократов—провоцируют нас, дабы выгнать из профсоюзов, значит... мы должны уйти. Но на то они и собаки, на то они и лакеи буржуазии, чтобы провоцировать нас и раскалывать профсоюзы; а мы на то и не сантиментальные мечтатели, а серьезные пролетарские революционеры, чтобы сказать: собаки остаются собаками, лакеи буржуазии остаются ее лакеями. Мы же, несмотря ни на что, должны проявить выдержку и во чтобы бы то ни стало завоевать большинство наших товарищей по классу в профсоюзах, т.-е. в той организации, которой еще руководят эти проклятые лакеи буржуазии, но которой ведь они будут руководить не вечно! Придет время, когда мы завоюем в них большинство рабочих. Чего бы это ни стоило, мы не отступимся от задачи завоевания этого организационного центра рабочего класса.

Господа меньшевики в России были такими же лакеями буржуазии, они также хотели выжить нас из профсоюзов. У нас велась та же борьба. Но мы сказали: чем больше провокации, тем больше выдержки с нашей стороны для того, чтобы оставаться в профсоюзах и, несмотря ни на что, завоевать большинство рабочих. В Коминтерне мы с самого начала имели элементы, пытавшиеся толкнуть нас на другой путь. Уже на I и на II всемирных конгрессах раздавались такие голоса; отчасти это были товарищи из Америки и Англии, говорившие: мы не можем оставаться в этих профсоюзах. Ленин как лев боролся против них.

Теперь эти товарищи говорят: Все мы ленинисты, но мы хотим выйти из реформистских профсоюзов, мы хотим создать „новую форму“ рабочей организации, от старых профсоюзов нас отделяет целое миросозерцание. Но мы стоим на этом и иначе не можем: тактика Коминтерна состоит в том, чтобы работать в профсоюзах таких, как они есть. Ленин сумел посылать первых работников нашей партии, первых ее основателей в реакционные профсоюзы, основанные царскими жандармами; он посылал их даже в профсоюзы, основанные генералом Зубатовым, для того, чтобы отвоевать рабочих в нашу сферу влияния. Я должен признать, что Диссманы, Грассманы, Д‘Аррагоны и Гомперсы—это те же жандармы, это—реакционеры—мы знаем эту шайку—об‘ективно они не лучше генерала Зубатова. Но если мы вступили в эти профсоюзы для того, чтобы завоевать большинство рабочих, то в этих зубатово-грассма-

новских и зубатово-д'аррагоновских профсоюзах мы должны удержаться. Если мы этого не сделаем, значит мы только на словах хотим завоевать большинство рабочего класса. Может быть, вы хотите этого, но не знаете как. Нельзя завоевать большинство, не желая работать в профсоюзах. В этом случае вы будете лить воду на мельницу этих жандармов. Хотя Шумахер и считает себя левым, но на деле работает на Гроссмана и Диссмана.

Мы должны остаться в профсоюзах.

Поэтому, мы в этом вопросе не допускаем никаких компромисов. Если этот вопрос всплыл еще раз на международном конгрессе, то Коминтерн должен ясно сказать: мы должны остаться в профсоюзах. Все шумахеровские аргументы отскакивают от истинного лениниста, ибо они являются только доказательством правильности нашей тактики.

Почему с.-д. вожди исключают нас? Да потому, что бояться, что мы в профсоюзах сумеем завоевать большинство рабочих. Если есть вопрос, за который Коминтерн может поплатиться головой, то это именно вопрос о профсоюзах. Если есть вопрос, который может погубить германскую братскую партию, то это вопрос о профсоюзах (аплодисменты).

Сегодня один товарищ говорил мне: при коммунальных выборах в Ольтоне мы, якобы, потерпели поражение. Конечно, всякое поражение, даже небольшое, неприятно для нас. Но мы не принадлежим к тем революционерам, которые всегда и во что бы то ни стало требуют от наших товарищей побед; мы знаем, что могут быть и поражения. Но, как коммунисты, мы также знаем, что, несмотря ни на какие поражения, мы должны продолжать борьбу. Однако, если ленинская точка зрения по профсоюзному вопросу не укрепится внутри нашей германской партии, если она не будет ясно выражена, ленинская работа в профсоюзах—это будет таким поражением, какого мы не сможем вынести.

Я должен заявить, что в этом вопросе оппозиция не является оппозицией „профессорской“. Иные коммунисты-„профессора“ делают все, что в силах, чтобы углубить каждый наш неверный шаг, но опасность этих уклонов состоит в том, что они частично воспринимаются и хорошими рабочими. Это особенно опасно.

Я по-человечески могу понять, что рабочие сжимают кулаки при одном имени Грассмана и К°, и что они, голодая, предпочитают вместо членского взноса, идущего в руки социал-предателей, купить детям молока. Я могу

понять это чувством. Но, как член класса, как член мировой партии, как классовый соратник, такой рабочий неправ: он должен понять, что необходимо платить этот взнос, что необходимо завоевать эту родную для всякого рабочего организацию, что необходимо оставаться в ней, и что только изнутри мы можем захватить все дело в свои руки. Если мы этого не сделаем, вся наша программа будет абсолютно безнадежной.

Товарищи, что больше всего беспокоило нас во время германской дискуссии по этому вопросу? Мы понимаем, что после поражения в октябре, после саксонской комедии кризис был абсолютно неизбежен. Это не так страшно, это поправимо. Но если партия, как таковая, и очень хорошие рабочие, составляющие фундамент нашей партии, не имеют ясной линии в вопросе о профсоюзах,—вот это больше всего беспокоит нас. Партия не сможет проводить коммунистическую линию, если у нее не будет ясной линии в этом вопросе всех вопросов. Здесь необходимо создать совершенно ясную линию, здесь не должно оставлять каких бы то ни было недоговоренностей. Здесь дело идет не о словах, не о компромиссах, и мы должны до конца выяснить этот вопрос.

Франкфуртская резолюция нашей германской компартии теорически верна, она является основой подлинно-ленинской тактики в вопросе о профсоюзах, но мы знаем, что как каждая книга имеет свою судьбу, так и резолюция может ее иметь, она может остаться на бумаге. На эту тему у нас было много разговоров с нашими германскими товарищами, с лучшими пролетариями Европы, у которых много сильных сторон. Но слабая сторона их состоит отчасти в том, что в вопросе о профсоюзах они еще в глубине души борются сами с собой. Они еще не переболели этого вопроса. Они опасаются, не оппортунизм ли это—оставаться в профсоюзах. Товарищи, внутреннюю борьбу необходимо довести до конца.

Шумахер процитировал целый ряд резолюций из времени переходного периода германской коммунистической партии, времени формирования мнения о профсоюзах и колебания. Эти резолюции для нас недоказательны. У нас было много колебаний по разным вопросам, мы не родились готовыми коммунистами. Из того, что у нас были колебания, шубы не сошьешь. Это был период линяния. Но если он тянется целыми годами, то это становится несчастием для партии. Доказательства Шумахера недоказательны; как мы надеемся, они теоретически преодолены уже во Франкфурте. Но дело за тем, чтобы преодолеть их также и практически.

Члены партии должны быть профессионально организованы.

Я говорил с одним берлинским товарищем, с одним из пролетариев, составляющих фундамент партии. Я получил впечатление, что он как-будто чего-то стыдится перед массами: зачем мы остаемся в с.-д. профсоюзах? Он говорит, что в предприятии, на котором он работает,—30.000 рабочих, и только пара тысяч из них профессионально организованы, остальные и слышать не хотят о профсоюзах; и ему как бы стыдно притти к ним и сказать: вы должны пойти в с.-д. профсоюзы. Эти 30.000 он считает лучшими. Нет, товарищи, мы хорошо ознакомились с массами, мы имели дело с тысячами и миллионами. Мы уже знаем те массы, которые говорят: „В профсоюз меня не заманишь, нет расчета итти в эту лавочку". Они ведут себя иногда внешне очень радикально, но они часто не идут и в партию, не идут и на революционную борьбу. А затем приходит момент, когда они же говорят: „Где была партия, когда мы ошибались? Она затем и существует, чтобы исправлять наши ошибки!" Конечно, без этих 30.000 нам не сделать революции, но надо убедить их в том, что необходимо остаться в профсоюзах. Если мы не выполним этого дела, мы не сможем свергнуть буржуазный строй.

Германская партия должна до конца выяснить этот вопрос. Мы можем простить всякие ошибки, но этот вопрос может стать для нас камнем на шее; там, где нужно пускаться вплавь, можно погибнуть благодаря этому камню, т.-е. благодаря тому, что не имеешь ясной точки зрения в вопросе о профсоюзах.

Если Шумахер утверждает, будто он говорит здесь от имени 20.000 товарищей, то это своего рода местный патриотизм. Мы уже знаем эти местные изолированные профсоюзы со времен покойного Легина; в то время указывалась приблизительно та же цифра.

Мы надеемся, что 19.900 из 20.000 пойдут за Коммунистическим Интернационалом, когда он утвердит определенную линию; с остальными нам на время придется расстаться, мы не можем пойти на компромисс с ними. Шумахер—тоже солдат революции; партия решила, он должен выполнить это решение не только формально, но и в практической работе. Я не думаю, что германская партия еще долго будет переносить это „шумахерство".

Шумахер говорит: мы, в сущности, вовсе не проповедуем выхода из профсоюзов, мы не говорим: „Покидайте профсоюзы", мы „только" пропагандируем организацию самостоятельных профсоюзов и лозунг: „индустриальные союзы". Мы считаем, что партия должна поддержать этот лозунг. Неужели тов. Шумахер нас такими навиными счи-

тает, что мы не поймем, в чем дело, если он скажет это несколько другими словами? Он хочет поставить нас перед такими фактами, которые нарушают партийную линию в вопросе о профсоюзах.

Назад в профсоюзы.

Мы должны собрать вышедших из профсоюзов рабочих под одним лозунгом: „назад в профсоюзы“. Да, назад в реакционные, контрреволюционные, меньшевистские, находящиеся пока еще под руководством социал-демократов профсоюзы! Назад в эти профсоюзы, чтобы создать в них центр для об'единения наших сил! Если мы не выставим и не проведем этого требования, мы будем революционерами-болтунами, мы никогда не сможем разрушить буржуазный строй, никогда всерьез не завоюем большинства рабочего класса. Итак, здесь не место шуткам, и мы не верим в слова Шумахера: „Мы не пропагандируем выхода из профсоюзов“.

То, что преподносит нам Шумахер, это и значит пропаганда выхода, и об'ективный смысл ее таков: вон из современного рабочего движения, такого, как оно есть, со всеми его сладостями. А это значит: вон из рабочего класса, такого, как он есть. Мы не должны обольщаться иллюзиями: мы не можем создать свои собственные крупные профсоюзы в Германии; если бы мы их основали, мы не могли бы вести успешной экономической борьбы, а если бы мы повели ее, мы бы ее проиграли; и рабочие, которые сейчас бегут из профсоюзов, тогда-то как раз устремились бы к социал-демократам.

Не поддавайтесь иллюзиям! Новой формой являются фабзавкомы, но профсоюзы остаются даже после революции, как мы видим на примере российской революции. Новой революционной формой рабочего движения являются советы, но их невозможно создавать еженедельно, по понедельникам и четвергам; их можно создать только тогда, когда революция уже будеть стучаться в окно. Реальной же формой современного рабочего движения, которую оценивали Маркс и Ленин, являются профсоюзы со всеми их недостатками и слабостями и со всеми выгодами, которые они дают пока социал-демократии.

В этом вопросе необходима абсолютная ясность. Если тов. Шумахер не подчинится, он не сможет больше принадлежать к Коминтерну. Если он об'единит 20.000 рабочих для того, чтобы увести их из профсоюзов, от тактики единого фронта, то он отнимет у нас 20.000 классовых бойцов, вместо того, чтобы бросить их на весы борьбы против социал-демо-

кратии. В лучшем случае он нейтрализует, раздробляет их и делает из них об'ективно враждебную нам силу.

О „браке“ с амстердамцами не может быть и речи.

Теперь я перехожу ко второму вопросу—как нам следует относиться к Амстердамскому Интернационалу профсоюзов. Он, по моему мнению, имеет второстепенное значение. Тов. Бордига утверждал здесь, что, по его вступлению, мы, намечая планы вступления в известные переговоры с амстердамцами, придаем всему движению „крайне правый“ характер.

Нас, при сравнении с так называемым „ультра-левым“ крылом не раз упрекали в правизне. На III всемирном конгрессе Ленин сказал: „Я выступаю здесь, как правый, против теории наступления“. Что же, называйте и сейчас нас „правыми“, мы этого не боимся. Это не так страшно. Подлинное левое ленинское' крыло всегда остается там, где находятся рабочие. Отвоевать у социал-демократов широкие массы—вот в чем состоит подлинно-революционная ориентация ленинизма.

Здесь цитировали „меморандум“ германской делегации, который только сегодня попался на глаза: мы не знаем в точности, когда он был написан *), но мы просим конгресс не судить о нашем мнении на основании этого „меморандума“. В нем не выражено мнение российской партии; если вы хотите знать наше мнение, то мы согласны изложить его: меморандум неверен. В нем говорится, что мы будто бы стремимся к „брачному союзу“ с амстердамцами. Я боюсь, что это написали товарищи, которые действительно подготовили подобие такого „брака“ в „рабочем“ правительстве Саксонии. Вопрос ставят так: одно из двух: или союз с амстердамцами, или вон из профсоюзов.

Но возможна, представьте себе, и другая постановка вопроса. Справьтесь у наших меньшевиков. Уж с ними-то мы не заключали брачного союза. Но мы и не вышли из профсоюза, где они нас угнетали. Мы завоевали профсоюзы не в 20 месяцев, а в 20 лет. Если вам нужны только те руководящие линии, которые гарантируют победу в 20 месяцев, то таких мы не сможем дать вам; за это дело мог бы взяться только шарлатан. Мы знаем, что, несмотря ни на что, мы завоюем большинство рабочих. Если мы не

*) Германская делегация впоследствии раз'яснила, что „меморандум“ был написан в самом начале спора и был предназначен только для ознакомления русской и французской делегаций. Но, в виду того, что документ был цитирован на конгрессе, тов. Зиновьев остановился на нем.

сумеем сделать этого, не будет и пролетарской революции. О „браке“ с амстердамцами не может быть и речи. Такой брак с социал-демократами мы видели в прошлом году в Саксонии, но не в российской революции; здесь мы его никогда не увидим.

Это еще раз подтверждает, что германская партия должна до конца продумать этот вопрос. Если она в настоящее время еще возражает против некоторых переговоров с амстердамцами, то это, я думаю, происходит не по международным, а по чисто внутренним причинам, т.-е. потому, что в Германии партия еще борется сама с собой в вопросе о единстве профсоюзов. Я говорил с несколькими товарищами, и мне кажется, что иные из них думают: пусть российские профсоюзы сами вступают в Амстердам, против этого мы не возражаем: только бы в Германии нас не принудили работать внутри с.-д. союзов. Можно ли считать такую точку зрения интернационалистской? Ни в коем случае. Если бы российские профсоюзы пошли сами к амстердамцам без Профинтерна то это было настоящей капитуляцией Коминтерна и Профинтерна. Этого никогда не будет Наши российские профсоюзы — ленинские профсоюзы: они выступят здесь не как российские профсоюзы, а как составная часть Красного Интернационала профсоюзов, и выполнят то, что решит Интернационал.

Германские товарищи должны смотреть на этот вопрос не с чисто-германской, а с международной точки зрения.

Завоевание профсоюзов идет недостаточно быстро.

Если мы взглянем на конгресс, мы увидим прежде всего три группы делегатов: страны, где коммунисты в профсоюзах уже имеют большинство, как, например, во Франции. В этом случае довольно легко принять решение: за слияние с реформистами, меньшинство пусть-де подчинится большинству.

Вторую группу составляют страны, где мы вообще еще не являемся существенным фактором в профдвижении. Тут товарищи относятся к нашему спору более или менее безразлично. В третью группу входят Германия, отчасти также и Чехо-Словакия, где мы не имеем еще за собою прочного большинства, но близки к этому, и где идет жестокая борьба между коммунистами и социал-демократами. Здесь вопрос стоит труднее всего. Это я должен признать, мы видим это. Но все эти трудности не могут быть решающими.

Как с международной, так с национальной точки зрения предложение российской делегации абсолютно правильно.

Тов. Бордига говорит и в „меморандуме“ повторяется, что это было бы нашей моральной смертью, если бы мы сделали господам амстердамцам известные предложения, а они отвергнули бы их. Я спрашиваю: что это за странные взгляды. Если мы делаем какое-либо предложение классовому врагу, и он отвергнет его—значит ли это, что мы морально разбиты? Почему же? Ничего подобного! Возьмем пример из государственной жизни. Российское советское правительство предложило международной буржуазии разоружиться. Буржуазия отвергла это предложение. Значит ли это, что мы морально убиты? Если мы заявили господам социал-демократам: мы за единство современного международного профдвижения,—а они будут против этого, то это будет нашей моральной смертью? Ни в коем случае. Посмотрите, как в Берлине желтый „Форвертс“ беснуется против какого бы то ни было единства профессионального движения в международном масштабе. Почему? Потому, что они боятся, что это может стать ударом, направленным против них. Это будет всем, чем угодно, но не ударом против нас.

Как возник Профинтерн.

Далее в этом „меморандуме“ говорится: германская делегация и вся германская партия якобы высказались против основания Красного Профинтерна, но раз уж он был основан, надо, чтобы были сохранены старые формы. Это неверно. Вы плохо знаете историю своей собственной партии. Не германская партия, а Пауль Леви был против основания Профинтерна. Это большая разница. Германская партия вместе с нами была за его основание. Красный Профинтерн был основан в такой момент, когда казалось, что мы сможем, прорвав неприятельский фронт лобовой атакой, быстро завоевать профсоюзы. Я хорошо помню первое учредительное собрание Профинтерна. От имени итальянской делегации в заседании участвовал д‘Аррагона, от английской—Роберт Вильямс, некоторые из них предложили „левые“ поправки к резолюции. Мы даже можем отметить тот факт, что к нам в то время в Москву приехал испанский профессор и заявил: „Хотя я и реформист, но испанские рабочие—коммунисты, и они требуют, чтобы я примкнул к III Интернационалу“ Мы ответили ему: „Пока вы не коммунист, вы не можете быть приняты в Коммунистический Интернационал“. Вот какие это были времена. Это было в то время, когда мы еще думали, что в самый короткий срок завоюем большинство рабочих. Вы знаете, товарищи, что после этого движение пошло на убыль; все проблемы, все тактические затруднения Коминтерна за эти 5 лет коренятся именно в

том, что развитие пошло гораздо медленнее, чем мы предполагали. Социал-демократия частично окрепла, также и в области профсоюзной работы. Теперь мы должны бороться с ней более медленными, трудными, обходными путями. Это и есть то новое, чего вы не хотите понять.

Что же нового в английском профдвижении?

Далее спрашивают, что же нового в Англии? Ново так называемое „левое крыло“, которое, конечно, не является действительно левым; это мол,—только иллюзии.

Подумайте, товарищи, о том, что Англия—страна с наиболее развитым рабочим движением. Здесь Вайнкооп был безусловно прав, когда утверждал, что в этом смысле британское рабочее движение является решающим. В Англии мы переживаем сейчас начало новой главы рабочего движения. Мы еще не знаем в точности, откуда придет коммунистическая массовая партия в Англии—только через дверь ли Стюарта, Мак Мануса, или еще через какую-либо иную. И весьма возможно, товарищи, что коммунистическая массовая партия может появиться хотя бы еще через одну дверь—нельзя упускать этого из виду.

То, что сейчас происходит в Англии, имеет по меньшей мере такое же историческое значение, как то, что происходит в других странах Европы.

Я уже говорил германским товарищам: вполне естественно, что мы все привязаны к своей партии, к своей организации. Я привязан к Ленинграду, другие товарищи постоянно приводили примеры из Людвигсгафена или Гамбурга,—это понятно. Но, товарищи, при всем уважении к Людвигсгафену, Гамбургу, Ленинграду я все же открыто скажу, что и Лондон имеет некоторое значение и, право же, не меньшее, чем названные города.

То, что происходит в Англии, имеет всемирно-историческое значение. Мы не должны быть слепы, мы должны видеть это. Иначе мы должны были бы основать германско-российский, или хотя бы... только европейский Интернационал. Но мы основали нечто иное, мы основали Всемирный Интернационал, всемирную партию. Поэтому германские товарищи не должны говорить: „Что нам за дело до российских или до английских профсоюзов?“ Нам есть до них дело, так как они являются очень важной частью современного рабочего движения.

Что произошло нового? То, что Амстердамский Интернационал начинает распадаться, что в английском рабочем движении начался чрезвычайно важный процесс. Я не поддаюсь иллюзиям. Я безусловно уверен в том, что английские „левые,“ конечно,—еще не революционеры, что они пока

нелучше германских „левых“ социал-демократов. Но их появление—важное событие. Мы должны это понять, иначе мы не создадим пролетарского массового движения в Англии и тем более не вызовем там пролетарской революции.

Теперь российскому профессиональному движению делают предложение; я спрашиваю: имеет ли этот вопрос какое-либо значение хотя бы для России и для Англии? Да, и притом очень большое. Ответ, который российские профсоюзы дадут здесь, в Москве, будет иметь большие последствия в Лондоне.

Я спрашиваю, что же нужно ответить? Ответить нужно так, как требует точка зрения всего Интернационала. Некоторые думают, что здесь, быть может, имеют влияние дипломатические соображения. Это пустяки. Макдональд и его гвардия как чумы боятся сближения английского движения с нами.

Если в германском „меморандуме“ говорится, что сближение якобы помешает нам в деле мобилизации масс против „плана экспертов“, то я говорю: это такая святая простота, что я против этого не нахожу даже возражения. Совсем напротив, товарищ Геккерт. Вам, накопившему в Саксонии такой большой парламентский опыт (смех), не пристало проявлять такую святую наивность. Вы, действительно, думаете, что Макдональд, или Грассман, или „Форвертс“ искренно верят в союз между нами и ими? Это будет таким „союзом“, в котором эти господа потеряют добрую половину своих голосов.

Напротив, первым вопросом, который мы поставили бы этим господам, если бы дело дошло до переговоров, было бы следующее: а как же, господа, проект экспертов? Мы поставим их к барьеру, мы заставим их ответить, мы скажем им, какова политика II Амстердамского Интернационала в проблеме о проекте экспертов. Их политика—это политика 1914 года. Это—продолжение социал-предательства, только другими средствами. Это—тот же обман народных масс, как 4 августа 1914 года. Итак, эти господа хотят обделать это дело исподтишка. В тот момент, когда мы сможем где-либо поставить этот вопрос в международном масштабе, в затруднении будут они, а не мы.

Доводы германских товарищей неверны.

Таким образом, все эти аргументы, приведенные в германском меморандуме, весьма искусственны. Перед германскими товарищами стоит только одно препятствие. Оно заключается в том, что они сами, в глубине своей собственной партии, еще не отказались от „шумахерства“.

Мы должны быть благодарны Амстердамскому Интернационалу, хотя бы за то, что он дал нам случай еще раз на международном конгрессе ребром поставить этот вопрос перед германской партией. Если кто-либо действительно верит, что дело идет о брачном союзе с амстердамцами,— тогда дальше не о чем и разговаривать. Если бы я желал брака с амстердамцами, меня следовало бы выставить за дверь. Я, по крайней мере, сделал бы это с теми, кто действительно стремился бы к такому союзу.

Мы хотим направлять свое оружие так, как этого требует классовая борьба. А эти требования сейчас таковы, что мы обходным путем должны попытаться сохранить единство профсоюзов и завоевать большинство в них. Мы надеялись, что сможем победить лобовой атакой. Это не удалось. Теперь мы должны поставить тот же вопрос и пойти более медленным путем. Мы должны победить во что бы то ни стало. Кто искренно стоит за работу внутри профессиональных союзов своей страны, тот также искренно будет за тактику единства в международном масштабе. Это совершенно ясно. Только у того, у кого в национальном масштабе „болит живот“, может болеть и в интернациональном масштабе (смех, одобрение). В таких случаях и пишутся меморандумы о брачных союзах. Я полагаю, что этот эпизод должен быть совершенно ликвидирован с конца. Я не боюсь, что это может повредить германской партии. Это иллюзия. В тот момент, когда мы действительно распространим в массах этот лозунг единства международного профдвижения, господам с.-д. будет труднее бороться с вами так бесстыдно, как они это делают сейчас, если только этот вопрос действительно станет интернациональным.

Лозунг „единство профсоюзов“ несите в массы.

Только в одном пункте я могу согласиться с нашими германскими друзьями, а именно в том, что вопрос еще не подготовлен, и все это не должно обрушиться на массы в несколько недель. В этом они правы. Действительно, тут нужно действовать так, чтобы подготовить дело. Мы не должны начинать единый фронт только сверху,—это мы уже осудили,—мы должны вести подготовительную работу в массах в течение месяцев. Если германские товарищи предложат это, у нас моментально исчезнут все разногласия. Необходимо теперь же решить, что мы должны подготовить почву в массах, что мы в международном масштабе организуем пропаганду лозунга „единства профсоюзов“, что мы уже теперь начнем во всем мире устраивать митинги на эту тему, взрыхлим почву и затем уже начнем переговоры.

Нам нечего спешить. Но мы не должны также упускать из виду того, что здесь имеется нечто новое. На то мы и существуем, на то мы и вожди, на то мы и хотим быть вождями, чтобы видеть явления в самом их зародыше. Через два года это увидит даже дурак. Но тенденция уже теперь ясна. Нам нужно уже теперь предпринять кое-что новое.

Итак, будем подготовлять почву, пойдемте в массы с этим лозунгом единства. Нам нечего бояться. Пусть враги исключают нас; мы ответим на это массовой кампанией за единство в международном масштабе—в Англии, в Германии, во Франции, во всем мире.

В „меморандуме" сказано:

„Рабочие массы с известным недоверием относятся к политике маневров, которая не дает немедленных ощутимых результатов". Это не так. Рабочие —не дети. Они знают, что классовая борьба—это война, в которой нужна стратегия. Рабочие хорошо понимают это. Приведу небольшой пример. Каждый, кто знаком с психологией современного русского рабочего, знает, что политика нашей партии ни в одной области не пользуется такой популярностью в массах, как в области иностранной политики, т.-е. в том вопросе, где мы маневрируем в отношении к врагу. Массы любят это, они говорят себе: наша партия умеет маневрировать, она умеет и перехитрить врага и защитить наши интересы. Мне кажется, что и в Германии это так. Вы знаете, что нередко ошибки вождей сваливают на массы. Массы прекрасно поймут нашу политику по отношению к контрреволюционным вождям германских социал-демократов.

Надо ликвидировать „шумахерство" в международном масштабе.

Наша политика должна теперь состоять в решительной ликвидации „шумахерства" в германской партии и вообще во всем Интернационале. Препятствия велики. Буржуазия еще сильна. Она крахнет несомненно. Но нельзя преувеличивать развал буржуазии, чтобы не создавать иллюзий. Так дело не пойдет на лад. Буржуазия пока гораздо сильнее нас; она, конечно, погибнет, мы сломим ее, если не будем делать глупостей. Но величайшей опасностью для германской партии является сейчас недооценка сил буржуазии и с.-д. Мы понимаем революционные чувства, психологию германских рабочих; без них не было бы Коммунистического Интернационала. Но этого недостаточно. Нужно быть настоящими учениками Ленина и видеть в точном свете силу и хитрость буржуазии, а не недооценивать ее.

Итак, довольно „шумахерства" в национальном и интернациональном масштабе. Мы обсудим тот или иной шаг по отношению к амстердамцам, но не будем говорить,

что это должно привести к „брачному“ союзу с ними. Не на „крайне правый“ поворот, как сказал тов. Бордига, зовем мы вас, а вперед, против банды буржуазных лакеев, к завоеванию большинства в нынешних профсоюзах не только в национальном, но и в международном масштабе. (Продолжительные аплодисменты).

Парижская Коммуна живет в наших сердцах.

(Речь на Ходынке при поднесении французской компартией знамени парижских коммунаров московскому пролетариату).

Лучшие люди человечества, лучшие вожди и учителя международного пролетариата—Маркс и Ленин—учили нас уважать память парижских коммунаров, изучать опыт первого великого пролетарского восстания и смотреть на Парижскую Коммуну, как на прообраз грядущих великих пролетарских движений всего мира. Сегодня, через 53 года после восстания французских рабочих, знамя, облитое слезами и кровью лучшей части французского пролетариата, в присутствии конгресса Коминтерна и московского пролетариата передается в наши руки.

Обнажите головы перед памятью павших в 1871 г., перед памятью благороднейших и лучших сынов и дочерей французского пролетариата, указавших дорогу всему миру. Пусть знает рабочий класс Франции, что российский пролетариат смотрел и смотрит на французских рабочих и парижских коммунаров, как на своих предшественников и учителей.

Ни одному из движений иностранного пролетариата Владимир Ильич не уделял столько внимания, столько любви и изучения, как Парижской Коммуне; ни об одном из движений иностранного пролетариата Владимир Ильич не говорил с такой любовью, как о движении парижских рабочих.

Семя, брошенное парижскими коммунарами, взошло.

Десятки тысяч рабочих и работниц Парижа были расстреляны в зверской расправе белогвардейской буржуазией. Не осталось ни одной рабочей семьи в Париже, которая не принесла бы ту или другую жертву в 1871 г. И тем не менее французский рабочий класс вскоре вновь оправился, в нем живут великие героические традиции парижских коммунаров, олицетворяемые сейчас французской коммунистической партией.

Через несколько недель исполняется 60 лет со времени основания I Интернационала, I международного товари-

щества рабочих, во главе котораго стояли Маркс и Энгельс. Парижская Коммуна была высшим пунктом в великой и славной работе I Интернационала. III Интернационал воспринял славные традиции I международного товарищества рабочих: не даром же в уставе Коминтерна говорится, что мы берем на себя продолжение великого дела I Интернационала, а, значит, и великого дела Парижской Коммуны.

Не понадобится еще 53-х лет для того, чтобы знамя коммуны победило во всем мире. Для этого понадобится несомненно более короткий срок и порукой за это III Коммунистический Интернационал.

Коминтерн, товарищи, знает, что нас ждут еще тяжкие битвы. Сотни, тысячи, десятки тысяч рабочих мира томятся в тюрьмах и в капиталистической каторге, борясь за дело, начатое парижскими коммунарами и продолжаемое III Коммунистическим Интернационалом.

Великий пролетариат СССР клянется перед знаменем Парижской Коммуны, что он отдаст все для победы революции не только в Европе, но и во всем мире.

Память о настоящем собрании не умрет, и знамя парижских коммунаров будет храниться среди великих знамен русской революции как святыня

Я предлагаю, чтобы это знамя парижских коммунаров хранилось в склепе, где похоронен лучший вождь всего рабочего класса, В. И. Ленин. К знаменам ЦК нашей партии и Коминтерна, которые в настоящее время склонились у могилы Владимира Ильича, пусть прибавится великое знамя парижских коммунаров.

Да здравствует неувядаемая слава Парижской Коммуны!

Да здравствует победа рабочего класса во всем мире!

(Предложение тов. Зиновьева относительно помещения знамени у могилы Владимира Ильича встречается возгласами всеобщего одобрения).

Наши достижения.

(Речь при закрытии V конгресса Коминтерна).

Лицо III Интернационала.

Разрешите, товарищи, прежде всего поделиться с вами цитатой из одной статьи председателя II Интернационала, г-на Вандервельде. Несколько дней тому назад мне попала в руки статья г-на Вандервельде, которая озаглавлена: „Две фотографии“.

Г-н Вандервельде пишет: „В начале августа 1914 года в Вене собрался X конгресс II Интернационала; теперь, через 10 лет, конференция бюро Интернационала собралась также в Вене“. Вандервельде обращает внимание на 2 фотографии. Одна изображает бюро II Интернационала в его составе 1914 г. Вандервельде указывает, кого он на этой фотографии нашел. Это были: один—глава государства рейхспрезидент Эберт, 3 бывших и настоящих министра: Макдональд — в Англии, Стаунинг — в Дании и Брантинг — в Швеции и, наконец, 7 бывших членов различных правительств: Гед — во Франции, Немец — в Чехо-Словакии, Скаре — в Австрии, Каутский — в Германии (он тоже был министром), Вандервельде — в Бельгии и др.

Из членов бюро состава 1914 г. принадлежат к теперешнему составу бюро Интернационала, кроме Вандервельде, Сукуп из Чехо-Словакии, Сакизов из Болгарии и Трельстра из Голландии.

Другая фотография изображает членов Амстердамского конгресса в 1904 году. Рядом с Плехановым на ней мы видим делегата Катаяма, который теперь является коммунистом и членом исполкома Коминтерна.

Я думаю, товарищи, что мы в Коммунистическом Интернационале должны радоваться тому, что наши собрания представляют собой совершенно иную картину, чем ту, которую нарисовал Вандервельде. Можно действительно подумать, что лучший путь к посту главы государства или министров буржуазного правительства

лежит через школу исполнительного комитета II Интернационала.

Мы не должны не дооценивать того энтузиазма, тех чувств, которые царят на наших собраниях. Я видел сегодня в зале многих российских, немецких рабочих и рабочих других стран, участвовавших вероятно, не в одной битве и сегодня не способных без слез наблюдать те сцены братания и смычки различных национальных отрядов пролетариата, свидетелями которых мы здесь были.

Мне кажется, что те делегации, которые мы здесь видели, делегации, приветствующие от имени рабочих одной фабрики рабочих другой, от одной секции—представителей другой, от одного района, от одного центра рабочего движения—другие,—не являются случайностью. Только таким может и должен быть III Коммунистический Интернационал! Такие сцены братания, такие чувства немыслимы во II Интернационале. Это есть III Интернационал, каким мы его знаем, каким мы его хотим видеть.

Один из приветствовавших нас рабочих,—мне кажется, это даже был беспартийный рабочий,—сказал сегодня, к сожалению, он говорил по-русски, так что не все могли его понять: „Сделайте это так, как это сделал Ленин; он так спаял большевистскую партию, что сегодня она стоит перед нами, как крепкий слиток". Этот рабочий—металлист, и он взял пример из производственного процесса, как это всегда делают рабочие; он иллюстрировал им свою мысль, он сказал: „У нас, у металлистов, есть горячая пайка и есть холодная пайка. И вот Ленин учил вас делать горячую пайку. Коммунистический Интернационал должен свою организацию паять горячей пайкой".

Я думаю, товарищи, что на этом конгрессе, не смотря на все ошибки и недостатки, которые, конечно, у нас были, все мы хотели паять горячо. И мне кажется, что мы спаяли наш Интернационал горячей пайкой так, как нас учил этому Ленин, так, как этого требуют интересы рабочего класса. Товарищи, это самое важное. То, что мы делаем те или иные ошибки, не столь страшно: мы их исправим. Опыт международного рабочего движения поможет нам исправить их. Самое важное то, что наш Интернационал не является тем, чем был II Интернационал, о котором Макс Адлер говорил, что он без души. Самое важное у нас то, что мы именно горячо спаиваем, что все, что мы делаем, мы делаем с душой, что мы действительно говорим от души борющегося рабочего класса так, как он есть, с его слабыми и сильными сторонами. Это самое главное. Мне кажется, товарищи, что все мы здесь со всеми нашими слабыми и сильными сторонами совместно этого хотели и действительно выполнили.

Другой товарищ из беспартийных рабочих выразил здесь в двух словах все настроение русского рабочего класса. Он сказал: „Мы, русские рабочие, находились раньше в очень тяжелом положении; мы должны были бороться плохенькими революверами против тяжелых орудий; мы были в опаснейших положениях; теперь мы следим с величайшим вниманием за борьбой международного пролетариата.

Когда мы видим, что международный пролетариат одерживает в том или ином месте победу над буржуазией, мы все сияем. Когда мы видим что победу одерживает буржуазия, голова русского рабочего на минуту опускается; но мы крепко уверены, что, несмотря ни на что, окончательная победа принадлежит вам и нам“.

Можно ли проще, ярче и лучше выразить то искреннее чувство международной солидарности, которым проникнут русский рабочий класс и лучшая часть рабочего класса всего мира, чем это сделал этот беспартийный рабочий? Все эти незабываемые моменты вашего конгресса составляют важную часть нашей работы, не менее важную, чем тезисы, ибо тезисы есть не больше, чем простая бумажка, если нет в них души, если мы не паяем их горячей пайкой, если искры ленинизма, как это сказал другой рабочий,—не сверкают среди нас, если они не зажигают все лучшее, честное и революционное, что есть в интернациональном пролетариате.

Достижения V конгресса.

Каковы итоги нашего конгресса? Самым важным, помоему, является то, что мы вновь собрались вместе, вновь соединились через полтора года жесточайшей реакции. Мы все убедились, что наши силы не сломлены, что наши силы выросли.

Во-вторых, наша работа заключалась в выправлении, очищении нашей тактики единого фронта от оппортунистических уклонов. Это важный момент. Это есть наше оружие, и оно должно быть чистым и блестеть, дабы мы могли тактику коммунизма применять так, чтобы она нас привела к действительной победе

Третьим достижением является подготовка Коминтерна к фазе так называемого „демократического пацифизма“. Мы должны дать себе ясный отчет в теперешнем международном положении, чтобы не итти вслепую на поле битвы, чтобы наше руководство голова—мозг рабочего класса — сумел бы выполнить свою историческую миссию.

Четвертым и важнейшим моментом содержания наших работ является работа по большевизации партии. Это, по существу, и было лозунгом V мирового конгресса. Он будет сейчас основным для ряда месяцев и, может быт, лет. Добрая воля к этому у нас есть. Мы все хотим создать действительно большевистские партии. Но трудности при этом часто велики. Традиции рабочего движения в различных странах различны. Оппортунизм все еще имеет часто глубокие корни в нашем движении. Это есть пережитки буржуазной идеологии в наших рядах. Тут дело не только в злой воле, ибо эти тенденции исходят из той среды, в которой мы живем. Мы живем, мы дышим в буржуазном обществе, отсюда пережитки буржуазной идеологии, отсюда оппортунизм.

Пятым важным пунктом вашей работы является подтверждение лозунга „к массам". Это, по существу, есть совершенно простая вещь, это звучит очень элементарно, но этот лозунг является важнейшим из наших прежних лозунгов. К прежнему нашему лозунгу „к массам" мы прибавили: „к массам посредством большевизации партии".

Привлечение рабочих в руководящие центры.

Этот лозунг—важнейшее, что сказал конгресс. Мы должны его сделать близким для рабочих всего мира. На нашем конгрессе 44 проц. делегатов являются рабочими. Конгресс представляет собой собрание отборнейших из отборных в коммунистических партиях. И если мы на этом международном коммунистическом конгрессе имеем 44 проц. рабочих—без российской делегации, которая, конечно, этот процент увеличит—то мы можем сказать: этого еще недостаточно, но все же это показывает, каков политический облик Коммунистического Интернационала.

Мы должны выковать новых вождей из среды самой массы. Никто не может повести международный рабочий класс к победе, кроме самого рабочего класса. Это могут сделать только избранные из фабричных рабочих, которые должны быть привлечены к руководству со всеми их недостатками, иногда даже с предрассудками, но с тем железным кулаком настоящих рабочих, какими мы их знаем, ибо они являются единственным классом, которому принадлежит историческая миссия победы над буржуазией.

По этому пути мы и пойдем дальше. Мы будем требовать, чтобы в руководстве всех коммунистических партий

было **возможно больше настоящих рабочих**, чтобы во всех центральных органах наших партий, там, где это нужно, подуло бы свежим ветром.

Мы растем различными путями, мы растем через юношеские организации, как мы в этом убедились на настоящем конгрессе. Мы растем через Интернационал профсоюзов. Мы приобретаем новые силы через посредство крестьянского Интернационала, который не является чистой коммунистической организацией, но который об'единяет все революционное в крестьянстве.

Уже вполне конкретно виден тот путь, на котором мы соберем все наши силы, чтобы спаять их в один кулак и нанести решительный удар буржуазии. Мы будем расти через организации молодежи, через Профинтерн, через партии Дальнего и Ближнего Востока, через те национальные группы, которые численно еще невелики, но которые имеют огромное значение для нас; мы будем расти через крестьянский Интернационал. Это те ручьи, которые сливаются в мощный поток победоносной пролетарской революции.

Демонстрация против войны.

Я хочу закончить напоминанием о **неделе демонстрации по поводу 10-летней годовщины об'явления войны**. Все мы хотим быть ленинцами. Учение Ленина о войне является одним из важнейших элементов ленинизма. Я не буду сейчас говорить подробно об этом учении, но вы знаете, что оно стало интернациональным. И речь сейчас идет о том, что мы должны использовать первую возможность для того, чтобы показать, что мы хотим стать международной ленинской партией. Мы теперь сумеем оценить действительные достижения вашей партии по тому, как они проявят себя во время этой недели демонстрации против войны, недели вашей демонстрации, вашей ненависти против буржуазии и контрреволюционных вождей социал-демократических партий. Я думаю, что товарищи на местах напрягут все усилия, чтобы провести эту международную демонстрацию, сделать из нее действительно мощную демонстрацию Коммунистического Интернационала. (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты. Все делегаты поют „Интернационал“).

Основные итоги V конгресса Коминтерна.

(Доклад на собрании активных работников Ленинградской организации).

Суровая закалка коммунистических партий.

Товарищи, 5-й конгресс Коминтерна, несомненно, принадлежит к числу тех, которые войдут очень важной вехой в историю международного пролетарского движения. Конгресс собрался приблизительно после полутора лет. Эти годы были решающим временем испытания для целого ряда партий, и, поэтому, естественно, что на конгрессе прежде всего произошла перекличка коммунистических сил всего мира.

За истекшее время целый ряд партий пережил нелегальный период. Подполье было настоящей проверкой жизненности, крепости, устойчивости для них. Количественно международное коммунистическое движение чрезвычайно разрослось и возмужало. Целый ряд партий пережил за это время самый тяжелый период и, получив надлежащую закалку в подполье, вышел гораздо более сильным, чем это было раньше. Я возьму только один пример, наиболее известный всем рабочим,—итальянское рабочее движение.

Трудно себе представить что-нибудь более тяжелое, чем режим фашистов под руководством бывшего социалиста Муссолини. В лице Муссолини мы имеем соединение всего, что есть наиболее реакционного и предательского в буржуазном строе Он насквозь знает всех наших людей, ибо был вождем социалистической партии, он знает сильные и слабые стороны рабочего движения; он имеет в своем распоряжении 300.000 головорезов. Коммунистическая партия в Италии была загнана в неслыханно тяжелое подполье. Коммунистов в Италии убивали направо и налево за малейшие, даже с их точки зрения, провинности. И что же? Партия не только вышла с честью из этого тяжелого положения, но и окрепла.

Теперь, когда режим Муссолини стал ослабевать, можно начать подводить итоги. Центральный комитет компартии при диктатуре Муссолини почти все время сидел в тюрьме. В ряде фабрично-заводских центров и захолустьях ни один член ЦК в течение $1^1/_2$ лет не мог быть, и многие из них считали, что в данных фабричных районах совершенно заглохла работа. Все были уверены, что организации под террором фашистов развалились, на самом деле оказалось обратное—они возросли и возмужали. Рабочие, несмотря на всю тягость фашистского террора, как муравьи трудились над своей партийной организацией. Они камень за камнем закладывали основы коммунистической организации. Теперь, когда фашистский режим пошел на убыль и наша партия вновь смогла несколько легализоваться, она первым делом поставила опять ежедневную коммунистическую газету. Во время с'езда мы получили известия, что в начале коммунистическая газета имела тираж в 30.000. Теперь он возрос до 70.000. Партия ныне пожинает то, что она посеяла за эти годы.

На примере итальянской партии можно иллюстрировать то, что имело место в целом ряде других стран. Такое же положение было в Германии, где партии пришлось пройти через полосу неслыханно тяжелых гонений, продолжающихся изо дня в день и теперь. Целый ряд партий, как итальянская, германская, юго-славская, чехо-словацкая, польская, американская, болгарская, румынская, чешская и др., прошли эту суровую закалку.

Между IV и V конгрессами целый ряд партий находился в подполье. Этот период был решающим испытанием для нашей партии. Выдержат ли они? Не разобьются ли, сумеют ли рабочие справиться со всеми этими трудностями?

Первая итоговая рубрика работ V конгресса и заключается в том, что на этот вопрос: выдержат ли партии,—все партии ответили утвердительно.

Итак, первое впечатление V конгресса: наши братские партии растут, крепнут и мужают. Всюду, где были брошены первые зерна, теперь мы уже имеем значительные всходы. Режим репрессий закаляет наши партии, делает их более твердыми, упругими, большевистскими.

Трудности при выработке програмы.

Содержание работ V конгресса было очень разносторонне. Вновь был поставлен вопрос о программе Коммунистического Интернационала. Мы работаем над этим вопросом уже несколько лет. Повидимому, придется работать еще год-два раньше, чем окончательно будет сформулирована программа Коммунистического Интернационала.

Трудности заключаются в том, что международное рабочее движение переживает различные стадии в разных странах. В нашей стране мы вырвали власть из рук буржуазии. На одной шестой части земного шара существует советская власть. На остальных $^5/_6$—наши партии живут под различными режимами, в различной стадии своего движения. Здесь большая пестрота. Одно положение мы имеем в Германии, другое, скажем, на Балканах, совсем иное в Японии, Америке и т. д. Нам нужна такая программа Коммунистического Интернационала, которая позволила бы подытожить состояние революционного движения во всемирном масштабе.

На IV конгрессе покойный В. И. сказал, что нам не следует слишком торопиться с окончательной выработкой программы Коминтерна, хотя бы потому, что линию, как он сказал, отступления мы еще не наметили совсем ясно. Когда идешь в бой, надо иметь план отступления. Он имел в виду наш НЭП, который не раз В. И. называл отступлением, и говорил, что мы совершили натиск на буржуазный строй, завоевали победу, а потом, под влиянием целого ряда обстоятельств, были вынуждены маневрировать, сделали известные уступки буржуазии, ввели так называемый НЭП. Мы должны имет линию отступления и в международном масштабе для промышленных, аграрных и полуаграрных стран. Это замечание дает понять, какие большие трудности встречаются при выработке программы. Мы поэтому, производя кропотливую работу в течение вот уже нескольких лет, не слишком торопимся с этим делом.

Нынешний V конгресс утвердил проект программы, который вы на-днях сможете прочитать, и поставил его на дискуссию всех партий, входящих в Коминтерн. Вероятно, на следующем с‘езде, который будет через два года (мы изменили устав и решили созывать всемирные конгрессы Коминтерна раз в два года), мы будем в состоянии окончательно выработать нашу программу.

Не приходится говорить о том, что вырабатывать ее без В. И.—дело крайне нелегкое. Над программой нашей собственной партии работал больше всех, разумеется, В. И., а когда нам надо выработать такую программу для всего рабочего движения и вообще для революционного движения всего мира,—эта задача еще много-много труднее. Нынешний проект программы, однако, был известен В. И. в основных чертах, он два раза его читал и в основном одобрил. Это облегчило нам задачу потому, что, разумеется, колоссальная ответственность ложится на каждого из нас в связи с выработкой программы для рабочих всего мира, а теперь эта ответственность в значительной степени облегчается тем, что в основном В. И. успел ознакомиться с планом программы и одобрил ее.

Две точки зрения на программу.

Для II Интернационала, для отдельных партий, входящих в него, дело с выработкой программы обстоит гораздо легче. Германская социал-демократия в прошлом году изменила свою программу. Для них дело это простое потому, что они совершают попятное движение, они эволюционируют назад, они идут от старой Эрфуртской социал-демократической программы к программам буржуазным. Переработка программы германской с.-д. на прошлогоднем с‘езде дошла до того, что они вычеркнули из нее даже выражение „классовая борьба“. Если вы присмотритесь к теоретическому уровню с.-д. партии, к работе ее мысли, вы увидите, что даже в терминологии они перестают быть марксистами. Даже такое выражение, как „классовая борьба“ они тщательно выскабливают из своей программы. Происходит превращение старых с.-д. партий в трудовистские, мелкобуржуазные, типа макдональдовской рабочей партии. Нынешняя эволюция с.-д. партии идет слева направо, т.-е. от мелкобуржуазных социал-демократических партий с марксистской фразеологией меньшевистского типа они развиваются направо, выкидывают упоминание о классовой борьбе, выкидывают марксистские выражения, всю марксистскую терминологию, постепенно развиваются в бесформенные трудовистские, ярко выраженные мелкобуржуазные партии.

Мы, выросшие из недр II Интернационала, проходим эволюцию влево, постепенно развиваясь из с.-д. партии в коммунистические партии. В целом ряде стран мы уже стали таковыми, а в других—вопрос стоит о том, чтобы быть не коммунистами вообще, а коммунистами-большевиками российского типа, коммунистами-ленинцами. Если учесть все эти обстоятельства, принять во внимание, что рабочее движение и социализм в самом широком смысле слова в связи с войной вообще переживали большой идейный кризис, что во время войны переоценивались все ценности, если припомнить, что и наша революция идет непроторенными путями, что нам пришлось повернуть к НЭП‘у, что, разумеется, отражается и на идейно-теоретической стороне,— тогда понятно станет, какое трудное дело—выработка программы для Коммунистического Интернационала.

Тут мы ощупываем дорогу шаг за шагом, предпочитаем дать еще один-два года времени на работу коллективной мысли для рабочих-коммунистов всего мира, дабы получить основной документ.

Аграрный кризис и революционизирование крестьянства.

Второй по важности вопрос, обсуждавшийся на с‘езде, это—мировое экономическое положение. Как марксисты,

как коммунисты-большевики, мы привыкли тактические выводы строить на изучении экономики и на состоянии хозяйства во всем мире.

V конгресс прежде всего отметил, что ныне мы переживаем в мировом масштабе аграрный кризис. „Ножницы“, о которых здесь так много говорили, стали всемирным явлением. „Ножницы“ эти теперь почти во всех аграрных, полуаграрных и промышленных странах. Происходит процесс быстрого разорения среднего собственника-землевладельца в целом ряде стран, не говоря уже о мелком. Аграрный кризис, принявший всемирный масштаб, это—важнейшее новое обстоятельство, до сих пор нами мало учитываемое. Он создает для нас впервые обстановку, при которой мы можем завоевать значительные слои крестьян на сторону революции. Всемирный аграрный кризис отразился в Америке так, что тамошнее крестьянство, вернее, фермерство (у них нет крестьян, у них есть фермеры), на 40 проц. пролетаризировалось. Оно находится в долгу как в шелку у земельных банков. Оно не может платить процентов и разоряется все больше и больше. Таким образом, несколько миллионов фермеров волей-неволей сразу толкаются аграрным кризисом в сторону рабочего класса.

Первое, что ответил конгресс, это—распространение аграрного кризиса почти до всемирного масштаба. Конечно, каждая страна разоряется по своему, в каждой стране по своему обнаруживается роль „ножниц“, но это явление само по себе всеобщее.

Промышленный кризис.

Второе—начало нового большого промышленного кризиса в Америке. Америка больше всех выиграла во всемирной империалистической войне, она стала самой сильной и полнокровной промышленной страной. Ее промышленные кризисы и прежде отражались на развитии хозяйства во всей Европе. Обычно волна кризиса расходится концентрическими кругами из Америки по всей Европе. После войны это сказывается с еще большой силой. В Америке начался и за последние месяцы растет с ужасной быстротой промышленный кризис невиданной силы. Между тем, в отдельных странах Европы было констатировано частичное оживление, при чем это дело происходит так, что в одной стране оживление происходит за счет падения промышленности в соседней. В общем и целом мы попрежнему находимся в периоде промышленного кризиса. Но внутри этой полосы кризиса в отдельных странах иногда ртутный столбик идет чуточку вверх, но зато тут же рядом в соседней стране он падает.

За истекший год в трех странах валюта крахнула совершенно, потом чуточку поднялась, а теперь опять падает даже в такой богатой стране, как Франция, не потерпевшая поражения в войне.

Отдельное оживление в европейских странах не говорит об укреплении капитализма, о том, что наступили нормальные времена. На конгрессе мы говорили: если это нормальные времена, когда в течение года крахнули три валюты, если заработная плата идет вниз, если во всем мире мы переживаем аграрный кризис,—если все это свойственно нормальному капитализму, то тогда можно сказать, что они вошли в „нормальные времена“. Это все что угодно, только не нормальное развитие.

Когда мы переживаем всемирный аграрный кризис, отражающийся на состоянии промышленности, когда валюта лопается на наших глазах, когда налицо имеется семь миллионов безработных, когда заработная плата беспрерывно падает, а стачечное движение растет, когда мирового хозяйства не существует больше, ибо оно, благодаря версальскому насильническому миру, давным-давно распалось на отдельные составные части,—тогда мы смело можем сказать, что капитализму далеко до его под‘ема. Кривой капитализма ныне суждено итти только вниз.

Полнокровного капитализма нет.

Мы видим громадное обострение классовой борьбы во всем мире; если все это называть нормальным развитием, тогда мы не завидуем ему. На самом деле это есть продолжение кризиса, начавшегося во время войны, из которого спасения капитализму нет. Капитализм в той или другой стране может вывернуться на один годик, на два, на пять, он может за счет разорения народа продержаться некоторое время. Одна страна, более богатая, может кое-как продержаться 1—2 года, к этому сводится борьба Франции и Германии; но весь капитализм находится в периоде агонии, в периоде кризиса, при последнем издыхании, при чем „последнее издыхание“ не следует понимать, что это—дело месяца, это может затянуться на несколько лет, но во всяком случае полнокровного капитализма, существовавшего до войны, нет и в помине. Нынешний промышленный кризис это—не те кризисы, которые прежде повторялись один раз в течение 10—12 лет; это—не те кризисы, которые случались в 40-х годах, когда Маркс стал изучать капитализм в Англии. Это—капитализм послевоенный, который вышел из состояния равновесия. Маятник его благополучия судорожно качается то в левую, то в правую сторону, тщетно стараясь притти в состояние равновесия.

Между фашизмом и рабочим правительством.

Третий вопрос, стоявший перед Коминтерном, — это мировое политическое положение, характеризующееся полосой „демократического пацифизма".

В целом ряде стран мы видим сейчас некоторый расцвет буржуазной демократии.

Если пройтись по всей карте Европы, если присмотреться к состоянию политической борьбы в Европе, к составу правительств, к парламенту, к результатам выборов в целом ряде стран, то можно сказать, что европейский капитализм живет между фашизмом и между „рабочим правительством". Между этими двумя крайностями раскачивается маятник политической жизни нынешней Европы. Вы видите меньшевистское рабочее правительство в Англии, в крупнейшей стране буржуазной Европы; такое же в Дании; подобное правительство будет скоро в Бельгии, где Вандервельде собирается сейчас стать у власти. В некоторых странах меньшевизм с левым крылом буржуазии образует левый блок; там меньшевики в правительство не входят, потому что боятся, что рабочие дадут им по шапке, они лишь поддерживают правительство, но нелегально, как делали меньшевики в начале революции, когда они прямо не входили в правительство, чтобы не „запачкаться" перед рабочими, но поддерживали его постольку, поскольку. Там вы видите нечто вроде коалиционного мелкобуржуазного правительства.

В Италии тоже начинает меняться картина. Там скоро будет перемена декораций. Отраженным образом это меняется в Чехо-Словакии, в Польше, всецело зависящей от буржуазии Франции и Англии. Таким образом, мы стоим перед новой полосой некоторого возрождения буржуазной демократии и возврата к мещанскому меньшевистскому правительству.

Что знаменует собой эта полоса? Означает ли это, что капитализм окреп, оправился, что он хочет управлять более нормальным способом? Как отразилось это на экономическом положении? Это был главный вопрос на конгрессе потому, что это—ключ к всей нашей тактике.

Мы думаем, что нынешняя пацифистско-мещанская-меньшевистская полоса развития есть один из признаков страшного кризиса капитализма, его постепенного распада. С тех пор, как наметилась эпоха мировой революции, мы видим, что капитализм колеблется между двумя тактиками. У буржуазии, взятой в мировом масштабе, мы наблюдаем две линии политики, между которыми она колеблется: одна линия, олицетворяемая Ллойд-Джорджем в Англии, другая— лучше всего олицетворяющаяся на другом полюсе Пуанкаре— во Франции. Это—люди одного и того же класса, это—

отдельные оттенки мысли внутри одного класса—буржуазии; это—два метода буржуазной политики. Один можно назвать реформистским методом, это—метод Ллойд-Джорджа, а другой — брутально-реакционный метод, олицетворяемый Пуанкаре. И тот и другой попеременно применяются буржуазией, но колебания эти зависят от мировой обстановки. Когда буржуазный класс видит, что дело плохо, что дело „табак", что повсюду назревают то тут, то там силы революции, тогда наиболее даровитые вожди буржуазии начинают политику „замирения" путем подкупа рабочей аристократии. Этот метод, который присущ Ллойд-Джорджу,—метод реформистский. В то же время на другом полюсе зарождается решение до конца раздавить гидру революции в самом начале, наступить на горло, бороться открыто солдафонскими мерами. На одном полюсе—Ллойд-Джордж, на другом Пуанкаре, это—единомышленники.

Разделяй, чтобы властвовать.

Теперь мы видим усиление левого реформистского крыла буржуазии. Естественно, что чем больше будет нажимать рабочий класс, тем больше будет колебаний, тем больше маятник будет итти в сторону политики левого крыла буржуазии. Мы думаем, что нынешний расцвет меньшевизма в Европе, появление рабочего правительства или левого блока—это есть признак колебания в рядах врага, в рядах вождей буржуазий. Это есть попытка замирить классы, пролить некоторое количество масла на разбушевавшуюся стихию, которая завтра разбушуется гораздо сильнее. Отсюда появление у власти меньшевиков.

Мы видели меньшевиков в первый раз во время войны. Французская буржуазия брала в министерство французских меньшевиков, не скрывая, что она хочет их эксплоатировать, выжать, как лимон, и выбросить в помойку, использовав их против немецкого рабочего класса. Когда царизм призывал Кузьму Гвоздева в военно-промышленный комитет, то это нужно было для того, чтобы рабочий не бастовал, поэтому они считали нужным подмигнуть ему и пригласить его к организации классового сотрудничества.

Нынешние „нормальные времена" далеко ненормальны.

Во время войны все это было понятно.

1924 год — нормальный год. Войны нет. Буржуазия якобы чувствует себя в седле крепко. Почему же она теперь в Англии приглашает Макдональда, в Бельгии скоро будет Вандервельде, во Франции — Рэнодель? Почему же теперь во второй раз меньшевиков зовут к власти? Мы думаем,

что их зовут по второму разу именно потому, что нынешние нормальные времена в самом деле далеко не нормальны. Буржуазия не может выпутаться из последствий мировой войны. Она запуталась экономически, а потому вынуждена путаться и политически. Она чувствует, что рабочее движение нарастает, но оно еще не приняло бурных форм, не вылилось прямо в гражданскую войну, в большевистское восстание. Она видит, что рабочий класс выжидает, что он отдыхает после войны, набирается сил, строит коммунистические партии, пользуясь передышкой, и она предчувствует, что не сегодня-завтра, не через год—два грянет гром. И в предчувствии этого вожди буржуазии ищут путей, как бы на кривой об'ехать историю, и приходят к единственному с их точки зрения правильному выводу, что надо попытаться разделить, расслоить рабочий класс. „Разделяй, чтобы властвовать". Для этого надо взять правое крыло рабочих, руководимое меньшевиками, напристяжку, запрячь их, чтобы они везли буржуазный воз. Отсюда и их склонность к рабочему правительству и левому блоку. Вот почему во второй раз господа меньшевики опять чувствуют себя именинниками, чистят цилиндры, рассматривают портфели. Одни из них уже попали в буржуазные министерства, а другие думают, что они не сегодня-завтра попадут туда.

Мы говорим: да, мы видим теперь подобие демократическо-пацифистской полосы, но надолго этого не хватит. В некоторых странах не хватит даже на год-два. Игра очень легко срывается. Конечно, поскольку дело идет о меньшевиках, сидящих в министерствах, их легко купить; но поскольку дело идет о больших слоях рабочих, то это не так легко.

Назревание событий внутри рабочего класса.

Как будет происходить дело? Сейчас в ряде стран буржуазия попробовала управлять через фашистов. Но вышло — она пробует управлять через меньшевиков. На самом деле дело будет происходить так, что меньшевики будут становиться все больше и больше фашистами, и в некоторых странах они переиродили самого Ирода, т.-е. стали большими фашистами, чем сами фашисты.

Как руководители международного пролетариата, мы должны иметь в виду, что переплет очень сложный, что не так просто и по одной доске пройти. Мы должны учиться разбираться в этом переплете, почему год-два тому назад в моде был фашизм, почему сейчас в моде меньшевизм, так называемое рабочее правительство, и почему завтра меньшевики опять перелицуются под фашистов. Вы думаете что Муссолини не заявлял себя меньшевиком? Он заявлял:

разве я держусь лично за власть, я желаю только блага всему народу. Он предложил шесть портфелей представителям оппозиции. Вы увидите, что Муссолини еще обернется и вынырнет демократом. Игра эта дешево стоит, но мы должны видеть, что означают эти перемены, что означает эта рябь на поверхности, эта игра сил, превращающая Макдональда в фигляра при короле Георге, а Эллен Паркинсона, видного деятеля союза горнорабочих, — в контролеры королевского домашнего хозяйства. (Смех).

Что означает по сути дела эта рябь на поверхности, эти капризы истории, в смысле соотношения сил в глубинах народа? Вот что надо понять. Это — главный вопрос, стоявший перед конгрессом. И конгресс учитывал, что эти явления знаменуют назревание глубоких событий внутри рабочего класса. Назревание это, быть может, потребует еще года или больше, мы этого не знаем. Но мы предсказываем, что эта демократически-пацифистская волна будет недолговечна. Демократы в некоторых странах оказываются больше фашистами, чем сами фашисты. Начинается дифференциация внутри самого меньшевистского лагеря. Наиболее честные элементы начинают переходить к нам, как это случилось в Англии. Один из английских министров, Сноудэн, предсказывал, что самую большую критику правительства Макдональда встретит со стороны левых.

Вот почему перед нами стоит задача видеть вещи, как они есть, и оценивать по ним все состояние классовых сил в европейском масштабе.

Чистка тактического оружия.

Отсюда вытекает и наша тактика. 4-й и самый главный пункт порядка дня V конгресса Коминтерна был вопрос о тактике. Можно сказать, что конгресс занялся чисткой нашего тактического оружия, которое кое-где стало ржаветь. Я имею в виду тактику единого фронта. Конгресс считает, что тактика единого фронта остается правильной и теперь, в момент, когда мы переживаем полосу демократического пацифизма. Как раз в ту минуту, когда меньшевистские верхушки запутываются в правительственных комбинациях с буржуазией, в это время низы рабочих, идущие еще с меньшевиками, постепенно, шаг за шагом будут все больше и больше примыкать к нам в экономической, а потом и политической борьбе, и это создает идеальное положение для применения тактики единого фронта. Если их вожди смотрят, как бы угодить английскому королю и буржуазии, а их низы смотрят, как бы побороть безработицу, как бы отстоять восьмичасовой рабочий день, это и есть то положение, когда меньшевизм будет растерт

между нами и мировой реакцией. Между пролетарским молотом и буржуазной наковальней меньшевизм будет раздавлен. Здесь не раз говорилось о тактике единого фронта и указывалось, что она есть большой тактический маневр для определения большевистских сил. Мы обращаемся к рабочим-меньшевикам и говорим: давайте вместе бороться против буржуазии. Вы—не коммунисты, давайте будем бороться за восьмичасовой рабочий день, за кусок хлеба, давайте отстаивать свою заработную плату, давайте за самые элементарные рабочие требования бороться вместе. А так как их вожди давным-давно продаются и продались буржуазии, мы знали, что из такого простого предложения совместной экономической борьбы получится. Мы постепенно отвоевывали рабочих-меньшевиков, привлекая их на нашу сторону. Это называется тактикой единого фронта.

Случилось так, что часть наших товарищей из правого крыла начала толковать, что это не тактический прием, а что мы действительно желаем честного об'единения с меньшевиками.

В особенности это обнаружилось при толковании лозунга—рабочее и рабоче-крестьянское правительство.

Вы знаете, что за время нашего существования в течение 2—3 лет мы выдвигали лозунг—рабочее правительство, а потом выдвинули лозунг—рабоче-крестьянское правительство, и стали защищать его. Конечно, мы не отказались от диктатуры пролетариата, но в интересах более легкого усвоения для рабочих масс и большей доступности их пониманию мы выбираем более понятный термин. Я буду иллюстрировать это на судьбах нашей собственной революции.

Когда мы в мае—июне 17 года выдвигали лозунг—долой 10 министров-капиталистов—то что это значило? Разве это значило, что мы хотим убрать только этих 10, а в остальном помириться? Нет, это было псевдонимом диктатуры пролетариата потому, что смахнуть 10 министров-капиталистов в той обстановке означало свергнуть власть капиталистов, разорвать союз с буржуазией, на котором держался Керенский. Это значило—прорваться к диктатуре пролетариата. Почему мы говорили: долой 10 министров-капиталистов, а не говорили: да здравствует диктатура пролетариата? Потому, что „диктатуру пролетариата“ понимали тогда в Питере 15—20 тысяч рабочих, а „долой министров-капиталистов“ понимал самый неразвитой пролетарий и весь трудовой народ. Я потом читал в „Истории Русской Революции“, кажется, Милюкова, где он говорил: „долой 10 министров-капиталистов... трудно себе представить более утонченную демагогию, чем этот лозунг“.

(Смех). Особенно с их точки зрения это была страшная демагогия. Люди, дескать, сумели выразиться так, что их лозунг лезет прямо в душу, и не только коммунистам, но каждому трудящемуся. Это, товарищи, значит—быть настоящей революционной массовой партией, чтобы уметь говорить с народом не по-латыни, а чтобы уметь латинские слова в роде диктатуры перевести на язык, понятный народным массам. Вот почему в мае—июне 1917 г. вместо того, чтобы говорить по-латыни—да здравствует диктатура пролетариата, что было понятно только десятку тысяч передовиков пролетариата, мы говорили—„долой десять министров-капиталистов“

Мы говорили рабочим, среди которых была большая часть меньшевиков, что наш лозунг—долой десять министров-капиталистов. Неужели вам нравятся Терещенки, Милюковы и проч.? На этом мы собрали массы вокруг себя, а Керенскому оставалось только смотреть на Марсовом поле и удивляться, почему десятки тысяч идут под нашими знаменами. Но к октябрю, когда советы приобрели громадную популярность, мы уже говорили: „вся власть советам“. Это был центральный лозунг, это был магнит, притягивавший всех к нам. Придет момент, когда и в Западной Европе мы скажем,—„вся власть советам“, но для этого надо очень немногое: чтобы советы были. Вот когда у нас советы были и когда рабочие к ним привыкли, когда туда вошли передовики рабочего класса, когда мы, просуществовав несколько месяцев, завоевав доверие к советам, мы сказали: „вся власть советам“, весь народ понимал этот лозунг. И когда мы теперь действуем на арене всей Европы, в период известного затишья, когда рабочий класс отброшен назад, а буржуазия, худо или хорошо, удержалась в седле после войны, нам приходится свои лозунги формулировать так, чтобы они достукались до мозга возможно более широких слоев рабочих, и не только коммунистов-рабочих, но и рабочих беспартийных.

Единый фронт не по-латыни.

Вот таким путем мы добрели до лозунга сначала рабочего, потом рабоче-крестьянского правительства. Другими словами, коммунисты обращаются к рабочим и говорят: вот у вас в Германии до 40 проц. рабочих. Почему там должны управлять Сект или банкиры? Вы не хотите быть коммунистами, вы говорите, что коммунисты это—гражданская война, а вы надеетесь обойтись без нее. Но вы хотите единого фронта. Давайте, помиримся на рабочем правительстве. Пусть там будут и коммунисты, и ваши эс-деки, даже христианские социалисты,—поскольку есть такие рабочие

союзы,—пускай образуют рабочее правительство. Но какое? Конечно, не такое, как Макдональд, который угождает королю. Мы выдвигаем только 3 условия: 1) разоружение буржуазии и белогвардейцев (смех); это всякий рабочий поймет, так как если их не разоружить, они нас разоружат и перебьют; 2) вооружение рабочих потому, что надо же защищаться (смех, аплодисменты); 3) третье условие—насчет налогов: расплату за войну меньшевики пытаются возложить на рабочих, а мы предлагаем рабочим и рабочему правительству, чтобы они возложили налоги на богачей. Какое рабочее сердце удержится от того, что бы не сказать—правильно? (Аплодисменты). Конечно, возложить налоги, да еще за войну, можно только на буржуазию.

Вот примерно условия, выдвинутые Коминтерном при образовании рабочего правительства.

Зачем это делаем? Конечно, господа меньшевики думают так же, как Милюков, про лозунг „долой десять министров-капиталистов". Они полагают, что большевики развивают презренную демагогию, что они обманывают рабочих. Они хотят, чтобы мы разговаривали с рабочими на языке китайской грамоты, а они через попов, парламентариев, театры и бульварные газеты будут околпачивать народ. Мы же, как авангард рабочего класса, говорим, что если бы мы имели за собой весь рабочий класс, мы бы вас спихнули в пять минут. Ваше счастье и наше несчастье в том, что отсталые слои рабочих еще не все понимают происходящее. Им надо еще об'яснить суть, и мы приложим все усилия к тому, чтобы они поняли положение.

Если социал-демократические рабочие в Германии верят в свою партию, существующую 50 лет, мы говорим им: хорошо, вы верите в вашу партию, мы готовы с вашими вождями, хотя они и мошенники, сесть за один стол и разговаривать о создании рабочего правительства. Мы не предлагаем советской власти и диктатуры пролетариата, мы предлагаем немногое—вооружить рабочих, разоружить белогвардейцев, переложить налоги на богачей—согласны или нет? (Аплодисменты). Из ста рабочих-эсдеков, мы убеждены, все ответят согласием, а их вожди будут кричать, что мы—подлые большевики, что мы их подучиваем из Москвы. Но это отнюдь не хитрость с нашей стороны. Конечно, нам надо разоблачить, прижать их к стене перед трудящимися массами, ибо они живут только обманом. Это на ученом языке называется—стратегический маневр. На войне по военному. Только тот маневр хорош, который положит на обе лопатки буржуев и меньшевиков. Но понятно, что всякий маневр чреват и определенными опасностями. И на войне бывает так, что, скажем, та или иная дивизия получила задание немного отступить на правом фланге, дабы

прикрыть наступление на левом фланге, и вот находится какой-нибудь охотник, который скажет: ах, отступать—так отступать, и давай улепетывать во все лопатки (смех). Это уже не стратегия, а паникерство (смех, аплодисменты).

Правый уклон в толковании лозунга „единый фронт".

Примерно то же самое случилось у нас с некоторой прослойкой правых коммунистов, которые сказали: „Ах, рабочее правительство? Ну, уж рабочее правительство—так рабочее правительство. Тогда давайте об'единим все так называемые рабочие партии". Естественно, что получился конфуз. Какие же это рабочие партии? Они рабочие только по названию. Да, часть рабочих еще идет за ними. Но ведь часть рабочих идет и за попами в христианских рабочих союзах. Значит ли это, что попы— рабочая партия?

За Макдональдом идет тоже определенная часть рабочих. Значит ли все это, что мы хотим действительного об'единения всех рабочих партий? Нет, мы хотим такого союза, такой коалиции рабочих партий, которые согласны на разоружение буржуазии, вооружение рабочих и на то, чтобы возложить налоги, тяготы от войны на капиталистов. На это отвечают: значит, вы вовсе не хотите этого об'единения. Вот именно, мы не хотим об'единения с господами социал-демократами палачами рабочего класса, со злейшими изменниками рабочего движения. Для чего же, говорят нам, вы выбираете такие формы? Для того, говорим мы, что есть много темных рабочих. В этом наше несчастье. Иначе буржуазия давно бы околела. Мы должны этим рабочим открыть глаза. Мы готовы сесть за один стол с меньшевиками и договариваться, мы выдвигаем простые условия, но вожди меньшевиков бегут от этих простых условий, как чорт от ладана. Тогда-то отсталый рабочий и поймет, что дело не в том, что коммунисты непременно хотят гражданской войны, кровопролития, военного коммунизма, а дело в том, что меньшевистские вожди не хотят разоружения буржуазии, вооружения рабочих и перенесения тягот войны на капиталистов.

Нам с вами, проделавшим такую большую войну, такую большую школу, это не кажется головоломным. Но для партий более молодых и там, где сильна социал-демократия, проведение этого маневра вызывает большие опасения.

Сложилось целое правое крыло, которое стало толковать тактику единого фронта в смысле действительной, органической коалиции с меньшевиками. Другими словами, это означает гибель коммунистической партии. Поиграть с меньшевиками, на их маневр ответить двадцатью другими еаневрами—наше законное право, но живой союз с ними—мто означает гибель.

Мне довелось еще три года тому назад, при начале введения тактики единого фронта, употребить слово,—псевдоним это, можно сказать, завуалированная диктатура пролетариата. Опять я иллюстрирую примером из нашей революции. Бывают такие положения, когда необходимо прибегать к псевдонимам. Я вам приводил пример с десятью министрами-капиталистами.

В сентябре, после корниловщины, когда наше дело шло вперед, а у меньшевиков падало, они выдвинули лозунг—„однородное социалистическое министерство". Под этим они понимали правительство, составленное от большевиков вплоть до трудовиков. Сюда вошли бы и большевики, и меньшевики, и народные социалисты, и правые и левые эсеры, и чорт знает, кто еще. И это называлось на их языке „однородное социалистическое правительство", хотя всякий здравомыслящий человек понимал, что это, во-первых, не однородное, а, во-вторых, и не социалистическое правительство. Однако, когда они увидели, что первая карта с Керенским бита, они попытались завуалировать и протащить под таким флагом в „единое социалистическое правительство" всякой твари по паре: дадим, мол, два места большевикам и по два другим „социалистическим" партиям.

Спрашивается, почему они поднесли такой лозунг? Мы понимаем, что они это сделали для того, чтобы у них получилось правительство: четырнадцать от буржуазной демократии и два большевика, так сказать, на пристяжке, которые прикрывали бы их. А на самом деле это—тех же щей, только пожиже влей. Это для них был тот же псевдоним. Прямо сказать: буржуазная демократия, учредилка,—было нельзя, никто не верил, а если сказать: „однородное социалистическое правительство", то многие поверят. Я вспоминаю, как хорошие путиловские рабочие, часть наших большевиков, приходили к нам во фракцию и говорили: „однородное социалистическое правительство". Чем плохо?

„Социалистическое" да еще однородное, да все партии перемирятся, прекратится гражданская война и т. д. Чего же нам еще надо? Лучше будем хлеб привозить, чем войной заниматься.

И даже часть путиловских хороших рабочих верила этому, пока мы не раз'яснили, что бывают такие положения, при которых прибегают к определенным политическим лозунгам для того, чтобы привлечь большие массы. Вот в таком случае нужно как-то завуалироваться, изобрести какой-то псевдоним.

Мы сейчас находимся, примерно, в таком положении. Для того, чтобы поколебать социал-демократические массы, постепенно начать отвоевывать их от дьявольского навож-

дения меньшевиков надо суметь педагогически формулировать лозунг: „рабочее правительство".

Наши условия просты. Маневр совершенно законен и необходим. Но горе нам, если мы, предпринявшие этот маневр, не будем понимать того, что делаем. А случилось так, что часть правого крыла стала истолковывать и тактику единого фронта, как действительное об'единение с меньшевиками, как переходный период на ряд лет, когда мы с меньшевиками можем устроить парламентским образом совместное правительство.

Корни правого уклона.

Почему явился этот правый уклон? Это не случайность. Наш конгресс показал, что правый уклон и в нашей русской партии—не случайность. Более или менее такие же уклоны мы видели и в целом ряду других партий за этот год.

Конечно, в каждой отдельной стране этот уклон принимал своеобразную форму, но общее направление было одно и то же: мелкобуржуазный уклон в целом ряде партий. Откуда это? Люди плохие? Нет. Дело в том что мы живем сейчас на перепутьи. Мы находимся между двумя волнами революции. Одна прошла, другая подкатывает. Мы на отмели, мы отброшены немного назад. Очень медленно назревает эта новая волна. Сейчас затишье. И всегда так бывает, если вы посмотрите всю историю социализма и революции вообще. В такой момент неизбежно накопление на правом фланге целого ряда иллюзорных мыслей, фантастики. В эти годы затишья неизбежны правые уклоны. И это случилось не только у нас, но и в целом ряде других партий. Не так верят в революцию, думают, что, может быть, на долго застопорило. И появляется правый уклон, выразившийся в своеобразной форме у нашей оппозиции.

Что такое оппортунизм? В конце-концов, если дать простое определение, то это будет означать влияние остатков буржуазных идей. Оно проявляется в различных формах. И совсем не потому, что люди плохи. Если мы говорим, что такой-то—оппортунист, это совсем не значит, что он—такой плохой человек, продался буржуазии и т. д. Нет, мы живем, действуем в рамках буржуазного строя. Даже у нас еще есть большие остатки буржуазных идей. А в обстановке западно-европейских стран и тем более. Мы отравлены буржуазной идеологией и глотаем ее, сами того не замечая, как глотаем воздух. Остатки буржуазных идей, в той или другой пропорции, есть повсюду.

Когда начинается затишье, влияние буржуазных идей проявляется сильнее. Буржуазия чувствует себя крепче, уве-

реннее, а это отражается на влиянии ее идеологии. В это время в нашей среде, естественно, оседают остатки буржуазных идеологий, оппортунизма, правого мелкобуржуазного уклона. Нынешний год был именно таким, когда уклон этот сказался в разных странах по-разному. В международном масштабе он сказался в том смысле, что многие стали понимать тактику единого фронта, как тактику действительной коалиции с меньшевиками, соглашения с ними. В этом смысле нам и пришлось почистить наше оружие от ржавчины. Конечно, если эту ржавчину запустить, то оружие совсем испортится и тогда оно не сможет сослужить нам ту службу, на которую оно рассчитано.

В этом смысле нам не пришлось выдумывать новой тактики. Мы целиком остались при старой тактике единого фронта. Нам надо было дать революционное истолкование ее в нынешней новой обстановке. Мы сказали: ты видишь меньшевистское возрождение: наступила целая полоса демократического пацифизма, полоса меньшевистско-демократического благорастворения, в нос и в уши летит меньшевистская бацилла. Отсюда некоторые делают известные выводы, думая, что нужно итти на блок с меньшевиками. Нужно итти как раз в обратном направлении. Конгресс говорит: беспощадная, непримиримая борьба против меньшевиков. Необходимо еще большее разоблачение их, когда они обещают рабочим три короба. Сейчас отточи побольше свое оружие против меньшевизма, пацифизма, против демократической маниловщины, против рабочего правительства макдональдовского типа.

По этому вопросу была основная борьба на конгрессе. В нем—ось всех тактических споров по моему докладу, по которому высказалось 62 оратора.

Наша партия, как во всем, оказалась впереди. Мы возглавляем как самое сильное в Коминтерне, так и самое слабое. Этот новый уклон в Коминтерне возглавлялся т. Радеком. Вы уже знаете о наших спорах с Радеком из печати, вы знаете что XIII с‘езд нашей партии осудил его. Тов. Радек—европейский коммунист, у него другая идеология. И вот он эту ошибку возвел в перл создания и сказал, что тактика единого фронта—это коалиция всех партий. Он говорил, что у нас в резолюции это также было сказано. В нашей резолюции мы говорим: тактика единого фронта—это союз всех рабочих партий, но такой, который идет под главенством коммунистов, при чем этот союз должен разоружить буржуазию, вооружить рабочих и переложить все тяготы войны на буржуазию. И вот т. Радек взял только первые строчки этой резолюции и говорит: тов. Зиновьев написал, что он стоит за союз всех рабочих партий, почему же вы пересматриваете тактику IV конгресса? Но т. Радек забыл про-

читать четырьмя строками ниже, где мы говорили, что мы за такой союз рабочих партий, который обезоружит буржуазию, который вооружит рабочих и который идет под главенством коммунистов. Это то же самое, что и тогда, когда мы сказали: долой десять министров-капиталистов.

Тов. Радек наш маневр против врага превращает в самостоятельную теорию. Вместо того, чтобы самому взять врага за горло, он дает загнать себя. Он идет за социал-демократическими вождями вместо того, чтобы отколоть их от с.-д. масс. Как это могло случиться? В полосу бездорожья, затишья революционной полосы, какое мы наблюдаем сейчас, накопление определенного правого уклона было неизбежно.

„Ультра-левые" Коминтерна.

С другой стороны, нам пришлось бороться против так-называемого „ультра-левого" уклона, что нам приходилось делать с самого начала существования Коммунистического Интернационала. Что называется ультра-левым уклоном? Есть ли что-либо более левое, чем ленинизм? Как будто бы нет. Но есть люди, которые думают, что есть. Левый уклон принимает самые различные формы. Существует теоретический ревизионизм, именующий себя ультра-левым, который высказывается за пересмотр Маркса, основных идей Ленина по вопросу о государстве.

Например, один немецкий товарищ (его псевдоним Борис) взялся разрабатывать вопрос о сверхприбыли—чисто теоретический вопрос. Кто знает азы ленинизма, тот знает, что ленинизм построен, между прочим, на том утверждении, что социал-демократия стала предательской партией в связи с империализмом. Что такое империализм? Это тот период капитализма, когда отдельные богатейшие страны могут за счет колоний, грабя их, получать сверхприбыль. Например, из Индии или какой-либо другой страны капиталисты получают огромную прибыль и из этого громадного куша сверхприбыли бросают мелкие гроши на то, чтобы подкупать верхушку рабочей аристократии и этим создавать базу для социал-демократии. Социал-демократия стала империалистской социал-демократией. Это есть в двух словах одна из основ ленинизма. И есть умники, которые говорят: „Я левее Ленина. Какая сверхприбыль? Это есть просто прибыль, а сверхприбыли не бывает. „И вот эту мысль пытаются доказать экономически, не понимая, что этим самым они вынимают главный камень из-под фундамента ленинизма.

Если бы было верно, что нет сверхприбыли, это значило бы, что нет разбойничьего капитализма. Зачем нужны капиталистам новые земли? Для сверхприбыли. Там дешевле рабочая

сила, там больше сырья, там им легче грабить, там они получают больший процент прибыли, чем в своей собственной стране, а получая большие суммы, они мелкие гроши выбрасывают, чтобы подкупить привилегированную часть пролетариата. Если прав этот товарищ, то это значит, что падает основной камень ленинизма. На самом же деле этот товарищ повторяет то, что говорят социал-демократы. Социал-демократы из II Интернационала говорят: какая сверхприбыль, какая рабочая аристократия, все рабочие равны, мы такие же рабочие, как и все остальные, никакого подкупа здесь нет.

Таков первый ультра-левый уклон. Другой уклон: выходи из профсоюзов. Профсоюзы во многих странах меньшевистские, какими они были и у нас. И вот есть левые товарищи, которые говорят: „Мы не будем сидеть в меньшевистских профсоюзах, мы уйдем из союзов и попытаемся создать свои союзы: вы, правые, вы хотите сидеть в одних союзах с меньшевиками, а мы—настоящие ленинцы“. Мне пришлось читать этим товарищам целую лекцию по этому вопросу. Вы хотите быть ленинцами, так послушайте, что такое ленинизм. Мы 25 лет раскалывались с меньшевиками, но профсоюза ни одного не раскололи ни до войны, ни во время войны, ни после войны, ни до революции, ни во время революции, ни после революции. Почему? Потому, что мы знали, что профсоюзы—это та организация, где собирается вся рабочая масса, которую надо завоевать изнутри во что бы то ни стало. Если ты не сможешь завоевать профсоюзы, так не хвастайся, что ты сделаешь пролетарскую революцию. Ты не опрокинешь буржуазного строя, если не завоюешь профсоюзов. Вот почему, скрежеща зубами, мы все-таки сидели в меньшевистских профсоюзах. И тов. Ленин говорил: хотите уйти из профсоюзов, скатертью дорога. Вы дезертиры,—без вас обойдемся, а настоящий большевик—сиди в профсоюзе. И когда Зубатов организовывал профсоюзы, тов. Ленин лучших своих учеников, как рабочий Бабушкин, посылал в эти зубатовские профсоюзы. Тов. Ленин говорил: завоюй эти профсоюзы, тогда ты будешь настоящий революционер. Если меньшевики имеют власть в профсоюзах, ты должен горбом поработать один, два, три года, завоевать рабочую массу; а если ты уходишь из профсоюзов, ты просто крикун.

То же самое мы должны сказать и тем, кто сейчас в международном масштабе проповедует бегство из профсоюзов. Мы говорим: если вы уйдете из профсоюзов, значит, вы уйдете из Коминтерна.

Меньшевики дразнят наших товарищей, заставляют их давать глупые расписки. В Германии был такой случай: центральный совет профсоюзов заставляет членов союза

выдать такую расписку: „Я состою в профсоюзе, я обязуюсь не вести коммунистической агитации, не входить в коммунистическую партию, ничего общего не иметь с Коминтерном и Профинтерном“. Горячие головы говорят: разве можно это подписать? А мы говорим: надо пять таких бумажек подписать и остаться в профсоюзе. Ведь в буржуазных парламентах от каждого депутата требуют присяги королю, где есть король, отечеству—где нет короля, т.-е. буржуазии. Коммунисты стоят также перед этим вопросом. Приходится присягнуть и выдать бумажку. И когда спрашивали наши товарищи Владимира Ильича, можно ли присягнуть, то он говорил: присягни трижды, но нелегально работай как следует. А как же иначе можно использовать буржуазный строй (ведь, вся организация в их руках). Если бы при помощи этой простой уловки могли нас поймать—дело было бы простое. Не могу подписать бумажки, и выйду из профсоюза; это вроде правила у староверов: не пей из чужой чашки, только из своей.

Коминтерн прямо так и поступает: он советует немецким товарищам подписать эту бумажку и в то же время требует от ЦК партии дать разрешение на ее подписание. Так они и сделали. Тогда выступил амстердамский союз; вожаки его были в негодовании, они дошли до белого каления, они говорили: „Вот до какого иезуитства доходит Коминтерн, вот до чего доходят имя рек. Они говорят: Чорт с ними, подпишите хоть три бумажки, но делайте свое дело“ (рукоплескания).

Это довольно элементарный вопрос, но там, где социал-демократия сильна, а наши слабы, там, где наши товарищи еще не оперились, где нет таких вождей, как т. Ленин, там эти явления понятны. Конечно, в них говорит хорошее чувство революционера. Но революционеры, которые только чувствуют, — нам не годятся. Нужна голова, нужно прежде всего понимание того, какие кадры мы должны завоевать в профсоюзах изнутри. Вот второе отклонение.

Большевизм или сектантство.

Такое отклонение представлял собою т. Бордига, один из самых хороших товарищей, но который находится как бы в шорах. Он представляет сектантское течение. В Италии правые меньшевики, и будущие большевики, и центр, все они были об'единены до с'езда в Ливорно в одной партии: и Муссолини, и Тураттu и Сератти, который колебался, и Бордига—будущий коммунист. Они жили так несколько лет и прозевали революцию: обжегшись на молоке, они стали дуть на воду. Они говорят: „Мне дайте маленькую партию, а не большую, мы хотим, чтобы была партия небольшая, но

чистенькая, 96 пробы, пусть будет в ней хотя бы 5.000 человек. Зачем вы нам суете партию масс?“

В Германии была партия масс, а, между тем она продалась буржуазии. Макдональд—партия масс, а между тем—буржуазная.

Конечно, нам нужно, чтобы была чисто коммунистическая партия, но она должна научиться связаться с массами. Потому, что иначе это будет хорошая, доброкачественная партия, но революции пролетарской она сделать не может. Нам нужна партия, умеющая жить среди масс, бороться и побеждать.

Бордига выступал в роде человека с одним левым боком (потерявшего другой), как будто бы это был какой-то левша, между тем он хороший товарищ, порядочный коммунист и т. д. Он говорит, что мы ударились в эклектизм, мы берем среднее, ни теплое, ни холодное, то вдруг поворачиваемся и бьем правых, а потом—левых. Разве это можно? Мы указывали, как создавалась и росла большевистская партия, как ковал ее т. Ленин; главные удары сыпались против правых, против центра. Но когда появлялись люди, которые говорили: „Мы не пойдем в Государственную Думу“, то он их бил и говорил: „Вы—меньшевики наизнанку; вам кажется, что вы левые, а вы—меньшевики, потому что, если мы уйдем из профсоюзов, то это то, что нужно меньшевикам, они сделают из него свою опору“.

Вот это был третий уклон, с которым нужно было бороться. В результате, помяв как следует бока правым, мы приняли резолюцию, что если они будут толковать тактику, как они толкуют, то они не могут принадлежать к Коминтерну. Что касается левых, то тут нужно действовать больше рассудительностью, нужно не столько бороться, сколько пропагандировать.

Большевизация Коминтерна.

Дальше, один из главнейших вопросов на конгрессе был вопрос о большевизации партии. Что это такое? Как будто бы это звучит странно: большевизация, но ведь партии и без того большевистские. На самом деле они были до сих пор коммунистическими, а теперь их нужно сделать подлинно большевистскими. Тут получается как будто бы невязка, в роде того, как говорил один мужичок: „Долой коммунию, да здравствует большевизм“.

Для того, чтобы это понять, нужно быть знакомым с историей международного рабочего движения. Как родились коммунистические партии? Они возникли в результате раскола старых партий. В партию входят: половина, порвавшая с социал-демократией, и другая—новое поколение, кото-

рое к концу войны и после войны сложилось как коммунистическое ядро. Это — две части, которые можно нащупать рукой, это—две половины ее. Конечно, они—коммунисты в европейском смысле слова. Но это не значит, что они были достаточно большевиками. Настоящая большевистская партия складывается постепенно.

В Германии партия состояла сперва из пятнадцати—двадцати тысяч спартаковцев, потом в Галле мы раскололи партию независимых с.-д., откололи триста тысяч бывших социал-демократов. Мы завоевали их в Галле, но это не значит, что они стали настоящими коммунистами. Они хотели быть коммунистами, назвали себя таковыми, но чтобы сделаться настоящими коммунистами нужно было пройти через ряд боев; несколько раз буржуазия и социал-демократия намяли им бока. Нужно было учиться, чтобы постепеннс сделаться большевистской партией.

После первого пятилетия Коминтерна ныне нами выдвигается лозунг: „большевизация партии". Раньше мы бросили лозунг „к массам", затем наметили „тактику единого фронта" и теперь мы зовем к „большевизации партии". К лозунгам: „в массы", „тактика единого фронта", исключая „ржавчину" Радека, прибавляется новый: „большевизация партии". К нему приводит нас весь ход классовой борьбы.

Чтобы считаться коммунистом, мало быть против социал-демократии. Кроме этого, нужно, чтобы ты сказал, какова твоя дорога, как ты будешь бороться, какова твоя программа. Тут большую роль сыграла кончина Владимира Ильича; она больно хлестнула по рабочему классу; все поняли, что ушел от нас величайший гений, наш любимый, беззаветно преданный рабочему делу учитель. Все сказали: „мы хотим быть ленинцами". Что это значит? Уважение к тов. Ленину? Этого мало, чтобы быть в большевистской партии. Это значит, что мы хотим большевизировать нашу партию. Тут стали задумываться серьезно над этим вопросом: ведь вопрос стоит очень широко не только в области политики, но и в области организации. Например, большинство коммунистических партий, на самом деле, организовано не по-большевистски. Наш тип организации требует, чтобы на каждом заводе была своя ячейка. Для нас это азбука. Наша основная база—фабрично-заводские ячейки, а у них—основная ячейка по месту жительства, где рабочий квартирует, территориальная ячейка, а на заводе ячеек нет. Их первая ячейка—ячейка целой улицы, квартала, района. Откуда сие? Это пережиток социал-демократического типа организации. Это была партия, для которой главным делом были парламентские и прочие выборы, она была, как машина, которая голосовала через несколько лет, а для выборов удобен квар-

тальный, территориальный признак; у них и остался до сих пор этот признак.

Теперь нужно перестроиться по-новому, и из-за этого идет борьба, начиная с маленького дела и кончая большим, вплоть до тактики. Идет борьба за большевизацию партии. В этом смысле лозунг „большевизация партии“ дан, и это является одним из самых важных лозунгов V конгресса.

Крестьянский Интернационал.

Разбирался еще аграрный вопрос, затем национальный вопрос. Мы учили, как нужно применять тактику ленинизма, мы сказали братским партиям: главное, что вам надо,—это правильная тактика в профсоюзах, правильная организационная тактика ячеек, правильная тактика среди крестьянства и правильная линия в национальном вопросе. Только тогда вы сможете стать действительно большевистскими партиями.

В крестьянстве сейчас происходят важные сдвиги. Вы, вероятно, все слышали относительно хорватской крестьянской партии Радича. Радич сейчас находится в Москве. Это—настоящий народный вождь. Хорватское крестьянство является частью юго-славского государства. Оно угнетено по национальной линии и поэтому еще более революционно. За Радичем идет поголовно все бедное и среднее крестьянство Хорватии. Хорватия составляет значительную часть Юго-Славии. Это—маленькая страна, крайне типичная для крестьянских стран. Сейчас Радич от имени всей своей партии решил примкнуть к крестьянскому Интернационалу. Мы считаем это событие очень важным. В каком смысле? В том смысле, что крестьянский Интернационал перестает быть только идеей, не облеченной в плоть и кровь. К нему начинают примыкать большие народные партии, угнетенные по национальной линии и задавленные земельной теснотой.

На подмогу Коминтерну начинает подходить подсобная большая крестьянская организация, вырастающая в европейском и всемирном масштабе. Образование крестьянского Интернационала есть величайшее событие. Владимир Ильич, уже будучи больным, только по газетам мог следит за этой конференцией и придавал ей большое значение. Некоторые товарищи не верили, что из этого вырастет что-либо большое. Теперь уже совершенно ясно, что из этого вырастает большая организация, нечто в роде крестьянского союза в 1905 г.

Крестьянство после войны во всей Европе стало иным. Война больно ударила по крестьянству, крестьянин уже не тот. Теперь мы получаем большую подсобную махину—

крестьянство. Рабочие в Европе смогут победить в том случае, если у них будет подсобная сила, и крестьянский Интернационал становится этой силой. Если хорватская партия целиком входит в него, то значит дело будет расти.

Вообще, на этом конгрессе совершенно ясно выкристаллизовалось, по какому пути мы пойдем к победе революции. Тут несколько дорожек, которые потом сливаются в одну большую дорогу. Это—отдельные истоки, образующие большую мощную реку. Первое и основное—это сам Коминтерн, союз политических партий коммунизма, которые становятся большевистскими партиями. Дальше идет первая крупнейшая подсобная сила—Профинтерн, организующий не только рабочих-коммунистов, но и всех рабочих, сочувствующих красным профсоюзам.

Старики и молодежь в Коминтерне.

Затем идет международный союз молодежи, который вырос численно за этот год почти в полтора раза. На четвертом конгрессе было 750.000 членов союза молодежи, на V конгрессе их—1.060.000. На наших глазах из КИМ'а уже выходит поколение вождей. Я мог бы назвать некоторых по имени. Назову француза Дорио. Я знаю этого молодого товарища уже несколько лет. Он успел побывать членом Исполкома КИМ'а, два раза просидел в тюрьме во Франции, об'являл голодовку и теперь прошел на выборах голосами парижских рабочих в парламент. Французские рабочие вырвали его из тюрьмы. Это уже настоящий коммунист большевик, сознательный ленинец, выросший в недрах комсомола. Есть такие молодые дубочки во всех партиях. Это новое поколение вождей, вырастающее в настоящих вождей коммунистов, у которых нет социал-демократического наследия.

Много ныне говорят о старой гвардии. Товарищи, есть старая гвардия и „старая гвардия". На конгрессе вышел, например, тов. Тальгеймер и сказал: „Вы в России—за старую гвардию, мы—тоже старая гвардия, почему же вы против нас?" Тов, Бухарин весьма популярно об'яснил ему, что мы не за всякую старую гвардию. Бывает разная старая гвардия. Разве дело в старости? Разве дело в том, что чем старше, тем лучше? При прочих равных условиях, чем моложе, тем лучше. Почему мы за старую гвардию? Да потому, что она большевистская, а не потому, что она старая. Мы за нее потому, что она закалилась в борьбе против меньшевиков, а не потому, что она старая. Мы почитаем старость, но это не значит, что надо отдавать ей политическое

руководство. Политическое руководство надо отдавать тому, кто руководит политически верно и бьет в хвост и в гриву меньшевика-оппортуниста. Рядом с этой подмоченной старой гвардией, которая имеет большое наследие от социал-демократии, растет новое поколение настоящих коммунистов, растет из коммунистического союза молодежи.

Если нарисовать географическую карту революции в смысле ее организации, то она будет представлена в следующей схеме: первая и основная сила—Коминтерн, союз коммунистических партий, затем Профинтерн—первая подсобная сила, затем КИМ—вторая подсобная сила.

Дальше идет третья подсобная сила—это движение на Ближнем и Дальнем Востоке, в Индии, Китае, Турции и т. д., где идет большое стачечное движение рабочих. Развитие движения в этих колониях напоминает нашу группу „Освобождения Труда", только движение там более сильное. Группа „Освобождения Труда" в России в 1883 г. была одна, тогда не было Коминтерна, который бы поддерживал ее. А теперь первая группа в Индии, возглавляемая товарищем Роем, имеет перед собой весь опыт Коминтерна. Она может пользоваться заветами Владимира Ильича.

Революционная волна поднимается на Востоке высоко. Владимир Ильич не раз указывал в последние годы на Восток. „То, что происходит на Западе, очень важно, но то, что происходит на Востоке, еще важнее потому, что это и дает революции мировой размах". В день кончины Владимира Ильича я уже сказал, что идеи ленинизма только еще выходят не широкую дорогу и что настоящие триумфы ленинизма мы еще увидим. И, наблюдая развитие крестьянского Интернационала, убеждаешься, что основная идея большевизма—союз рабочего класса и крестьянства—начинает развиваться в международном масштабе. Мы говорим: вот это и есть начало триумфа ленинизма в мировом масштабе.

На пути к победе.

С этого последнего конгресса я унес больше, чем когда-либо, твердую уверенность в том, что дело на-мази. Пройдет еще два, три, четыре года такой работы, и уже никакая сила не сметет этих партий. Они слишком внедрились в массы, стали слишком большевистскими, и никакой ураган, никакие вихри реакции им не страшны. Уже сейчас конкретно виден план, через какие организации мы пойдем к победе. Если бы вы пять лет тому назад спросили Владимира Ильича, какими организационными путями мы пойдем к победе, он бы ответил: Мы—коммунисты. Диктатура пролетариата неизбежна, большинство пролетариев

наше. Наша звезда восходит; мы победим. Но как конкретно это произойдет, мы не знали.

Теперь каждый видит эту дорогу: основное—Коминтерн, при чем у него три крупных подсобных организации—Профинтерн, восточные организации, крестьянский Интернационал, да еще другие, более мелкие, подсобные организации, о которых я не буду сейчас говорить, как МОПР, Межрабпом, Спортинтерн и т. д.

Вот основные каналы, которые потом сливаются в одну мощную необ'ятную реку, которой суждено окончательно потопить капитализм. В этом смысле мы унесли с конгресса чувство уверенности в том, что наши силы неслыханно растут, что мы количественно стали более сильными, чем II Интернационал в годы его бывшего развития.

Вы знаете цифры выборов: повсюду мы выросли количественно. Мы стали значительно сильней, но и опасностей гораздо больше прибавилось. Нас подстерегает опасность правого уклона, как наследие эсдековского прошлого. Эти опасности неизбежны, ибо мы становимся мощной силой, когда одна только организация коммунистической молодежи насчитывает в настоящее время миллион членов, когда Профинтерн насчитывает многие миллионы рабочих в своей среде. В Индии и Турции мы видим первые залежи крупной классовой организации. Вот почему с этого с'езда мы ушли в сознании уверенности, что наше дело двигается вперед.

Рост интернациональной связи.

Я хочу остановиться еще на другой стороне дела, имеющей отношение не к революционному разуму, а к революционному чувству. На этом конгрессе присутствовала масса рабочих делегаций от заводов и фабрик, от красноармейцев, приезжали пионеры из Белоруссии и т. д. И вот эти сцены братания производили колоссальное впечатление. В заключительной части заседания я видел старого московского рабочего-большевика и рабочего-немца, который имеет более пяти лет тюрьмы за спиной, дрался на баррикадах, и которые не могли удержать слез при виде этих сцен братания.

Наш Интернационал складывается как-то по-особому: идет братание от завода к заводу; так, Путиловский завод подносит знамя Крупповскому заводу, „Треугольник“—западным химикам, швейники—швейникам и т. д. На первый взгляд, как будто мелочь, мы в течение революции таких сцен видели много. Но на деле это свидетельствует о действительном росте интернациональной связи.

Растет Коминтерн своеобразно. Это братание рабочих от завода к заводу, от шахты к шахте было абсолютно невозможно во II Интернационале. Передо мной маленькая статейка г-на Вандервельде, председателя II Интернационала. У них недавно в Вене был конгресс. Эта статья под заголовком: „Две фотографии". Он рассказывает, что в 1914 г. они собрались перед войной, не успели побороть войны, и теперь, через десять лет, собираются в Вене. „И вот передо мною,—пишет Вандервельде,—две фотографии, одна—снятая тогда, другая—снятая теперь. Смотрю на них не без грусти. Что я нашел в первой фотографии? Я нашел сидящего сейчас в Германии президента Эберта, нашел трех нынешних министров—Макдональда, Стоунинга и Брантинга, нашел семь бывших членов других правительств". И Вандервельде по этому поводу изливается в лирических ламентациях. Вот эмоциональная сторона II Интернационала. Вот их чувства: поглядите дескать, семь бывших министров, да столько-то будущих министров, лакеев у буржуазии и т. д. А посмотрите эмоциональную сторону у нас. Эта сторона имеет для революции некоторое значение.

Конечно, одного чувства мало, но сделать революцию без чувства, без сердца, без души нельзя. Самый большой упрек, который бросил II Интернационалу один из его вождей, Фридрих Адлер, в некрологе, посвященном памяти Владимира Ильича, это следующий. Он сказал: „Ленин имел перед нами одно преимущество. Наш II Интернационал был без души". Так и написал, ни больше, ни меньше,—без души. И это правда. Все остальное, как будто на месте, но души нет, нехватает мелочи.

Так вот эта душевная эмоциональная сторона, революционное здоровое чувство угнетенного класса, все это было иллюстрировано на нашем с'езде и с такой наглядностью, что большего и желать нельзя. Один рабочий на нашем с'езде сказал: „Вот Владимир Ильич выпестовал партию, спаял ее так, что теперь никаким инструментом этой спайки не подскоблишь. Мы, рабочие-металлисты, употребляем холодную спайку и горячую. Так вот нам надо, чтобы была горячая спайка, и мы надеемся, что Коминтерн и есть горячая спайка, настоящее литье".

Я должен засвидетельствовать, что это правда, это—не фраза. Была у нас борьба течений, были слабые стороны, но в целом это было действительно настоящее горячее литье, которое нужно пролетариям-революционерам, чтобы разбить буржуазию и социал-демократию и одержать победу. В этом смысле Коминтерн то, что он обещал на первом собрании, выполнил до конца. Он шел по дороге, начертанной Владимиром Ильичом. У всех было горячее

желание превратить партии в действительно ленинские и спаять их так, чтобы вышла могучая организация пролетариата, которая сумеет выполнить свою историческую задачу. (Продолжительные аплодисменты).

———

Приложение

Резолюция по докладу Исполкома Коминтерна.

Полное одобрение деятельности Исполкома.

V конгресс Коминтерна полностью одобряет деятельность Исполкома после IV конгресса и констатирует, что правильное и твердое руководство Исполкома существенно способствовало тому, что Коммунистический Интернационал почти повсеместно вышел с возросшими силами из борьбы против неистовых нападений борющегося за свою диктатуру капитала.

Обзор истекших боев.

За истекшие полтора года начавшееся уже ранее наступление капитала в большинстве капиталистических стран, как-то: в Болгарии, Италии, Германии, Польше, Финляндии, Румынии, Юго-Славии, Испании, Японии, Индии, возросло до степени бешеных нападений на революционный пролетариат. Даже во Франции стали в порядок дня преследования бастующих рабочих и массовые аресты коммунистов, в Чехо-Словакии—чрезвычайные законы против коммунистов, в Австрии—кровавые деяния фашистов, в Норвегии—грубые нападения полиции, продолжающиеся уже несколько месяцев, обострено классовое правосудие и создание белой гвардии для борьбы против рабочего класса.

Коммунистическое движение вынесло эти жестокие нападения не без тяжких потерь и не везде без крупных ошибок и промахов, но ни в одной стране капитал не был в состоянии разбить организацию коммунистического авангарда и порвать ее связь с пролетарскими массами. Даже в Италии систематическое искоренение коммунизма ни мало не ослабило его влияния на массы даже во время парламентских выборов. В Болгарии, после кровопролитнейшего подавления восстания защищавшихся под руководством коммунистов рабоче-крестьянских масс, эти массы на выборах снова сплотились под знаменем коммунистической партии. В Германии после тяжелого поражения революци-

онного движения, сопровождавшегося опасным внутрипартийным кризисом после жесточайших преследований, коммунистическая партия быстро сомкнула свои ряды, создала твердое руководство и блестящей победой на выборах, давшей ей $3^3/_4$ миллиона голосов, продемонстрировала свою возросшую, как никогда, революционную мощь и крепость. Точно также и во Франции и в Чехо-Словакии победы коммунистов на выборах свидетельствуют об определенном росте влияния коммунистов на массы.

Во время этих величайших классовых боев Исполнительный Комитет принял ряд важнейших шагов, имевших решающее значение для правильного руководства секциями Коминтерна. Конгресс особенно отмечает следующие факты.

Положение в Германии.

1. На международных конференциях в Эссене и Франкфурте весной 1923 года Исполком правильно сформулировал практические задачи усиленной революционной подготовки, вставшие перед европейским пролетариатом и, прежде всего, перед коммунистическими партиями Германии и Франции в связи с оккупацией Рурской области.

2. В августе нарастание массового революционного движения сигнализировало близость ситуации, благоприятной для решающей борьбы за власть в Германии; Исполком в то время поступил вполне правильно, потребовав немедленной ориентировки партии на задачу непосредственного завоевания власти, обеспечив с этой целью германской компартии максимально возможную помощь и мобилизовав ряд других секций для энергичнейшей поддержки германской революции.

3. После октябрьской капитуляции в Германии почти без борьбы, капитуляции, происшедшей из-за предательства социал-демократических вождей и несостоятельности руководящих кругов коммунистической партии, Исполком, побуждаемый сильным левым течением в германской партии и при поддержке германских левых, сделал совершенно правильный и необходимый шаг, осудил оппортунистическое поведение германского ЦК и прежде всего искажение тактики единого фронта во время саксонского правительственного опыта. Исполком сделал из всего этого правильные политические и организационные выводы, поведя энергичную и беспощадную борьбу против оппортунизма.

4. Еще раньше Исполком, в соответствии со взглядами левых, не только критиковал оппортунистические уклоны лейпцигского партейтага КПГ, но еще до октября два раза пополнил сформированный в Лейпциге центральный комитет партии представителями левой оппозиции. Теперь, благо-

даря содействию Исполкома, состоялось об'единение левой и центра в единый блок против правой, и партийное руководство были переданы этому блоку в уверенности, что партийные массы одобрят и санкционируют это устранение политически обанкротившихся правых,—уверенности, которая вполне оправдалась. Эти решительные действия Исполкома, с одной стороны, помогли КПГ преодолеть угрожавшую ей в связи с внутренними раздорами опасность раскола, а с другой—пресекли возможность разрастания кризиса германской партии до размеров кризиса всего Коминтерна, что могло бы случиться при панических настроениях, которые уже проявились там и сям у неустойчивых элементов. Доля заслуги в этом падает и на германский рабочий класс и на КПГ, которые с величайшей энергией настаивали на решительном искоренении правых уклонов и которые в самих себе нашли при поддержке Интернационала силы выдержать столь тяжкий кризис, не впав в уныние и не ослабив боеспособности своих рядов.

5. В виду опасности правых уклонов, обнаружившихся при проведении тактики единого фронта в гораздо большей степени, чем можно было предполагать, Исполком самым решительным образом отклонил, как оппортунистическое извращение, всякие попытки сделать из этой тактики нечто большее, нежели революционный метод агитации и мобилизации масс, а равно и всякие попытки использовать лозунг „рабоче-крестьянского правительства“ не в целях агитации за пролетарскую диктатуру, а в целях создания буржуазно-демократической коалиции. Равным образом, Исполком, в противовес оппортунистическим воззрениям на социал-демократию, подчеркнул ее истинную сущность, как левого фланга буржуазии.

6. Исходя из уроков германских событий в отношении построения партийной организации, Исполком как в Германии, так и в других странах приступил к энергичной организации партийных ячеек на предприятиях, как основы партийной организации. Эти меры уже привели к тому, что в некоторых странах успешно стала развиваться система фабрично-заводских ячеек.

7. В противовес близорукой оппортунистической пассивности, обнаружившейся в позиции вождей болгарской партии по отношению к июньскому государственному перевороту, Исполком тотчас же, путем открытой и весьма энергичной критики старался направить партию на путь серьезной подготовки к борьбе в случае вероятного н о в о г о нападения контрреволюции. Но в то время не удалось в достаточной степени убедить вождей партии в правильности позиции Исполкома. После уроков поражения они приняли эту позицию в качестве платформы, на основе которой КП Бол-

тарии снова сомкнула свои ряды и освободилась от прогнившего правого фланга.

Консолидация французской партии.

8. Точно так же и во Франции при содействии Исполкома и при поддержке большинства ЦК компартия была очищена от значительнейшей части оппортунистического балласта, что повлекло за собой консолидацию партии.

Борьба за коммунизм в Норвегии.

Величайшие трудности встретились в Норвегии, где коммунисты, составляя плохо организованное меньшинство в оппортунистической рабочей партии, должны были вести тяжелую фракционную борьбу, постоянно подвергаясь опасности быть выброшенными бесцеремонными, враждебными коммунизму вождями. После того, как безграничное самомнение оппортунистических вождей норвежской рабочей партии превратилось в систематический саботаж по отношению к резолюциям Коминтерна, а после октябрьского поражения в Германии вылилось в наглое дезертирство, стало абсолютно необходимым прекратить эту фальсификацию коммунизма. Хотя можно было предвидеть, что в случае разрыва вождей норвежской рабочей партии с Коммунистическим Интернационалом, часть хороших пролетарских элементов этой партии временно пойдет за своими антикоммунистическими вождями, Исполком все же вынужден был потребовать от с'езда норвежской рабочей партии ясно высказаться за или против лойяльного сотрудничества с Интернационалом. Это повело к расколу партии и к созданию самостоятельной коммунистической партии в Норвегии. За полгода коммунистическая партия Норвегии своей деятельностью, прежде всего своим участием в крупных боях рабочего класса, завоевала себе авторитет революционной массовой партии.

Исполком дал также должный отпор отклику, который вызвала в Швеции борьба норвежских противников Коминтерна, выразившемуся в агрессивном выступлении правых элементов и способствовавшему созданию панического настроения.

Недостаточная активность польской партии.

9. КП Польши при деятельном содействии ИККИ приняла на своем II партс'езде в 1923 г. резолюции, которые заложили большевистский фундамент под расширение и закрепление влияния партии. В своей же практической дея-

тельности, в особенности в период массовой борьбы в октябре, вожди партии не обнаружили подлинной революционной активности. В русском и германском вопросах польский ЦК поддержал правое крыло и пытался подавить в собственных рядах всякую критику слева.

Ошибки чехо-словацкой партии.

10. К.П. Чехо-Словакии не была свободна от оппортунистических ошибок и уклонов, что выявилось, между прочим, и в истолковании резолюций IV конгресса по вопросу о едином фронте и о рабочем правительстве. Оппортунистические шатания и заблуждения обнаружились в отношении партии к русскому и германскому вопросам. Хотя партия в некоторых областях и развернула повышенную деятельность, но она не сумела связать выступления в парламенте с массовыми выступлениями пролетариата и соответственно подготовить пролетариат к грядущим революционным боям.

Задачи венгерских коммунистов.

11. Массовое движение рабочих в Венгрии показывает, что положение для организации и построения коммунистической партии созрело. Задачей венгерских коммунистов является провести организацию партии и, в интересах способствования этой работы, ускорить начатую ликвидацию фракционной борьбы.

Правые уклоны в Англии и Америке.

12. Правые уклоны обнаружились также и в английской и американской партиях в вопросе о тактике единого фронта и об отношении ЦК к вождям „Лейбур Парти“ (а в Америке, к так называемой, „третьей партии“). Исполкому удалось убедить английских и американских товарищей в необходимости пересмотреть свои взгляды. Своеобразные и новые проблемы революционного движения в англо-саксонских странах несколько раз детально анализировались Исполкомом, а в будущем потребуют еще большего внимания со стороны Коминтерна...

Ультра-„левые“ уклоны в Италии.

13. Исполком содействовал также и преодолению ультра-„левых“ уклонов. В одной части итальянской коммунистической партии все еще наблюдаются проявления немарксистского догматизма, принципиально отказывающегося учитывать для тактических выводов конкретную действительность и

тем самым ослабляющего способность партии маневрировать.

КП Италии должна безоговорочно признать основы тактики Коминтерна, если она желает разрешить проблему превращения в массовую партию. Об'единение терци-интернационалистов с КП Италии способствует устранению вопроса, служившего предметом расхождений между КП Италии и Коминтерном.

Но после этого слияния КП Италии должна активно заняться вопросом завоевания масс, которые и поныне еще идут за социалистической партией Италии.

Профсоюзная работа.

14. В профсоюзной работе в некоторых странах были достигнуты успехи в смысле большего единообразия и интенсивности работы (главным образом, во Франции); большие успехи достигнуты в Англии. В Германии прошлой зимой наблюдалось массовое бегство коммунистов и сочувствующих из профсоюзов, вызванное противопрофсоюзным настроением, об'ясняемым действиями реформистской бюрократии профсоюзов. В виду того, что КП в течение некоторого времени не оказывала этому опасному уклону решительного противодействия, Исполком выступил самым категорическим образом против этого, пока резолюция франкфуртского партс'езда, при энергичной поддержке ИККИ, не положила предел этому катастрофическому явлению, что привело к коренному повороту в пользу революционной профсоюзной работы.

Работа среди средних слоев.

15. Исполком неоднократно рекомендовал секциям вести пропаганду среди полупролетарских и мелкобуржуазных средних слоев, чтобы выбить почву из под ног фашизма. В Германии этим путем компартия достигла значительных успехов, в Италии же—почти никаких.

Работа среди крестьян.

16. Исполком самым настойчивым образом побуждал все секции вести постоянную активную агитацию, в целях завоевания масс крестьянской бедноты для поддержки пролетарской революции. С этой целью агитационный лозунг „рабочее правительство“ был расширен в лозунг „рабоче-крестьянское правительство“. Создание крестьянского Интернационала—этот в высшей степени важный шаг—было осуществлено при активном содействии Исполкома. Развитие

самостоятельной коммунистической аграрной политики, несомненно, явится в ближайшее время одной из важнейших задач почти для всех секций.

Национальный вопрос.

17. В национальном вопросе Исполком неоднократно имел основание упрекать различные секции, для которых этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, в неудовлетворительном проведении резолюций II конгресса. Один из основных принципов ленинизма, безусловно требующий решительного и активного выступления коммунистов за право самоопределения народов—отделение, создание самостоятельного государства,—еще не во всех секциях Коминтерна получил должное применение.

О колониях и народах Востока.

18. На ряду с завоеванием симпатий крестьянских масс и угнетенных национальных меньшинств Исполком в своих директивах постоянно подчеркивал важность об'единения революционного освободительного движения колониальных народов и всех народов Востока с революционным пролетариатом капиталистических стран. Для этого требуется не только усиление непосредственной связи Исполкома с национальными освободительными движениями Востока, но и более тесная связь секций империалистических стран с колониями этих стран, и прежде всего неустанная беспощадная борьба в каждой стране против империалистической колониальной политики буржуазии. В этом отношении работа компартий везде еще весьма слаба.

Борьба против войны.

В области работы в армии ИККИ сумел, совместно с Исполкомом Коминтерна Молодежи, провести выдающуюся практическую подготовку (Рурская область), в то же время секции, которые находились в борьбе против крупнейших империалистических сил, слишком часто забывали указания Ленина о борьбе против войны, и Исполкому приходилось призывать их к порядку.

Эта и только эта линия ленинской стратегии тактики и организации, которой придерживался Исполком, должна и в дальнейшем служить путеводной нитью Исполкому Коминтерна.

Большевизация коммунистических партий.

Большевизацию коммунистических партий надо проводить, верно следуя заветам Ленина и учитывая при этом конкретную обстановку в каждой стране.

Начало этому уже положено. Активность руководящих парторганов, организаций и отдельных членов во многих секциях хоть медленно, но неуклонно возрастает. Лучшие партии уже теперь проявляют сплошь и рядом подлинно революционную инициативу, упорную энергию и боеспособность, мудрую способность маневрировать и сознательную железную дисциплину истинно-революционной боевой организации.

Эти зачатки большевизации необходимо развивать и впредь неустанно, неуклонно, планомерно. Сознание руководящей революционной роли коммунистической партии и Коммунистического Интернационала должно войти в плоть и кровь каждой партийной организации, каждого отдельного члена партии, дабы из этого сознания коммунистического боевого единства выросла непоколебимая верность и преданность, которая спаяет партию в большевистскую организацию, а Интернационал—в победоносную мировую партию.

Необходимо стать подлинно мировой партией.

В настоящее время Коминтерну еще многого нехватает, для того, чтобы стать подлинно мировой партией. Конгресс напоминает секциям об их обязанности более активно, чем до сих пор, содействовать дальнейшему развитию Коминтерна, путем участия в разрешении международных вопросов, путем регулярной информации и корреспонденции, а также через посредство участия своих лучших членов в Исполкоме.

Опыт показал, что зачастую не представляется возможным созывать национальные партс'езды после всемирного конгресса. Поэтому конгресс отменяет относящееся к этому постановление. Все национальные партийные с'езды (как регулярные, так и чрезвычайные) могут, однако, быть созываемы только с согласия Исполкома.

Борьба за железную дисциплину.

Конгресс поручает Исполкому еще строже прежнего требовать от всех секций и от всех партийных вождей железной дисциплины. Конгресс констатирует, что в некоторых случаях Исполком, щадя престиж заслуженных товарищей, недостаточно энергично выступал против нарушения дисциплины; конгресс уполномочивает Исполком действовать, когда это необхо-

димо, **более решительно**, не **останавливаясь перед крайними мерами**.

В каждой стране и в каждой коммунистической организации необходимо вести работу сплочения Коммунистического Интернационала в единую мировую партию.

Приняв настоящую резолюцию, Коминтерн, обогащенный опытом, с возросшей активностью, волей к борьбе и верой в победу идет навстречу грядущим боям.

Тезисы по вопросам тактики, принятые V конгрессом Коминтерна.

I. Международные проблемы.

1. „Демократическо-пацифистская“ полоса.

Основное, что бросается в глаза при обозрении современной международной политической обстановки, это— начало некоей демократическо-пацифистской полосы. Наступление такого зигзага в мировой политике буржуазии было предсказано IV всемирным конгрессом Коминтерна, собиравшемся в момент, когда всемирная буржуазная реакция достигла своего кульминационного пункта.

Наметившийся сдвиг мировой политики буржуазии в настоящий момент характеризуется следующим:

В Англии у власти стоит так называемое рабочее правительство, возглавляемое вождями II Интернационала. Во Франции парламентскую победу одержал так называемый „левый блок“, и составной частью нынешнего французского правительства на деле является французская „социалистическая“ партия, одна из главнейших партий II Интернационала. Хотя в Германии в связи с пропагандой за проект экспертов также проявляется тенденция к усилению демократическо-пацифистских иллюзий и укреплению позиции социал-демократической партии, как носительницы этой политики, но в то же время дает себя знать и противоположная тенденция, связанная с тем, что господствующий класс при помощи германской с.-д. партии ведет в целях практического проведения проекта экспертов еще более открытую и жестокую, чем до сих пор, политику эксплоатации и подавления революционного движения. Германская социал-демократическая партия, несмотря на внешние изменения, все же неизменно остается соучаствующей в управлении страной партией германской буржуазии и в том или ином виде принимает участие в укреплении буржуазной диктатуры над пролетариатом. В Америке побеж-

дает то крыло империализма, которое снисходит до вмешательства в европейские дела и готово оказать поддержку так называемому заключению экспертов. Растущее движение за образование в Америке „третьей“ (мелкобуржуазной) партии также означает некоторый сдвиг в сторону „демократическо-пацифистской“ полосы в американской политике. В Японии „демократическая“ буржуазия идет к власти, готовясь сменить у кормила правления феодальную партию. Недавняя смена правительства в Японии также истолковывается, как победа „демократии“ и пацифизма. В Дании у власти стоит так называемое „рабочее“ правительство, возглавляемое одним из видных представителей II Интернационала. В Бельгии предстоящие выборы могут привести к власти вождей бельгийской „рабочей“ партии, которые на деле и сейчас являются министрами без портфеля. В Австрии социал-демократия одержала крупную избирательную победу и на деле является одной из опор буржуазного режима. В Чехо-Словакии, в Польше, а также частью в балканских странах, где буржуазия целиком зависит от империалистов крупнейших стран Антанты, намечается отраженное влияние перемен, происшедших в Англии и Франции.

2. Действительный смысл переживаемого этапа международной политики.

На деле то, что происходит, отнюдь не является началом стабилизации капиталистического „порядка“ на основе „демократии“ и „мира“. Это только одна из форм, которой маскируется дальнейшее обострение всемирной буржуазной реакции и которая подготовляет новый обман народа.

„Демократическо-пацифистская“ полоса не только не привела и не может привести к сокращению вооружений, но, напротив, рост вооружений бешеным темпом продолжается. Интриги тайной дипломатии процветают больше, чем когда бы то ни было. Каждая демократия с большей или меньшей откровенностью вооружается для непримиримого империалистического столкновения с другой „дружественной демократией“.

Основной конфликт между американским и японским империализмом нисколько не ликвидирован. Движущая сила этого конфликта, который должен неизбежно привести к новому взрыву империалистической войны, продолжает действовать автоматически.

Противоречия интересов империалистических клик Англии и Франции нисколько не уничтожены победой „демократий“ в той и другой странах. Изменилась только форма соревнования, но не сущность.

Грабеж колоний и полуколониальных стран попрежнему является само-собой разумеющейся предпосылкой „прогресса“ и „цивилизации“.

3. Заключение экспертов.

Евангелием современного „пацифизма“ и „демократии“ является так называемое заключение экспертов. На деле план экспертов направлен к ограблению трудящихся Германии и вообще является попыткой империалистов вчера еще враждовавших друг с другом государств поправить свои дела за счет трудящихся. Оккупация Рура не привела к желанным для французских империалистов результатам. Попытки более откровенного грабительства не увенчались успехом. Единственный путь к „разрешению“ репарационной проблемы это — путь более растянутого во времени грабежа, прикрытого „демократическо-пацифистскими“ фразами. К нему и прибегают в настоящий момент империалисты Антанты, поддерживаемые наиболее заинтересованными слоями германской буржуазии и услужающей ей германской социал-демократии. Заключение экспертов, к которому теперь присоединилась вся международная контрреволюционная социал-демократия, на деле является позорнейшим документом нашего времени. Это — петля не только на шее трудящихся Германии, но и трудящихся целого ряда других стран. Поддержка заключения экспертов со стороны социал-демократии есть такая же измена делу трудящихся как и поддержка ею империалистической войны, ибо заключение экспертов есть продолжение войны только другими средствами.

Заключение экспертов, если даже оно начнет решительно проводиться в жизнь, ни в коем случае не ликвидирует противоречий интересов между различными группами мирового империализма. Чем больше эти интересы попытаются теперь примирить на бумаге, тем с большей силой вспыхнут они через короткое время на деле.

4. Международное положение СССР.

Единственная страна, которая последовательно и до конца продолжает политику мира, это — СССР. Первая страна победоносной пролетарской революции, окруженная буржуазными врагами со всех сторон, стойко и героически ведет политику подлинного мира. За истекший период Союзу Советских Социалистических Республик в значительной мере удалось укрепить свое международное положение. Рост благосостояния внутри страны, поддержка со стороны всего того что есть честного и сознательного в международном рабо-

чем классе, и умелая политика советской власти привели к признанию Союза ССР де-юре со стороны некоторых крупнейших государств мира. Однако совершенно не исключено, что именно „демократическо-пацифистская“ эра может ознаменоваться новыми трудностями для первого пролетарского государства. Нет никакого сомнения в том, что наиболее предательская часть „демократии“ работает теперь над тем, чтобы создать в области международной политики единый фронт против СССР, дабы попытаться поставить победоносную пролетарскую революцию на колени и заставить ее расплачиваться за старые долги, в форме ли аналогичной заключению экспертов, или в какой-либо другой.

Не следует забывать, что „демократически-пацифистская“ полоса является одной из последних фаз капитализма. Чем затруднительней и противоречивей становится положение международной буржуазии, тем более вероятной становится с ее стороны прямая военная авантюра против СССР. А соучастие социал-демократов в нынешних „демократических“ правительствах только увеличивает опасность такой военной авантюры. Контрреволюционные вожди социал-демократии в их безграничной ненависти и злобе к советской власти решатся на военные авантюры скорее, чем некоторые откровенные буржуа. Рабочий класс всего мира должен быть готов к тому, что международной реакции, работающей сейчас под вывеской „демократического“ пацифизма, удастся создать такой единый фронт против СССР. Рабочие всего мира будут беззаветно бороться против такой политики господствующих классов и приложат все усилия к тому, чтобы прорвать эту цепь еще раньше, чем звенья ее сомкнутся.

5. Международная политика социал-демократии.

Контрреволюционная международная социал-демократия, которая в августе 1914 года вынуждена была сбросить с себя маску и открыто поддержать буржуазию „своей“ страны, теперь продолжает вести ту же иностранную политику только в несколько более прикрытой форме. Во всех странах, где социал-демократия является значительной силой, она попрежнему поддерживает империалистов „своего“ отечества, прикрывая эту предательскую политику фразами о демократии и пацифизме. Нет никакого сомнения в том, что именно вожди социал-демократии являются сейчас самыми усердными проводниками политики — а) заключения экспертов и б) подготовки новой изоляции СССР на международной арене и даже прямого похода международного капитала против первой пролетарской революции в мире. В то же время для усыпления бдительности масс

вожди контрреволюционной социал-демократии на своих конгрессах расточают лживые фразы о борьбе против войны путем всеобщей стачки и т. п.

Между политическими вождями буржуазии и вождями контрреволюционной социал-демократии происходит разделение труда. Первые создают видимость „демократическо-пацифистской“ эры, вторые все свои силы отдают для того, чтобы усилить „демократическо-пацифистские“ иллюзии в среде трудящихся классов.

II. Проблема власти.

1. Надломленность буржуазного строя.

Буржуазный строй спас на некоторый срок свое существование, несмотря на то, что первая всемирная империалистическая война к концу ее вызвала громадный взрыв стихийного недовольства масс. Силы международного пролетариата оказались недостаточно организованными, партии международного пролетарского переворота оказались недостаточно сильными, и вследствие этого победа пролетарской революции в конце империалистической войны оказалась невозможной. Но первая мировая империалистическая война тем не менее вызвала глубокие потрясения. Последствия этой войны будут сказываться еще в течение ряда лет; ее социально-политические результаты еще и до сих пор не обрисовались в полной мере.

Империалистические мирные договоры были, как это показала и оккупация Рурской области, продолжением войны только другими методами; они не могли залечить ран, нанесенных войной. Последствия войны не изжиты и не могут быть изжиты капиталистическими методами. Во всяком случае в результате первой всемирной империалистической войны капиталистический строй оказался подорванным и расшатанным не только экономически, но и политически. Симптомы непрочности капитализма на арене чисто политической иногда обрисовываются еще с большей наглядностью, чем в области экономики. Непрестанная быстрая смена правительств в целом ряде стран является одним из таких симптомов. В целом ряде стран проблема власти стоит в порядке дня в такой форме, в какой никогда не стояла до империалистической войны.

2. Две линии политики мировой буржуазии.

В течение последних нескольких лет после империалистской войны, а отчасти уже и перед войной с полной ясностью обрисовались две линии политики мировой бур-

жуазии: 1) открыто реакционная и 2) демократически-реформистская. Наиболее ярким воплощением первой являлся Пуанкаре, второй—Ллойд-Джордж. В годы назревания революционного кризиса появление таких двух линий политики у вождей мировой буржуазии не случайно. Когда колеблется почва под ногами, когда „нормальные“ времена прочного владычества буржуазии отходят в прошлое, когда явно надвигаются революционные события, и растут силы пролетарского переворота,—среди вождей господствующего класса неибежно должны намечаться две системы политики: одна,—пытающаяся разгромить, подавить революционные силы раньше, чем они выросли, открытым, свирепо злобным походом против них; другая, более дальновидная политика, стремящаяся путем мелких уступок, подкупа верхушек рабочего класса,—словом методами, „демократии“, пацифизма и реформизма изменить соотношение сил в пользу буржуазии.

3. Между социал-демократией и фашизмом.

Буржуазия не может уже править прежними методами. В этом—один из симптомов медленного, но верного нарастания пролетарской революции. Буржуазия прибегает к услугам то фашизма, то социал-демократии. В обоих случаях буржуазия стремится замаскировать капиталистический характер своего владычества и придать ему более или менее „народные“ черты. И фашисты (первый период власти Муссолини) и социал-демократы (первый период власти Носке) в нужный момент служат буржуазии службу, как открытая боевая организация контрреволюции, как вооруженные банды, как громилы, обрушившиеся на нарастающую пролетарскую армию переворота. В то же время буржуазия пытается при помощи фашизма и социал-демократии произвести перегруппировку общественных сил, создавая видимость политической победы мелкой буржуазии, участия „народа“ в осуществлении власти.

4. Социал-демократия, как „третья“ партия буржуазии.

В Америке много шуму поднимается по поводу создания „третьей“ партии буржуазии (мелкая буржуазия). В Европе социал-демократия в известном смысле стала „третьей“ партией буржуазии. Это особенно наглядно в Англии, где, кроме двух классических партий буржуазии, прежде мирно сменявших друг-друга у власти, теперь правительствующим фактором стала так называемая рабочая партия, на деле ведущая политику, близкую к одному из крыльев буржуазии. Нет никакого сомнения в том, что социал-предательские вожди английской рабочей партии теперь в течение ряда

лет в той или другой комбинации будут соучаствовать в осуществлении власти английской буржуазией.

Совершенно несомненно также, что и во Франции, и в Англии, и в ряде других стран вожди II Интернационала играют роль буржуазных министериаблей, на деле являясь вождями одной из фракций „демократической" буржуазии. Социал-демократия уже издавна переживает процесс превращения из правого крыла рабочего движения в левое крыло буржуазии, а местами и в крыло фашизма. Вот почему исторически ошибочно говорить о „победе фашизма над социал-демократией". Фашизм и социал-демократия (поскольку дело идет о руководящих слоях того и другого)—это правая и левая рука современного капитализма, надломленного первой империалистической войной и первыми боями трудящихся против капитализма.

5. Социал-демократия вновь у власти.

Во время войны и непосредственно после войны мы уже видели вождей II Интернационала у власти в целом ряде стран. Привлечение социал-демократов к соучастию во власти во время войны об'яснялось грубо-практическими потребностями империалистов противопоставить верхушку рабочих „своей" страны рабочему движению других стран.

В настоящий момент буржуазия в ряде стран привлекает вождей социал-демократии к участию во власти по второму разу. Это происходит в „нормальные" времена, когда нет войны. Именно поэтому данное явление свидетельствует о неустойчивости буржуазного владычества и о том, что нынешние „нормальные" времена на самом деле таят в себе большие ненормальности для буржуазии и чреваты тяжелыми кризисами для нее.

6. Между белым террором и „рабочими правительствами".

Несмотря на видимость упрочения буржуазного режима, на деле могущество его подтачивается все больше и больше. Положение крайне неустойчивое. Парламентаризм отживает свой век. На развалинах старого парламентаризма буржуазии уже становится все трудней и трудней создать сколько-нибудь прочное положение. Исход недавних выборов во Франции и Германии подтверждает это наглядно. В двух буржуазных парламентах (главнейших стран Европы)—в Париже и Берлине—в настоящее время нет сколько-нибудь устойчивого большинства. Буржуазия неминуемо будет шарахаться из стороны в сторону, прибегая то к открытому белому террору, то к попытке опереться на так называемое „рабочее" правительство.

Не исключено, что в ближайшие годы мы увидим так называемые „рабочие“ правительства не в одной или двух, а в целом ряде стран. Эти „рабочие“ правительства явятся производным от борьбы революционного пролетариата за власть и от колебаний в среде буржуазии, которые неизбежны в нынешний период. Об'ективно эти так называемые „рабочие“ правительства могут являться шагом вперед в том смысле, что они будут свидетельствовать о прогрессирующем распаде буржуазного строя, об отсутствии цельности в политике господствующих классов. В этом смысле и нынешнее контрреволюционное „рабочее“ (на деле либеральное) правительство Макдональда исторически прогрессивно. Но задача действительных сторонников пролетарской революции, разумеется, должна заключаться не в том, чтобы превозносить такие „рабочие“ правительства, а в том, чтобы собрать пролетарскую армию для непримиримой революционной борьбы и стараться скорей перешагнуть через так называемые „рабочие“ правительства к победе диктатуры пролетариата.

7. Об'ективный смысл и вероятные перспективы демократическо-пацифистской эры.

Об'ективный смысл переживаемой своеобразной демократическо-пацифистской полосы заключается в том, что буржуазия не может уже править старыми методами. Эта „эра“ является выражением непрочности капиталистического строя, его упадка, начавшегося развития его по нисходящей линии.

Нынешние „демократическо-пацифистские“ правительства, как и правительства аналогичного типа, которые еще могут создаться, не только не поведут действительно демократическую миролюбивую политику, но, напротив, сами будут фашизироваться очень быстро. Классовая борьба не только не затихнет, но в рамках „демократии“ и „пацифизма“ разгорится еще более ярко. Смены режимов (демократия—фашизм—демократия) будут еще больше подтачивать фундамент пошатнувшегося капитализма. Из каждой такой смены народные массы, и в первую очередь пролетарские массы, будут выходит обогащенные политическим опытом и закаленные большей готовностью к борьбе, между тем как буржуазия и прислуживающие ей вожди социал-демократии из каждой такой смены будут выходить с ослабленными силами, более деморализованные и теряющие веру в себя и в свою политику.

Так и будет происходить рост сил пролетарской революции вплоть до ее решающей победы.

III. Проблема создания массовых коммунистических партий, как центральная задача работы Коминтерна.

1. Кризис капитализма и суб'ективный фактор.

Мировая буржуазия не была побеждена к концу мировой империалистической войны, главным образом, потому, что мы не имели еще в решающих странах массовых коммунистических партий, способных организовать революцию, способных повести в бой массы, стихийно поднимавшиеся против виновников войны. Благодаря этому, капитализм получил некоторую передышку.

В обстановке, когда капитализм не может уже господствовать без подержки социал-демократии, в обстановке, когда кризис капитализма становится все более безнадежным, хотя и затяжным, „суб'ективный фактор", т.-е. степень организованности пролетарских рядов и их коммунистических авангардов (партий), является центральным вопросом всей исторической эпохи.

2. Лозунг „к массам!".

Лозунг „к массам", выдвинутый III всемирным конгрессом Коминтерна, целиком остается к силе. Успехи, достигнутые Коминтерном за истекший период, являются только первыми достижениями. Успехи отдельных секций еще не закреплены. И если мы в деле завоевания масс не пойдем вперед, мы легко можем попятиться назад.

3. Завоевание большинства.

Формулы III и IV конгрессов в вопросе о завоевании большинства гласят:

„... При таких обстоятельствах остается в полной силе основное требование III всемирного конгресса—„добиться распространения коммунистического влияния среди большинства рабочего класса и вовлечения в борьбу его решающую часть".

Теперь еще более, чем во время III конгресса, следует признать, что при существующем неустойчивом равновесии буржуазного общества совершенно неожиданно—в связи с крупной забастовкой, колониальным восстанием, новой войной или даже в связи с парламентским кризисом—может возникнуть острый кризис. Но именно поэтому приобретает колоссальное значение „суб'ективный фактор", т.-е. степень сознательности, готовности к борьбе и организованности рабочего класса и его авангарда.

Овладеть большинством рабочего класса в Америке и в Европе—вот в чем заключалась и заключается задача Коммунистического Интернационала.

В колониальных и полуколониальных странах Коммунистическому Интернационалу предстоит выполнить следующие две задачи:

1) создать ядро коммунистических партий, представляющих общие интересы пролетариата;

2) всеми силами поддерживать национальное революционное движение, направленное против империализма, стать авангардом этого движения и в пределах национального движения пробудить и усилить движение социальное". (Из сборника „Постановления IV всемирного конгресса").

V всемирный конгресс Коминтерна целиком подтверждает формулы III и IV конгрессов. Он решительно отметает, как неправильные, с одной стороны, тенденции правых, которые требуют предварительного завоевания „статистического большинства трудящихся масс и полагают, что ни о каких серьезных революционных битвах не может быть и речи, пока коммунисты не завоевали чуть ли не 99 проц. всех трудящихся; с другой стороны, V всемирный конгресс отвергает ошибку „ультра-левых", которые до сих пор не поняли решающего всемирно-исторического значения лозунга „к массам", которые сбиваются иногда на то, что коммунистические партии могут быть партиями пролетарского „террористического меньшинства", и полагают, что компартии, не ставшие массовыми, могут вести массы в бой в любой момент.

IV. Основные предпосылки создания массовых компартий.

Этими предпосылками являются:

1. Организационное построение партии на основе фабрично-заводских партийных ячеек.

Громадное большинство европейских коммунистических партий до сих пор сохраняет старые, заимствованные от социал-демократов принципы организационного построения партии. Это пережиток тех времен, когда партия рассматривалась, как подсобная избирательная машина. Не может быть и речи о создании серьезной массовой прочной коммунистической партии, если эта партия не имеет фундаментом своим партийные ячейки на самых предприятиях (это же относится к организациям молодежи, к организации женщин и т. д.). Это вопрос не только организационный,

а глубоко политический. Ни одна коммунистическая партия не сможет повести в бой решающие массы пролетариата и победить буржуазию, пока она не будет иметь прочных основ на фабриках и заводах, пока каждое крупное предприятие не станет крепостью компартии.

2. Правильная коммунистическая работа внутри профсоюзов.

Образование разветвленных коммунистических фракций в профсоюзах (где можно—легально, где приходится—нелегально) не на словах, а на деле, систематическая, упорная, годами продолжающаяся борьба за завоевание профсоюзов—борьба, которая на провокацию с.-д. вождей к расколу и уходу из профсоюзов отвечает еще более усиленной работой за единство профсоюзов внутри их,—также являются одной из первейших предпосылок создания прочных массовых компартий.

3. Создание движения фабзавкомов.

Движение фабзавкомов является новой формой организации пролетариата, из которой постепенно вырастут новые, действительно революционные профсоюзы и которая при благоприятных условиях послужит зародышем для создания советов рабочих депутатов. Та компартия, которой не удалось еще вызвать серьезного движения фабзавкомов в своей стране и завоевать значительное влияние в уже существующем движении фабзавкомов, не может рассматриваться, как серьезная массовая коммунистическая партия.

Правильное разрешение указанных в этих пяти пунктах задач является основной и элементарной предпосылкой для создания массовых коммунистических партий. Без правильного разрешения этих пяти задач невозможно серьезно говорить о других вопросах коммунистической политики.

4. Правильная политика партии по отношению к крестьянству.

Не только в аграрных и полуаграрных странах, но и в типичных промышленных государствах кризис, созданный после первой империалистической войны, сделал значительные слои крестьянства гораздо более восприимчивыми к революционным идеям коммунистов, чем это было до войны. Пролетариат не может победить и создать советский строй, если он годами не ведет политики нейтрализации одних слоев крестьянства и завоевания на свою сторону других. Коммунистические партии, желающие стать массовыми революционными партиями, не могут ограничиться „тезисами“ по крестьянскому вопросу, а должны суметь установить

живую связь между пролетарским авангардом и лучшей частью крестьянства. Связь эта (она имеет громадное значение и для связи с армией, вербующейся больше всего из крестьян) может устанавливаться, главным образом, через рабочих. Необходимо ввести, как правило, что революционные рабочие фабрик и заводов, где коммунисты пользуются крупным влиянием, систематически должны посылать в деревню большие делегации, собирая для этого необходимые материалные средства, и т. д. Недостаточное внимание к вопросу о крестьянстве есть пережиток социал-демократизма в наших рядах. Компартии, не сумевшие поставить революционную работу в крестьянстве, не могут рассматриваться как массовые компартии, которые серьезно поставят вопрос о завоевании власти. Само собой разумеется, что наши секции остаются при этом марксистскими рабочими партиями, а не „рабоче-крестьянскими" партиями.

5. Правильная политика в национальном вопросе.

В целом ряде государств в результате передела мира после первой империалистической войны усилилось угнетение национальностей и создалась национальная чересполосица. В ряде стран Европы, а еще больше в колониях и полуколониях, накопилась масса горючего материала, способного взорвать господство буржуазии. Правильная политика коммунистов в национальном вопросе, подробно обоснованная в тезисах II всемирного конгресса, является одной из важнейших составных частей политики завоевания масс и подготовки победоносной революции. Нигилизм и оппортунистические заблуждения в национальном вопросе, которыми до сих пор отличается целый ряд коммунистических партий, являются самым слабым пунктом этих партий, которые никогда не смогут выполнить своей исторической задачи, если они не отделаются от этой слабости.

V. Между двумя волнами пролетарской революции.

В течение последнего года начинают обнаруживаться признаки нарастания новой волны революции. Начало революционных боев в Германии, восстания в Болгарии и Польше, крупные экономические стачки в целом ряде государств свидетельствуют о назревании новых революционных событий.

Именно эпоха между двумя революциями или между двумя волнами революционного под'ема большей частью бывает чревата оппортунистическими уклонами вправо и „ультра-левыми" уклонами к пассивности, прикрытой радикальной фразой, к меньшевизму наизнанку.

VI. Беспощадная борьба против оппортунистических уклонов.

Период, истекший между IV и V конгрессами Коминтерна, показал, что оппортунистические уклоны в коммунистическом движении сильней, чем можно было предполагать. Ряд секций Коминтерна отчасти вышел из недр с.-д. партии и принес оттуда некоторые неликвидированные еще пережитки социал-демократических традиций. По мере того, как партии Коминтерна становятся массовыми партиями, правые уклоны могут приобрести особенно опасный характер.

На V конгрессе с полной определенностью выяснилось, что за истекший период в некоторых из важнейших стран рабочего движения представители правого уклона делали попытки совершенно извратить тактику единого фронта и рабоче-крестьянского правительства в сторону толкования этой тактики, как тесного политического союза, органической коалиции „всех рабочих партий“, т.-е. как политического союза коммунистов с социал-демократией. В то время, как для Коминтерна тактика единого фронта имела своей главной целью борьбу против вождей контрреволюционной социал-демократии и освобождение с.-д. рабочих из-под влияния этих контрреволюционных вождей, представители правого уклона пытались толковать эту тактику, как политический союз с социал-демократией.

V всемирный конгресс Коминтерна решительно осуждает этот мелкобуржуазный уклон, категорически отвергает то извращение тактики единого фронта, которое наметилось в нескольких секциях Коминтерна, и заявляет, что будет беспощадно бороться против этой политики, в корне противоречащей решениям Коммунистического Интернационала.

VII. Раз'яснение „ультра-левых“ уклонов.

Большевизм, как движение революционного пролетариата России, сложился не только в беспощадной борьбе против меньшевизма и центризма, но и в борьбе против „ультра-левых“ уклонов. Коминтерн, как международная большевистская организация, с первых же дней своего существования ведет беспощадную борьбу не только против правого оппортунизма, но и против „ультра-левых“ уклонов, зачастую являющихся только обратной стороной оппортунизма. За истекший период между IV и V конгрессами „ультра-левые“ уклоны получили особенно опасное выражение в вопросе о работе в реакционных профсоюзах. Движение за выход коммунистов из профсоюзов чревато величай-

шими опасностями для коммунизма. Если Коминтерн вновь и вновь не даст самого решительного отпора этим тенденциям, играющим только на руку контрреволюционным вождям социал-демократии, желающим избавиться от коммунистов в профсоюзах, мы никогда не создадим действительно большевистских партий.

„Ультра-левые“ уклоны нашли себе выражение также в „принципиальном“ отрицании маневренной тактики вообще, в частности в непонимании тактики единого фронта, в нежелании проводить ее на деле или в попытках признавать тактику единого фронта только для экономической области, но не для политической и т. п. Маневрирование не должно использоваться для применения оппортунистических методов.

Беспощадно борясь против правых оппортунистических уклонов, Коминтерн должен систематически раз'яснять ошибочность и губительность „ультра-левого“ уклона, враждебного идее создания массовых коммунистических маневроспособных партий.

VIII. О тактике единого фронта.

Несмотря на громадные оппортунистические ошибки и извращения тактики единого фронта со стороны правых,— извращения, местами чуть не приведшие было к прямому вырождению компартии,—применение тактики единого фронта между IV и V конгрессами Коминтерна в целом принесло, несомненно, пользу и помогло нам подвинуться на пути к превращению ряда секций Коминтерна в массовые партии.

В период, когда коммунистические партии в ряде главнейших стран еще остаются меньшинством, когда социал-демократия в силу стечения исторических обстоятельств ведет еще за собой значительные массы пролетариата, когда наступление капитала в той или другой форме продолжается, когда рабочий класс не собрался еще с силами даже для организации серьезных оборонительных битв,— тактика единого фронта была и остается абсолютно правильной и необходимой.

Опыт применения тактики единого фронта, на который уже неоднократно указывал Коммунистический Интернационал, остается в силе; стало очевидным, что одними общими формулами уже не обойдешься, что партии Коминтерна в настоящий период зачастую не умеют использовать тактику единого фронта, как таковую, и что тем самым это тактика грозит превратиться в оппортунистическую тактику и в источник ревизионизма.

Тактика единого фронта есть только метод агитации и революционной мобилизации масс для целого периода. Всякие попытки истолковать эту тактику как политическую коалицию с контрреволюционной социал-демократией являются оппортунизмом, отвергаемым Коммунистическим Интернационалом.

Революционная тактика единого фронта только в том случае может быть правильно применена, если каждая отдельная секция в полном сознании всех опасностей этой тактики и, не усваивая формулы механически, поставит перед собой конкретную задачу захватить, организовать массы для борьбы за определенные цели и частичные требования текущего дня и сконцентрировать свои силы, постоянно ориентируясь на революцию и имея перед собой цель вовлечь в борьбу большинство решающих слоев пролетариата, чтобы тем самым подготовить переход к наступлению на буржуазию.

1) Применение тактики единого фронта снизу необходимо всегда и повсюду, за исключением, быть может, редких моментов решающих боев с оружием в руках, когда революционным рабочим-коммунистам приходится с оружием в руках сражаться и против тех групп пролетариата, которые в силу своей несознательности дерутся против нас. Но и в эти исключительные моменты необходимо делать все возможное для того, чтобы осуществить единство снизу с рабочими, не идущими за коммунистами. Опыт русской революции и революционной борьбы в Германии показал, что это возможно.

2) Единство снизу и одновременно переговоры с верхами—этот метод необходимо применять довольно часто в тех странах, где социал-демократия является еще значительной силой. Эти переговоры с верхами не должны лишать партию ее коммунистической самостоятельности. При этом основой проведения тактики единого фронта и здесь должно явиться единство снизу. Обращение к официальным органам социал-демократии (открытые письма и т. п.) не должно превращаться в шаблон. Самое важное—предварительно создать в рабочих массах (в том числе и среди социал-демократических рабочих) настроение в пользу того или другого выступления, начала той или другой борьбы, а затем уже обращаться к официальным органам социал-демократии для того, чтобы ставить их уже перед фактом наличия определенных настроений в рабочем классе и при отказе их поддержать борьбу разоблачить их перед массами.

Само собой разумеется, что коммунистические партии должны сохранить полную и абсолютную самостоятельность в любой момент переговоров, безусловно сохранить свое

коммунистическое „лицо". Для этого все переговоры с верхами социал-демократии должны происходить открыто, и коммунисты должны сделать все возможное для того, чтобы приковать внимание рабочих масс к этим переговорам.

3) Тактика единого фронта только сверху—этот метод Коммунистический Интернационал категорически и решительно отвергает.

Наибольшее значение приобретает тактика единого фронту снизу, т.-е. такое единство, которое под руководством компартии осуществляется между рабочими коммунистами и рабочими с.-д. и беспартийными на фабрике, заводе, в фабзавкоме, в профсоюзе, в масштабе одного фабричного центра или целой области, в масштабе целой профессии, во всей стране и т. п.

Само собой разумеется, что применение тактики единого фронта может и должно видоизменяться в зависимости от конкретной обстановки в каждой данной стране и в каждый данный период времени. Огульное шаблонное проведение тактики единого фронта лишает эту тактику всякого значения и превращает ее в прямую ее противоположность.

При конкретизации тактических методов должна быть учтена вся совокупность условий соответствующей страны, ее структуры и состояния соответствующей секции, при чем центр тяжести должен быть перемещен на мобилизацию масс снизу, на создание боевых органов и на организацию связи с важнейшими слоями трудящихся масс (пролетариат, крестьянство, сельскохозяйственный пролетариат), которые должны быть вовлечены в борьбу.

Тактика единого фронта была и остается методом революции, а не мирной эволюции. Тактика единого фронта была и остается тактикой революционного статегического маневра коммунистического авангарда, окруженного врагами со всех сторон, в борьбе его прежде всего против предательских вождей контрреволюционной социал-демократии, а ни в коем случае не тактикой союза с этими вождями. Тактика единого фронта была и остается тактикой постепенного привлечения на нашу сторону рабочих с.-д. и лучшей части беспартийных рабочих, а ни в коем случае не тактикой принижения наших целей до уровня понимания последних.

IX. Рабоче-крестьянское правительство.

Лозунг „рабоче-крестьянское правительство" понимался и понимается Коминтерном, как вывод из тактики единого фронта в вышеочередном ее понимании. Оппортунистические элементы Коминтерна за истекший период пытались

извратить и лозунг „рабоче-крестьянское правительство“, толкуя его как правительство „в рамках буржуазной демократии“, как политический союз с социал-демократией. V всемирный конгресс Коминтерна категорически отвергает такое толкование. Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ является для Коминтерна переводом на язык революции, на язык народных масс лозунга диктатуры пролетариата. Формула „рабоче-крестьянское правительство“, родившаяся из опыта русской революции, ничем другим не была и не может быть, как методом агитации и мобилизации масс за революционное низвержение буржуазии и создание советского строя. Чтобы создать действительно рабочее или рабоче-крестьянское правительство, необходимо прежде всего низвергнуть буржуазию, которой ныне принадлежит власть повсюду кроме СССР. Низвергнуть и обезвредить буржуазию, подавить ее сопротивление и создать действительные предпосылки для подлинного рабоче-крестьянского правительства возможно только вооруженным восстанием пролетариата, ведущего за собою лучшую часть крестьянства, победой трудящихся в гражданской войне.

Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ был и остается лучшей формулой доступа к массам, к широким слоям трудящихся.

В настоящий период, когда вожди социал-демократии все больше ангажируются в правительственные комбинации с буржуазией, а широкие слои рабочих, идущих еще за социал-демократией, впадают во все большую нищету, создается положение, во многих случаях особенно благоприятное для проведения нами тактики единого фронта и рабоче-крестьянского правительства.

Если как-раз в тот самый период, когда официальная социал-демократия становится „третьей“ правительствующей партией буржуазии, а вожди социал-демократии все больше вовлекаются в правительственные комбинации с буржуазией, — если в этот период умелым проведением тактики единого фронта мы, коммунисты, вовлечем значительные массы рядовых рабочих социал-демократов в экономические, а затем и политические бои совместно с нами, то этим создана будет максимально благоприятная обстановка для того, чтобы ликвидировать влияние контрреволюционных вождей социал-демократии и перетянуть на сторону коммунизма значительные слои трудящихся.

Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ ни в коем случае не является для коммунистов тактикой парламентских соглашений и комбинаций с социал-демократами. Напротив, и парламентская деятельность коммунистов должна быть направлена на разоблачение контрреволюционной роли социал-демократии и раз‘яснение самым широким массам трудя-

щихся маргаринового, предательского характера так называемых „рабочих“ правительств, создаваемых буржуазией, а на деле являющихся либеральными буржуазными правительствами.

X. Частичные требования.

Тактика Коммунистического Интернационала не только не исключает, но, наоборот, предполагает выдвигание в нашей агитации и политике частичных требований. При этом необходимо только иметь в виду три обстоятельства:

а) Выдвигаемые нами частичные требования должны быть жизненны, т.-е. должны быть такими, которые могут рассчитывать на поддержку со стороны широких масс трудящихся.

б) Эти требования должны лежать на линии революционного развития.

в) Требования эти должны всегда связываться с конечной целью; от частного мы должны итти к общему, от частичных требований—ко всей системе требований, дающих в сумме социалистическую революцию.

В то время, как реформисты выдвигают частичные требования вместо пролетарской революции, коммунисты выдвигают частичные требования с целью более успешной подготовки пролетарской революции. Вся агитация коммунистов за частичные требования теснейшим образом связывает каждое из таких требований с программой революционного переворота, в особенности в таких странах, где кризис буржуазного строя налицо.

XI. Демократическо-пацифистские иллюзии.

В связи с создавшейся международной обстановкой неизбежно возникновение на время среди некоторых слоев трудящихся демократическо-пацифистских иллюзий. Вожди социал-демократии сделают все возможное для возрождения этих иллюзий.

Борьба с этими иллюзиями, которая явится для коммунистов одной из важнейших задач ближайшего периода, ни в коем случае не исключает применения тактики единого фронта. Напротив, именно умелое применение тактики единого фронта (привлечение широких слоев с.-д. рабочих к общей с коммунистами экономической борьбе и выдвигание элементарных политических требований, которые, однако, неисполнимы для нынешних демократических и „рабочих“ правительств) может явиться лучшим способом преодоления демократическо-пацифистских иллюзий.

Применение тактики единого фронта будет проходить успешно лишь при одном условии,—если демократическо-пацифистские иллюзии не проникнут в наши собственные ряды и если коммунисты будут видеть все опасности применения тактики единого фронта и лозунга „рабоче-крестьянское правительство“, на которые уже не раз указывал Коминтерн.

XII. Запад и Восток.

Коммунистический Интернационал есть организация мировой революции. Между тем, по ряду обстоятельств внимание Коминтерна слишком накренено в сторону Запада. Необходимо обратить гораздо больше, чем до сих пор, внимания на работу на Востоке, в самом широком смысле этого слова. В Индии, в Японии, Китае, Турции за истекший период создались первые ячейки коммунистического движения. Во всех этих странах начинается широкая экономическая борьба рабочих. Коминтерн должен уделить самое усиленное внимание этому движению, и вместе с тем Коминтерн должен всесторонне поддержать движение всех угнетенных национальностей, направленное против империализма, в духе резолюции II всемирного конгресса, памятуя, что эти движения являются одной из главнейших составных частей того великого освободительного движения, которое только и может привести к победе революции не только в европейском, но и в мировом масштабе.

XIII. Две перспективы.

Эпоха международной революции началась. Темп ее развития в целом и в частности—темп развития революционных событий на том или другом материке или в той или другой отдельной стране с точностью предвидеть невозможно. Вся обстановка такова, что возможны две перспективы: а) не исключено более медленное и затяжное развитие пролетарской революции и, б) с другой стороны, почва под капитализмом настолько минирована, и противоречия капитализма в общем развиваются настолько быстро, что развязка в той или другой стране может притти в очень непродолжительном времени.

Коминтерн должен строить свою тактику на возможности обоих перспектив. Маневренность тактики Коминтерна должна заключаться и в том, чтобы уметь быстро применяться и к изменившемуся темпу. Во всяком случае даже при более затяжном темпе событий Коминтерн должен в качестве массовой и непримиримой коммунистической партии пролетарского переворота собирать вокруг

себя массы и подготовлять их к революционной борьбе за власть.

XIV. Большевизация партий и образование единой всемирной компартии.

Важнейшей задачей современного периода деятельности Коминтерна является большевизация секций Коминтерна. Этот лозунг ни в коем случае не следует понимать, как механическое перенесение всего опыта большевистской партии в России на все другие партии. Основные черты действительно большевистской партии сводятся к следующему:

а) Партия должна быть действительно массовой, т.-е., и будучи легальной и оставаясь нелелегальной, она должна уметь поддерживать самую тесную неразрывную связь с массой рабочих и служить выразительницей ее нужд и чаяний.

б) Она должна быть маневроспособной, т.-е. ее тактика не должна быть догматической, сектантской, партия должна уметь прибегать ко всем стратегическим маневрам против врага, которые позволяли бы ей при этом оставаться в то же время самой собой. Основной ошибкой наших партий является то, что они очень часто не понимают этого.

в) Она должна быть по существу революционной марксистской, неуклонно идущей к цели, при всех обстоятельствах делающей максимум усилий для приближения момента победы пролетариата над буржуазией.

г) Она должна быть централизованной партией, не допускающей фракций, течений и группировок, а монолитной, вылитой из одного куска.

д) Она должна вести настойчивую и регулярную пропагандистскую и организационную работу в буржуазных армиях. Большевизация партии—это означает перенесение в наши секции того, что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого.

Только в меру того, как основные секции Коминтерна действительно превращаются в большевистские партии, Коминтерн не на словах, а на деле будет превращаться в единую всемирную большевистскую партию, проникнутую идеями ленинизма.

Задачи важнейших секций Коминтерна сводятся к следующему:

1. Англия.

Вследствие наличного мирового положения Англия со своими владениями играет в настоящее время первую роль во всех международных вопросах. В связи с этим чрезвы-

чайно возрастает и значение КП Англии. Воспитать КПА так, чтобы она могла исполнить свои обязанности, является одной из важнейших задач КИ. КПА в своем отношении к рабочему правительству обнаружила некоторые идеологические и тактические уклоны. В наступающий период КПА должна концентрировать свои силы на следующих вопросах:

а) Поддержать и способствовать дальнейшему росту левого крыла рабочей партии, так, чтобы оно превратилось в подлинно-революционное крыло внутри рабочей партии и повело бы интенсивнейшую работу в движении меньшинства в профсоюзах.

б) Бороться против так называемого „рабочего правительства“ Макдональда, отчетливо раз‘ясняя массам его буржуазный и враждебный рабочим характер.

в) При всех возможных перевыборах и в предстоящей избирательной кампаниии проводить ясную, отчетливую коммунистическую линию.

г) Вести экономическую борьбу так, чтобы концентрировать главные силы на создании органов единого фронта снизу (стачечных комитетов, фабзавкомов и т. п.) и раз‘яснять рабочим массам политический смысл этой экономической борьбы.

д) КПА должна провести активную кампанию для создании комитетов действия на предприятиях и в профсоюзах с целью оказать давление на так называемое „рабочее правительство“ и добиться выполнения той части программы так называемого „рабочего правительства“, которую оно не выполняет, а именно социализации железных дорог и шахт, повышения пособий безработным, постройки рабочих жилищ и т. п. Только вскрыв предательство „рабочего правительства“ в области насущных нужд рабочего класса б попытавшись втянуть в борьбу за эти цели широкие раоочие массы, КПА разрушит в рабочих массах иллюзии тносительно так называемого „рабочего правительства.“

е) Особое значение КПА должна придать созданию связи с колониями, поддержке национально-революционных движений колониальных стран, вопросу о милитаризме и маринизме, о р азоружении, об отношении Англии к Советскому Союзу, к империалистической Франции, проекту экспертов.

ж) Далее КПА должна начать особенно тщательную работу с целью подчинить своему влиянию безработных.

з) КПА должна обратить особое внимание на внутреннюю организации партии, на вовлечение новых членов из рядов рабочего класса, на создание фабрично-заводских ячеек, на коммунистическое воспитание членов партии и на ознакомление партийных масс с международным рабочим движением.

2. Франция.

Конгресс с радостью отмечает значительные успехи, сделанные французской коммунистической партией, изгнавшей из своей среды сомнительные элементы и становящейся настоящей пролетарской партией. Но вместе с тем конгресс указывает братской партии Франции на неотложную необходимость проведения следующих работ:

а) Создание настоящего аппарата партии, без которого существование пролетарской партии невозможно.

б) Серьезная работа партии в индустриальных центрах страны сверх Парижа,—в крупнейших индустриальных центрах, в которых, как показали недавние выборы, социалисты пользуются еще крупным влиянием. Париж, несомненно, имеет крупнейшее значение для страны, но о победе пролетарской революции нельзя и думать, не завербовав на свою сторону другие важнейшие промышленные центры.

в) Серьезная массовая работа среди широких слоев крестьянства.

г) Проведение в надлежащей форме тактики единого фронта. Вожди французских социалистов не посмели открыто вступить в правительство Эррио, но на деле они являются составной частью этого правительства. Из этого вытекает видоизменение нашей агитации в стране, оставаясь полностью в пределах тактики единого фронта.

д) Серьезнейшее внимание партии должно быть направлено к созданию партийных ячеек на фабриках и заводах. Без этого нет массовой коммунистической партии.

е) Работа по вербовке новых членов партии среди рабочих. Департамент Сены должны поставить себе задачей в ближайшее время иметь не меньше 25.000 членов партии. Такая же кампания вербовки должна произойти во всей стране.

ж) Партия должна употребить все усилия, чтобы создать в стране массовое движение в пользу создания фабзавкомов.

з) Партия должна побороть остатки правых настроений и слить всю партийную организацию под знаменем Коминтерна, создав настоящее работоспособное, крепкое ядро в центре. Какие бы то ни были трения между левыми и бывшим „центром," должны прекратиться. Вся партия должна стать одной коминтерновской левой.

и) Необходимо упрочить международные связи французской компартии и прежде всего создать длительную непрерывную связь с германской компартией.

Французская тяжелая индустрия приобретает все большое значение как в смысле империалистическом, так и для внутриполитических отношений. КПФ борьбу против расту-

щего влияния тяжелой индустрии должна вести прежде всего в связи с борьбой против проведения плана экспертов и в тесном союзе с КПГ.

к) Необходимо ускорить вхождение в партию всех зрелых коммунистических элементов Унитарной Конфедерации Труда, до сих пор еще не вошедших в партию.

л) Вожди Унитарной Конфедерации Труда должны занять более ясную позицию в борьбе против анархизма и вульгарного синдикализма старой школы. В этой борьбе не может быть места неправильной теории „нейтральности“ Конфедерации в коренных вопросах, касающихся коммунизма.

м) Нельзя забывать ни на одну минуту, что при всех успехах, сделанных французской компартией и Унитарной Конфедерацией Труда, ни партия, ни революционные профсоюзы не завоевали еще по-настоящему масс, не закрепили своего влияния организационно и не стали еще таким образом подлинным авангардом французского пролетариата.

н) Лозунг „рабоче-крестьянское правительство“ остается особенно уместным в современной Франции. Агитация за этот лозунг в духе постановления V конгресса Коминтерна должна стать осью всей агитации французской компартии.

3. Германия.

Основная перспектива германской революции остается та же, какая была дана Исполкомом Коминтерна осенью 1923 г. Не исключено, что победа „демократического пацифизма“ в Англии и Франции на время придаст некоторую силу германской буржуазии и германской социал-демократии. „Демократическо-пацифистские“ иллюзии рикошетом перекинутся из Англии и Франции также в Германию. Не исключено, что английское правительство Макдональда и французское правительство Эррио на время поднимут парламентский вес германской социал-демократии и даже прямо посадят ее на время в седло. Все это осложняет политическое положение в Германии и создает возможность более затяжного развития. Тем не менее международное положение германской буржуазии и германской социал-демократии в основном остается безнадежным, несмотря на готовность их трижды предать интересы „отечества“, благословить заключение экспертов и т. п. Внутренний кризис может обостриться очень быстро. Об этом свидетельствуют великие классовые битвы последнего времени.

Кризис партии изжит. Но чтобы обеспечить полное изжитие кризиса и невозможность возрождения новых опасностей, нынешний центральный комитет партии должен суметь:

а) железной рукой дать решительный отпор всем тенденциям к выходу из с.-д. профсоюзов; заставить всех до единого членов партии не за страх, а за совесть провести тактику Коминтерна и франкфуртского партейтага в вопросе о профсоюзах; решительно и энергично провести реорганизацию партии на основе фабрично-заводских партийных ячеек; это принесет партии громадную пользу и в тех случаях, когда ей придется вести свою работу нелегально;

б) вести решительную и беспощадную борьбу против тенденций, стремящихся под маской радикализма протащить в партию теоретический ревизионизм и меньшевистские уклоны;

в) суметь твердо и энергично провести линию Коминтерна в вопросе о крестьянстве;

г) то же в национальном вопросе;

д) в парламентской работе суметь соединить непримиримую коммунистическую принципиальность и резкость с деловитостью;

е) уделить гораздо больше внимания, чем до сих пор, движению фабзавкомов.

Исполнительный комитет Коминтерна, как и все братские секции, должен оказать нынешнему центральному комитету германской партии неограниченную поддержку. В этом случае партия легче сумеет справиться с правыми уклонами, причинившими такой громадный вред, и кое-где еще могущими возродиться.

4. Чехо-Словакия.

Правые тенденции, которые в Германии развивались до своего логического конца и поэтому полностью обнаружили свою несостоятельность, имелись и имеются также в чехо-словацкой партии. Если эти тенденции не дошли до такого банкротства, как в Германии, то только потому, что темп политической жизни в Чехо-Словакии был более замедленным. Коминтерн, между прочим, для того и существует, чтобы одни секции на ошибках других секций учились не повторять этих ошибок. В данном случае это должна сделать чехо-словацкая партия. Чехо-словацкая компартия, состоя в своем громадном большинстве из прекрасных пролетарских элементов, тем не менее не сумела до сих пор стать еще настоящей большевистской партией. Необходимо:

а) прежде всего выправить теоретическую линию партии;

б) признать ошибки в формулировках пражского партс'езда и последней брюннской конференции;

в) ориентировать всю партию на то, что недостаточно массы только охватить, но что необходимо вести их на рево-

люционные частичные выступления и подготовить их идеологически и организационно для ведения решающей борьбы:

г) в деле проведения тактики единого фронта бороться против правых уклонов, целиком стать на почву решений V конгресса и решительно их проводить;

д) развить большую активность в работе среди крестьянства;

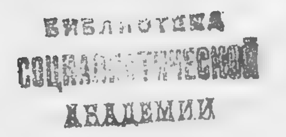
е) внести отчетливый ленинский дух как в национальную программу, так и в требующую интенсификации национальную политику;

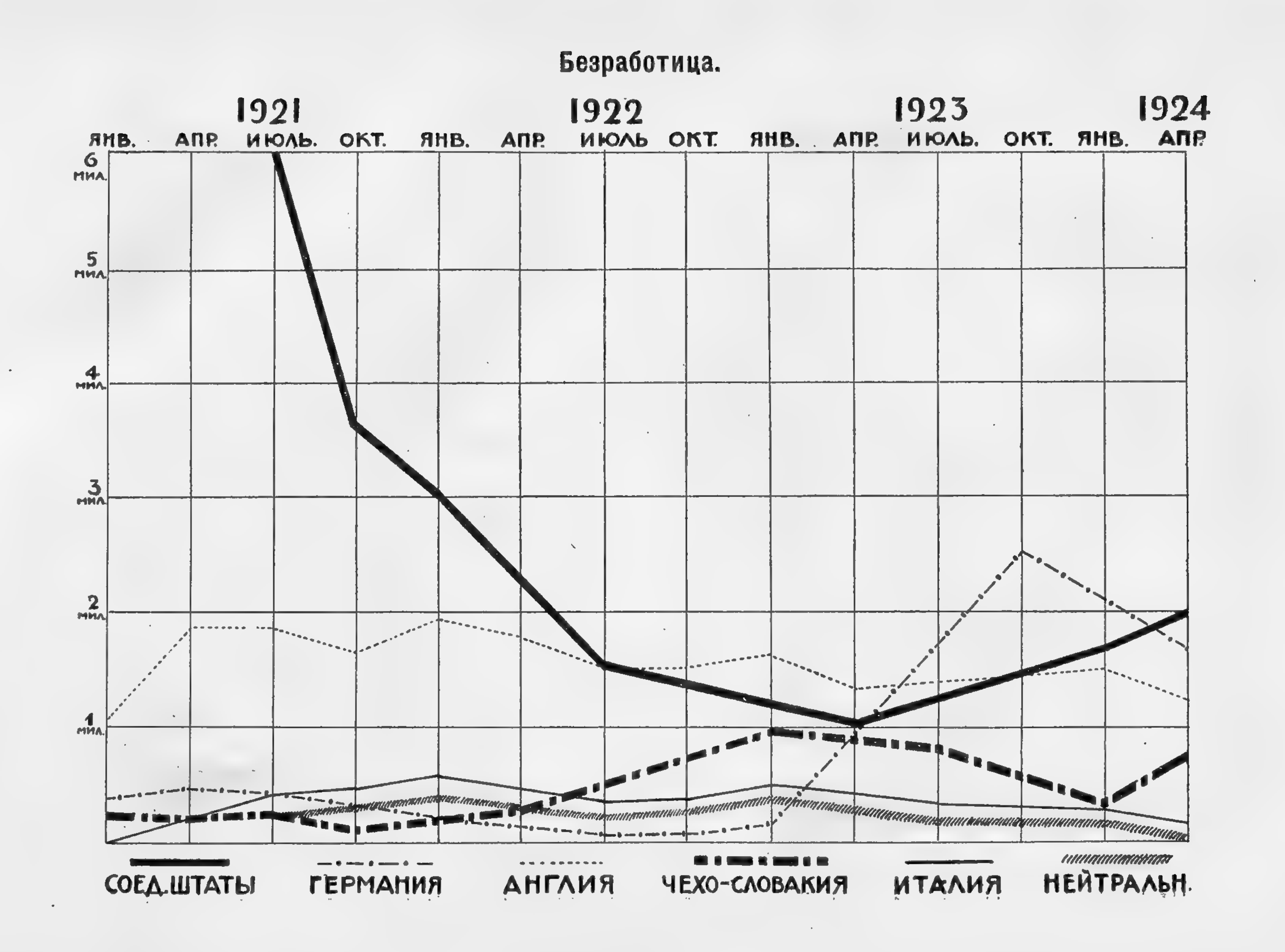
ж) вести парламентскую деятельность партии в духе революционного парламентаризма;

з) оживить деятельность ЦК, сделать руководство более постоянным, напряженным и энергичным;

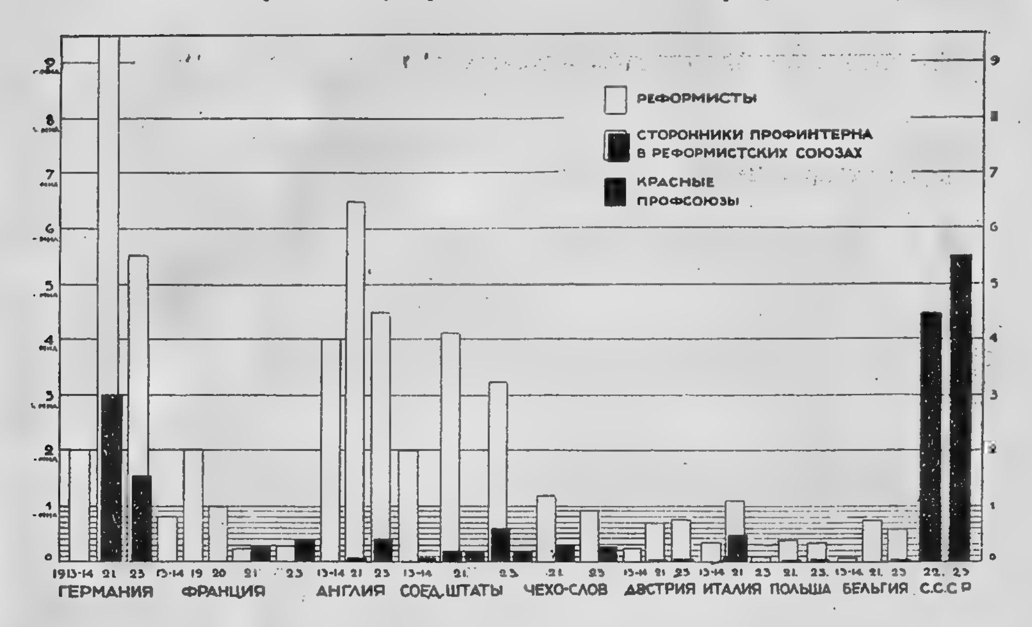
и) влить в ЦК свежие силы из среды наиболее выдающихся рабочих;

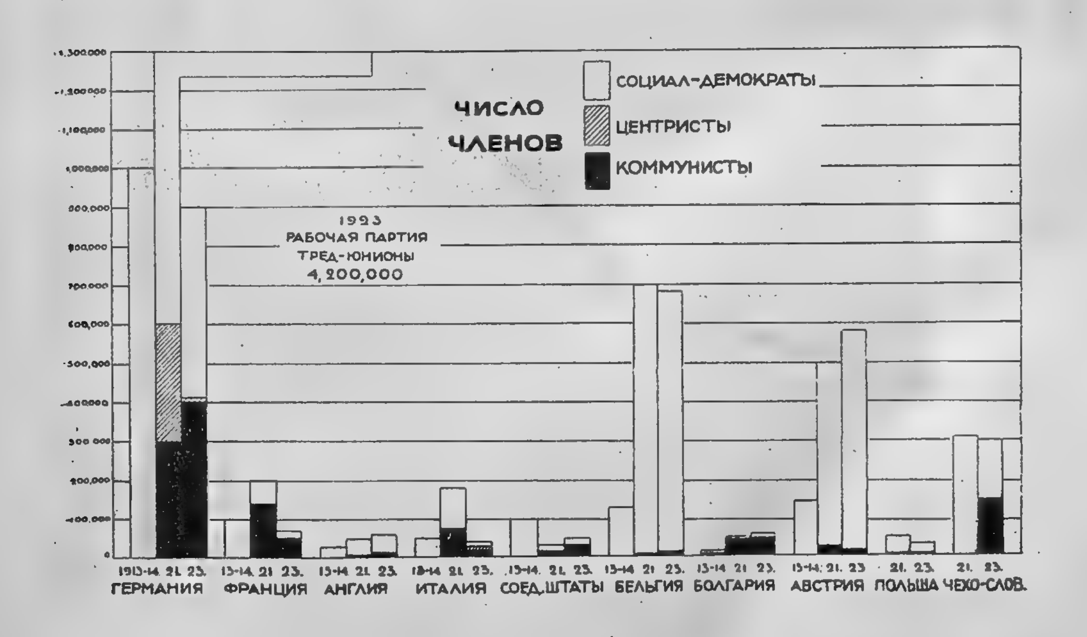
к) по-товарищески и без предубеждения пойти навстречу справедливым требованиям обнаружившегося на V конгрессе меньшинства, а особенно — союзу молодежи.

Безработица.
1921
1922
1923
1924
ЯНВ. АПР. ИЮЛЬ. ОКТ. ЯНВ. АПР. ИЮЛЬ ОКТ. ЯНВ. АПР. ИЮЛЬ. ОКТ. ЯНВ. АПР.
6 МИЛ.
5 МИЛ.
4 МИЛ.
3 МИЛ.
2 МИЛ.
1 МИЛ.
СОЕД. ШТАТЫ
ГЕРМАНИЯ
АНГЛИЯ
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ
ИТАЛИЯ
НЕЙТРАЛЬН.

Число рабочих, организованных в профсоюзы.

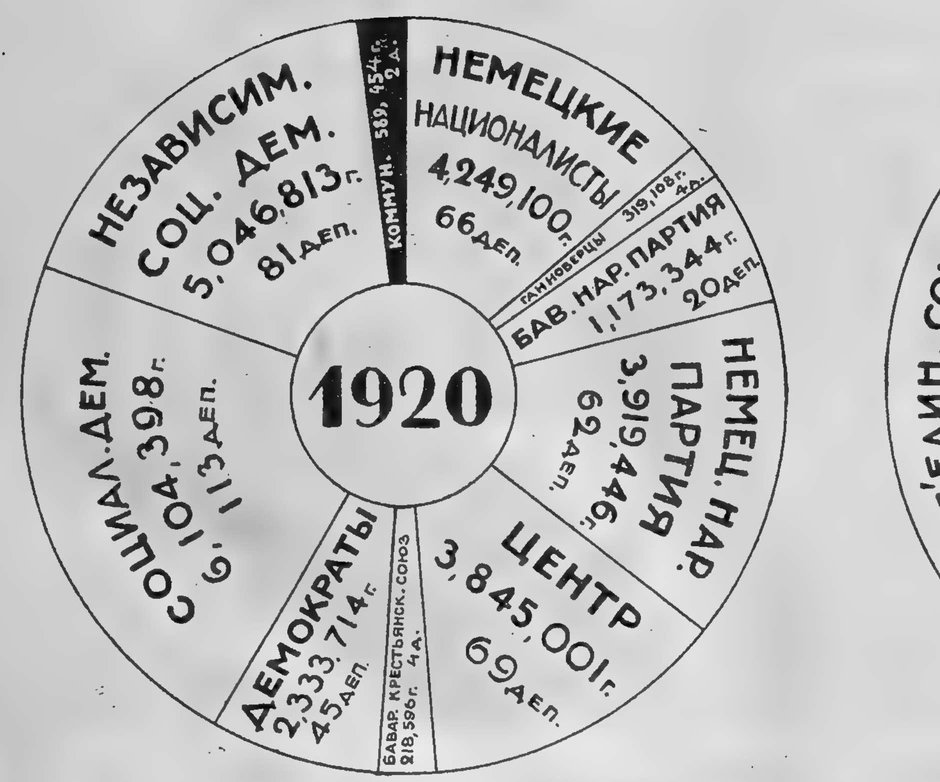

Выборы в Англии.

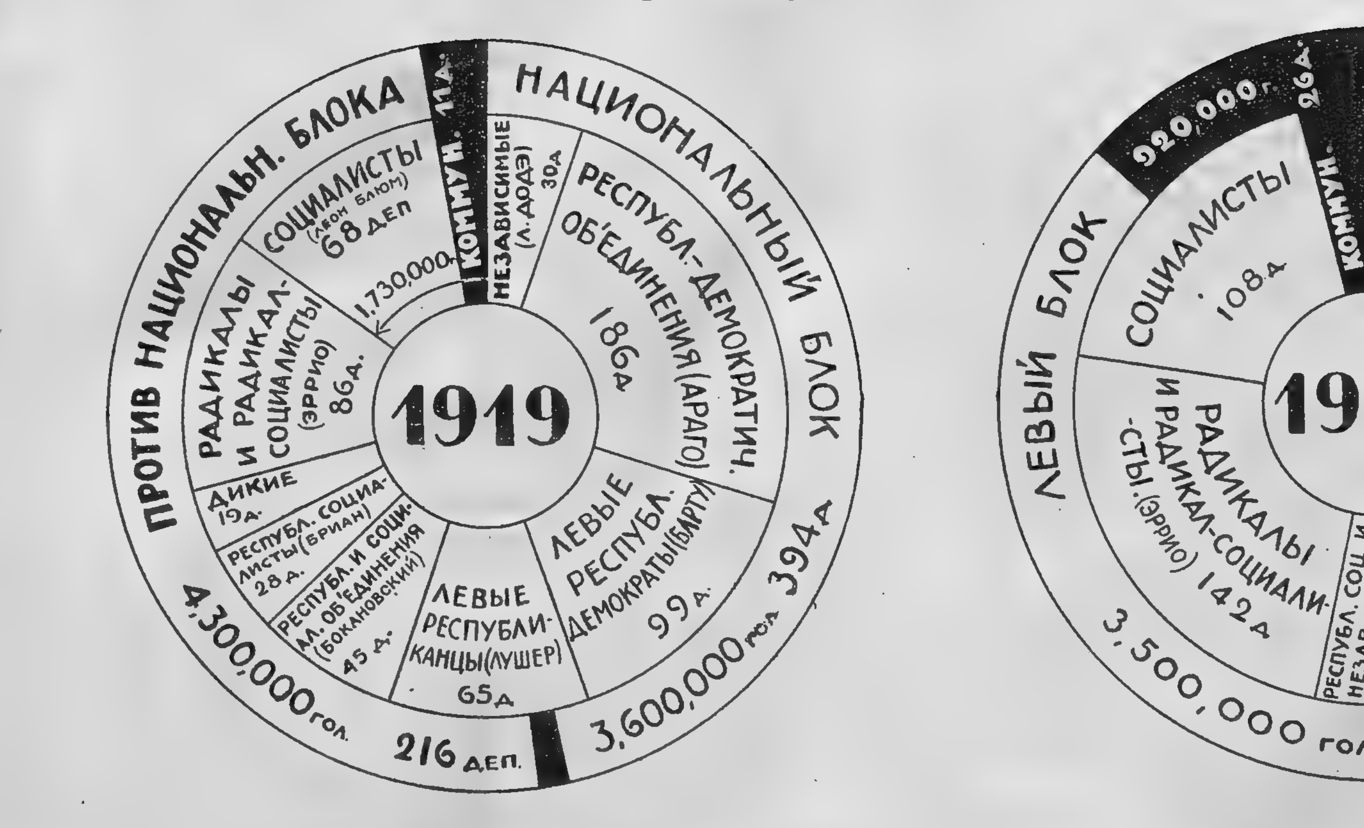

Выборы в Германии.

Выборы во Франции.

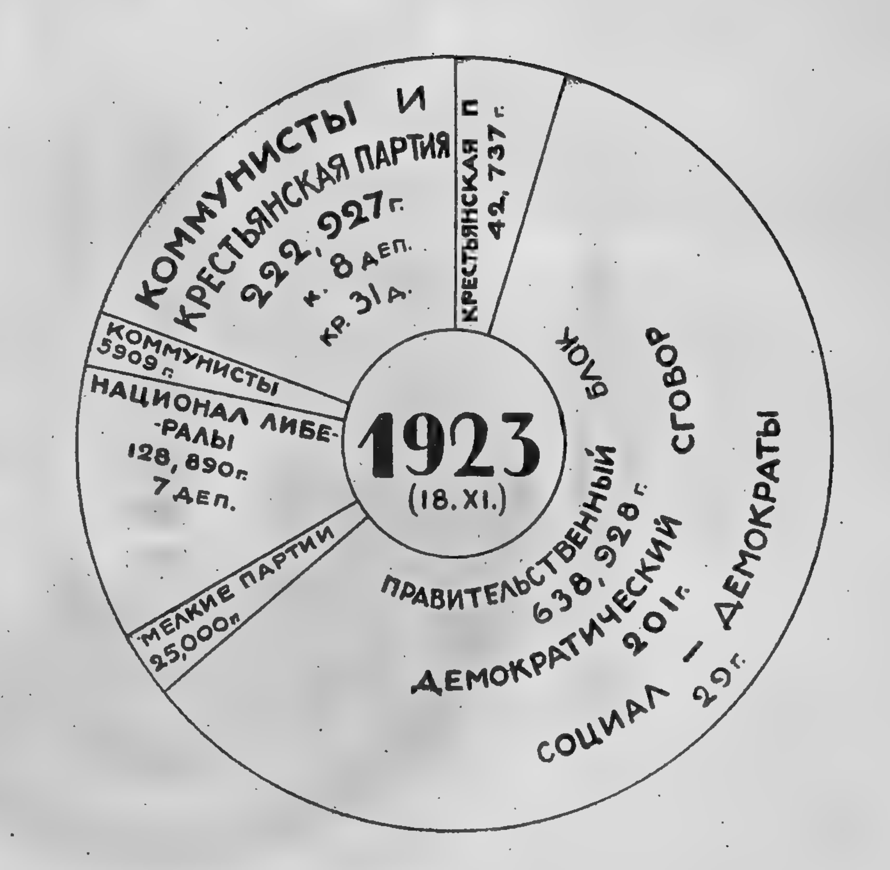
Выборы в Италии.

Выборы в Болгарии.

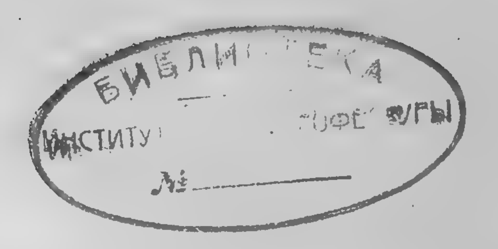

Выборы в Подкарпатской Руси.

СОДЕРЖАНИЕ.

9-3

